

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

АЛЬМАНАХ

«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

2003

ЛТ

84 (2Рос = Р4с)В
п 54 - 2у

X

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

Таймирская
окружная
библиотека

185854

2003
ЛТ

Творческая студия
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва

Управление по делам культуры и туризма
Администрации Таймырского
(Долгано-Ненецкого) автономного округа

*«Мерою достоинства писателя
или отдельного произведения
мы принимаем то,
насколько служат они выражением
естественных стремлений
известного времени и народа».*

Н. А. Добролюбов.

Составители *Марина Ширяева, Елена Ягумова*
Редактор *Валентина Заварзина*
Ответственный за выпуск *Клара Тлехугова*
Корректор *Светлана Петрова*
Верстка *Анна Просекова*

©Таймырская окружная библиотека
©Таймырская региональная писательская организация

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Наталья БЛОХИНА

- Молитва. 5
Ночь. 5

Лилия ГАРМАНОВА

- «Когда молчат уста...» 6
«Смахну слезу, мороз
крепчает...» 6
«Зацвел цветок...» 6

Людмила ЗНАЕВА

- «Вот уже проснулось небо...» . . . 7
«А хозяина нет...» 7
«По лезвию судьбы...» 7

Нина КОВАЛЬЧУК

- Бабье лето. 8
Уставшая звезда. 8
Цыганский танец. 9

Валерий КРАВЕЦ

- К отъезду из Норильска. 10
Поздний август в тундре. 10
Проезжая мимо восстановленных
храмов. 11
«Пока есть время...» 11
«Времени не много и не мало...» 11
«Опять наполнен злобой
взгляд...» 11

Геннадий КУЗНЕЦОВ

- Ритм асфальта. 12
«Зачем, весь мир...» 12
«А я твоей любовью жив...» . . . 12

Анатолий ЛЕВЕНКО

- Пророчество Дудинке 13
Жарки в городе. 13
«Загадкой тронут Таймыр
таинственный...» 13

Галина ЛЕТИГИНА

- «Не знаю, кто из нас
благоразумней...» 14
«Когда капризен слова
завиток...» 14

Юлия ЛИСИЧКИНА

- Сны. 15
Межсезонье. 16
«Уже июль. Похож на осень...» . 16

Сергей ЛУЗАН

- О поэзии. 17

- Гусь над одинокой могилой. 17
«Ветер сырой...» 17

Геннадий МЕДВЕДЕВ

- Возвращение в Дудинку. 18
«Дремлет ветер, крылья
свесив...» 8
«Не спится мне...» 18

Станислава МОГИЛЕВА

- «Беру свои слова обратно...» . . 19
«Я – твое второе я...» 19
«На других планетах...» 19

Владислав РЕШЕТОВ

- Часы Господа 20
«О Боже, я шут...» 20
«Тихо, на ресницах снег...» . . . 21
«Только в тихие минуты...» . . . 21

Ася РУДИНСКАЯ (АНТОНОВА)

- Деревя. 22
Осень за окном. 22
Моей земле. 22

Елена САГАН

- Если б я умела рисовать. 23
«Крошки мыслей сожму в
кулак...» 23
«Замерли все зеркала...» 23

Светлана САЛАЙКИНА

- Девочка-фантазия. 24
«Как люблю я тихим вечером...» 25

Леонид САФРОНОВ

- «Ночное светило небесным
пупом...» 26
Рождество. 26

Марк ХАСДАН

- Ветеран. 27
На смерть Андрея Сахарова. . . . 28

Татьяна ШАЙБУЛATOVA

- Гроссмейстер. 29
Город гибели проклятий. 29

Алевтина ЩЕРБАКОВА

- «Уже зовут божественные
скрипки...» 30
«Нанизываю бусинки дождя...» . 30
«Сквозь азиатский вольный свой
прищур...» 30
«Бьет дождем наотмашь
осень...» 30

Елена ЯГУМОВА

- Сестре Филомеле 31
«Пропоют корабельные
склянки...» 31
«Тери сухой соберу в
костерок...» 31

ПОЭЗИЯ. ДЕБЮТАНТЫ

Олег ЯРУНЦОВ

- «Что наша жизнь?...» 32
«Кто может поручиться в этом
мире...» 32
«Что этот день нам снова
принесет?...» 32

Екатерина ВЯЗОВЦЕВА

- Ангел. 33
«Закрывать глаза...» 33

Ольга ГРИЦЕНКО

- «Большие поэты все пишут...» . 34
«Женщина стихи не сочиняет...» 34
«Ветер – твоя стихия...» 34

Виктор КАЛИНИН

- Не вернутся. 35
«Падают снежинки, тают на
щеках...» 35
Памяти ветеранов. 35
Северный город. 35

Герард ЛУБИНИН

- Письмо из Заполярья. 36

Нина ОСМАНОВА

- Просьба. 37
Мой мир. 37

Алена ПЛАТОНОВА

- Посвящается Альке. *Отрывок из
поэмы.* 38

Вячеслав ХАНЖИН

- «По линии руки...» 39
«Перепады, перскаты,
водопад...» 39
«Мать-Россия – без сына...» . . . 39
«Желтело горчицею поле...» . . . 39
«Аля, Алька, Алевтина...» 39

Василий ШИЦКО

- Нежность. 40
Женщинам Таймыра. 40
«Любовь и Розы...» 40

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Владимир КАНТАРИЯ

- «Легкою упряжкой...» 41
«Карандашик непослушный...» . 41
«Кто там в чайнике свистит?...» 42
«Испугалась луна...» 42
«Телеграммы телеграф отправляет
на орлах...» 42

Эдуард НОНИН

- Петр Петрович Петухов. 43
Баобабы. 43

ПРОЗА

Ирина АПЛЕСНЕВА

- Путешествие на архипелаг
юности. 44

Елизавета БАРСУКОВА

- Нить Ариадны.
Отрывок из романа. 47

Татьяна БЕГЛЕЦОВА

- Я люблю. 50
День рождения. 50
Легкая. 51

Юрий ГРАДИНАРОВ

- В низовье Енисей могуч...
Фрагмент из романа.
Продолжение. 53

Ирина ДУБОВИЦКАЯ

- Верника. Рассказ 64

Геннадий МЕДВЕДЕВ

- Любка. Рассказ 71

Николай ОДИНЦОВ

- Круг безысходности. 73

Константин САЛЬНИКОВ

- Тайна старого чердака.
Историческая повесть. 77

Виктор САМУЙЛОВ

- Знак равенства.
Окончание повести. 85

Владимир СОЛДАКОВ

- Хантайские зарисовки. 92

Владимир ЭЙСНЕР

- Лиственницы, как они есть. 98
Шипы и розы. 99

Олег ЯРУНЦОВ

- Последний аргиш. 104

ПРОЗА. ДЕБЮТ

Мария ГРАЧЕВА

- Вечер надежд. 113
Изюм. 115

Раиса ЯПТУНЭ

- Все зовет меня даль
бескрайняя... 116

ПРОБА ПЕРА

Татьяна МИХАЙЛОВА

- Легенда о четырех сестрах. ... 118

Роман ПОПОВ

- Моя снежная Родина. 119

Ксения ЦЫЦЕР

- Диксонское море. 121

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИНИАТЮРЫ

Валентина ЗАВАРЗИНА

- Мелодия. 122
Светонос. 122
Тоска по лету. 122
Ожидание. 122
Разлука. 123
«Вначале было слово...» 123

ДРАМАТУРГИЯ

Татьяна ЦАРЬКОВА

- Сказки для театра:
Там, где жила душа... 124
Звездная болезнь. 126

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ТАЙМЫРА

Наталья УТУКОГИР

- Камень, Озеро, Гора. Эвенкийская
сказка. 129

ПАМЯТЬ

Оксана ДОБЖАНСКАЯ

- Слово о друге. Воспоминания о
К.И.Лабанаускасе. 133

Николай ПОПОВ

- Из рода Каранто. 136

Мargarита БОЯРСКАЯ

- Огдо. Рассказ. 139

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Галина КОЖЕВНИКОВА

- Огдо Аксенова: она сама и
о ней. 141

Наталья БЛОХИНА

Живет в Норильске. По профессии психолог-консультант, работает в Индустриальном институте. Ее стихи печатались на страницах норильских газет, в альманахе «Полярное сияние», в женском поэтическом сборнике «Стихотворящая лоза» (2001).

МОЛИТВА

Боже, сохрани мою семью,
зачеркни все страхи и тревоги
и прости, Господь, печаль мою,
указуя светлые дороги.

Сохрани от бед моих детей,
сбереги от злого помышленья,
от вездe расставленных сетей,
от тяжелых за душой камней.

Господи, для мамочки моей
исцеленьем тела дни умножи.
Труд неженский в жизни выпал ей,
но душа несла достойно, Боже.

Господи, храни мою страну.
Сколько лет бредем, плевелы сея.
Помоги нам в душу заглянуть,
чтобы каждый занялся своею.

Господи, друзей моих храни,
дай им силы устоять в невзгодах,
и врагам моим продли их дни,
радость дай в закатах и восходах.

Господи, храни мою семью,
мы едины – Родина, планета.
Как живую воду, радость пью,
что для всех пребудет в мире света.

7.11.01

НОЧЬ

Ночь пустыми глазницами окон
смотрит в сад, напоенный дождем,
и поет тонкой медью высокой
свой сладчайший и тихий псалом.

Долетают слова до сознания.
Новолуния серп обнажен.
Ветер ночи зеленым дыханьем,
ароматом заполнил объем.

И мерещилось в гулком пространстве:
звон бубенчика, смех, голоса...
Сад стоял в подвенечном убранстве –
до венчания за полчаса...

Запах белых жасминовых веток
опьянял, как таинственный хмель,
звук романсов, когда-то пропетых,
душу так же волнует досель.

Смерть, как ночь, мне в сознание врывалась
и, незримая, шла напролом...
От нее, видно, только осталось –
чутко слышать венчальный псалом.

Лилия ГАРМАНОВА

*Родилась в 1951 году. Живет в поселке Диксон.
Работает телефонисткой. Воспитала дочь, растит
внука. Пишет стихи, любит природу. Мечтает о
возведении церкви на Диксоне. Впервые публиковалась в
альманахе «Полярное сияние – 2002».*

*27 августа День памяти
героев-североморцев,
защитивших Диксон
в 1942 году*

Когда молчат уста, душа кричит,
И слезы катятся порой из стали.
В суровые для всех часы
Вы Диксон смело защищали.
Волна встречается с волной.
Пощады, выгод – не просили
Ушедшие в неравный бой...
А нас на жизнь благословили.
Молчат уста. Лишь шум волны.
Минувшее все помнят дали.
Вот на поверку вышли мы
С поклоном в сердце – не из стали.

Зацвел цветок,
А за окном пурга.
Зацвел цветок,
А за окошком Север!
Зацвел цветок
От нашего тепла
И оттого, что мир
В любовь поверил.
На Диксоне
Зацвел цветок
Про нашу честь,
Чтоб доказать –
Любви тепло и здесь.

Смахну слезу, мороз крепчает,
Нос щиплет, щеки донимает,
И... улыбнусь самой себе.
Упрямая, наперекор судьбе
Живу среди снегов, мечты,
Ветров безжалостных, пурги,
Среди камней, небес пространства,
Желаний, тундры, жизни, счастья,
Среди причуды дивных далей
И ярко-красочных сияний,
Среди вселенских звездных глаз,
На Севере! – Он любит нас.

Людмила ЗНАЕВА

Родом из Молдавии. В Норильске живет с 1980 года.
 Преполагает в Норильском педагогическом училище
 психологию. Автор поэтического сборника «Одинокий
 силуэт». Стихи публиковались в норильской печати, в
 альманахе «Полярное сияние», в сборниках «Гнездовые
 выюг», «Стихотворящая лоза». Лауреат литературной
 премии имени Юрия Бариева в 2000 году.

Вот уже проснулось небо.
 И полоской тонкой, рдяной
 солнце развернуло «гребник»
 свой багряный.

Так давай читать молитвы
 за друзей и за прохожих.
 В этой океанной битве
 все мы – схожи.

Марку Хасдану

А хозяина нет.
 А хозяин ушел воевать
 за казенную снедь,
 за липенную дома кровать,
 за привычный финал,
 за последнюю явную судьбу.
 Подошла – не узнал,
 и не выбрал меня из толпы.
 Пожалел? Пощадил
 из последних,
 из меркнущих сил.
 Белый саван хранил
 в складках песен
 и в золоте крыл.

«...и ранят в кровь свои босые души...»
 Владимир Высоцкий

По лезвию судьбы – «босой душой» –
 прямить, руля,
 без права на ошибку.
 Оставшийся отрезок небольшой
 да не посмеет хлипким стать и зыбким.
 Не вправо и не влево.
 Набекрень
 бывают только пятна горностая.
 А ты иди, как нить в иголку вдень,
 итог – последняя прямая.
 А в мире есть овалы и углы,
 зигзагами изломанные нервы.
 Но точно в цель направлены стволы,
 Где ты в своей судьбе – последний первый.

И вот (сейчас случится в ритме сшибки)
 одно из стихотворных мудрых правил:
 ведь счастье – это право на ошибку
 и время, чтоб потом ее исправить.

Нина КОВАЛЬЧУК

Родилась в 1949 году на Полтавщине. С 1980 г. живет в Хатанге, работает инженером-синоптиком в Хатангском аэропорту. Стихи пишет давно, но больше «для себя». Ее стихи публиковались на страницах окружной газеты «Таймыр», в газете «Заполярный вестник», в альманахе «Полярное сияние», в коллективных поэтических сборниках.

БАБЬЕ ЛЕТО

Как быстро зеленое лето промчалось
И тундра уж вовсе осеннею стала,
И лес поредел, и засохла трава,
И нужные где-то застряли слова.

Краснеют лишь яркие капли брусники
И чудятся весен прекрасные лики.
Но ветрено, холодно – лето прошло.
И вдруг – навалилось неожиданно тепло.

И лето вернулось, и лето запело,
Как будто бы что-то сказать не успело.
Утихли дожди, посветлела река,
И стала нежнее родная рука.

И снова, как прежде, душа встрепенулась,
И сердце добрей, и надежда вернулась.
Спасибо природе за этот мажор,
За ясное небо, душевный простор!

Мы старимся, верно, но – это лишь осень.
Пусть время летит и нас дальше уносит,
Еще допоем и костер догорит –
Симфония бабьего лета звенит.

УСТАВШАЯ ЗВЕЗДА

Еще горит уставшая звезда.
И дым костра еще стремится в небо,
А след твой остывает без труда,
И голос затихает, словно небыль.

Не выпито еще вино до дна,
Звенит струна и не погасли свечи,
Но ты ушел, и я сижу одна,
И будет бесконечным этот вечер.

Еще не осознать, что все — беда!
Еще в кувшине не завяла верба...
Как ты ушел – уходят навсегда.
...Горит звезда устало в темном небе.

ЦЫГАНСКИЙ ТАНЕЦ

Под звуки вкрадчивых аккордов,
Начало танца возвестив,
Выходит танцовщица гордо,
Неся «Цыганочки» мотив.
Как грациозна! Как красива!
Как несказанно хороша!
Блестит волос роскошных грива,
И полон тайны первый шаг.

Но темп звучит, все нарастая,
И заколдовывает круг;
Партнера деве приглашая,
Он вихрем нот взорвался вдруг.
И вот уж легкий звон металла
Лег ожерельем на груди,
И гибкость девичьего стана
Невольню душу бередит.

И снова серною взлетела,
Вокруг танцора понеслась!
Гармонией души и тела
Отозвалась в ней танца власть.
Огонь и страсть, восторг и муки
Слились в стремлении одном.
Танцует грудь, танцуют руки
Под струн гитарных перезвон.

И нет конца очарованью,
Что так пленяет слух и взор –
Прекрасной музыки дыханье,
Движений сказочный узор.
И где предел тому подъему,
Который искренне дарит
Мотив «Цыганочки» знакомый,
Что вихрем пламенным кружит!

Валерий КРАВЕЦ

Журналист, поэт, член Союза писателей России. Тридцать два года прожил в Норильске. Работал журналистом телевидения, делал передачи о людях, природе и проблемах Таймыра, публиковался в окружных, краевых и центральных изданиях. Первый переводчик на русский язык стихов Огдо Аксеновой. Автор двадцати книг. Альманах «Полярное сияние» предлагает новые стихи поэта.

К ОТЪЕЗДУ ИЗ НОРИЛЬСКА

Из родимого гнезда
В жажде перемены места
Не пускает, как беда,
Суеверный страх отъезда.
Неизвестностью томит.
Липнет в кулачке копеейкой.
То вдруг солнышко затмит,
То всплакнет в душе жалейкой.
Мне Норильск не позабыть,
Как подаренное чудо.
Суть не в том, куда отбыть,
Для души важней – откуда...

*Норильск,
13. 12. 2002 г.*

ПОЗДНИЙ АВГУСТ В ТУНДРЕ

Заострились рожки месяца.
Посветлело ночи дно.
Осень на ветвях развесила
Листьев пестрое рядно.
Стали ягодники злачными,
Побурел олений гриб,
Речки тихой обозначился
Соблазнительный изгиб.
Тундру снегом припорошило,
И в объятых белизны
Пожелал всего хорошего
Август людям до весны...

ПРОЕЗЖАЯ МИМО
ВОССТАНОВЛЕННЫХ ХРАМОВ

Вдоль дорог, по мере сил ухоженных,
Что бегут меж рощиц и полян,
В храмы из руин рукоположены
Церкви и церквушки поселян.
Вера возродилась и упрочилась –
И пред этой радостью большой,
Чтобы совесть больно не ворочалась,
Дело лишь за малым – за душой...

Пока есть время, жар и кров,
Давай с тобой любить друг друга.
И если наломаем дров,
То от любви, а не с испуга.
Давай, пока горят огни,
Зовя в невечную дорогу,
Любить оставшиеся дни
И в них себя, хотя б немного...

Времени не много и не мало.
Время или есть, или вовсе нет.
Повторяют телесериалы
Эпизоды снятых жизнью лент.
Время то спрессовано, то зыбко.
То замрет, то все поднимет вспять.
Как печально, что свои ошибки
Не хватает времени понять...

Опять наполнен злобой взгляд.
Опять бессильно ищут руки
В нагроможденье баррикад
Спасенье от докучной муки
Внимать вождям, терпеть господ
И становиться тихо сбродом.
Я не могу понять народ,
Стать не желающий народом...

Геннадий КУЗНЕЦОВ

Родился в Тамбовской области в 1973 году. С 1992 года живет в Норильске. Работает на никелевом заводе. Его лирические стихи и стихи для детей публиковались в периодических изданиях Норильска, Тамбова, Мичуринска, в альманахе «Полярное сияние». В 2002 году в Норильске вышла книга стихов для детей «Когда я была большой».

РИТМ АСФАЛЬТА

Диктует ритм асфальт из-под ноги,
Остановись, и высь застынет тут же,
И вечных звезд текущие круги
Замрут на миг и отразятся в лужах,

Чуть преломляя в заморозке свет.
Хрусталик льда застывшего молчанья,
Под фонарем застынет мгла, и нет
Ни звука, ни обиды, ни отчаянья.

14. 09. 02.

Зачем, весь мир вверх дном перевернув,
Объевшись правды, не найдя ответа,
В мой тихий мир прописывать войну?
Глаза песком засыпало от ветра,
И десны оцарапал сухарем,
И щиплет губы от постылой правды.
И есть ли смысл пятна под фонарем?
Ответ простой. А я, признаться, рад бы
Не получать ответа на вопрос.
Вопросов нет. К чему они рассвету.
Мир бесконечен и предельно прост,
Не усложняй мой мир своим ответом.
Остановись. Не думай ни о чем.
О красоте и нежности не думай.
Дай миру жизнь и оставайся в нем,
А о любви и верности не думай.
Разлейся в свет, как терпкое вино.
Растай в лучах, не помня о восходе.
И все пройдет окольной стороной.
Промчался миг и новый миг приходит.

23. 09. 02.

А я твоей любовью жив.
Холодный ветер без оглядки
Метал в меня свои ножи
Без предварительной перчатки,
Из-за угла, из-за стены.
И только холод колет руки,
А я твоей любовью жив,
Лишь под лопаткой боль разлуки.
Зима уже не холодна,
Мне став сестрою милосердия,
Ты тоже без меня одна –
И пустота застыла твердью.
В бинтах пурги поверх одежд
Войду. Ты спросишь:
– Там пуржит?
– Там просто зимний вечер свеж,
А я твоей любовью жив.

28. 05. 02.

Анатолий ЛЕВЕНКО

Родился в 1952 году на Украине. Профессиональный журналист. Живет и работает на Таймыре с 1980 года. Его стихи публиковались на страницах газеты «Таймыр», в коллективных поэтических сборниках «На поэтическом меридиане», «Город белых ромашек», в альманахе «Полярное сияние». Автор книг «Вишня Арктики», «Тридцать три», «Млечный путь». Увлекается театром. Живет в Дудинке.

ПРОРОЧЕСТВО ДУДИНКЕ

За Дудинкой в тундре на зорьке,
Собирая морошку, солнечно-рыжую,
Я в волшебном трюмо трехозерки
Твое будущее увижу.

Запылай, шаманский костер.
С харюзом уха – таймырской форелью.
Покажи дней грядущих простор,
Обрисованный акварелью.

Я стою на крутом пригорке,
Хоть в ладонях Дудинку качай.
И сбегает террасами город,
Как ступенями, на причал.

Ей века суждены на роду,
Прочу я на виду у всех.
Пусть дороги сюда ведут:
Севморпуть, небеса, Енисей!

Город сердцем открытых людей,
Верных тундре озерно-глазастой.
Ими нежно храним, молодец
И во славу Таймыра здравствуй!

...За Дудинкой в тундре на зорьке,
Собирая морошку, солнечно-рыжую,
Я в волшебном трюмо трехозерки
Твое завтра, мой град, увижу!

ЖАРКИ В ГОРОДЕ

Какое чудо!
Жарки на клумбе.
И знайте, люди:
Вас нежно любят!

Горят тугие
Жарков бутоны,
Хрупко нагие
Меж плит бетонных.

Средь островков зеленых
Оранжевый сигнал,
Чтоб про мою влюбленность
Весь город знал!

Из тундры, не в охапках,
Вживить в дудинский грунт!
Нужна смекалка, хватка,
Упорный тяжкий труд!

Жарки на клумбе.
Какое чудо!
Узнают люди:
Вас нежно любят!

Загадкой тронут
Таймыр таинственный.
В сугробах тонут
Исканий истины!
Метут мистерии,
Кружат сомнения.
Гнетет неверие.
Ждут откровения...

Размах раздумий,
Ширь вдохновения.
Позыв колумбовый
На поиск, блдения.

Костровый запах,
Надежд восторг.
Ждет Север, Запад
И Юг, Восток!

Обширен край.
Дел глыбы!
Сам выбирай!
Есть выбор!

Галина ЛЕТЯГИНА

Родилась в 1951 году в Красноярском крае. В Норильске живет с детства. Член городского литературного объединения с пятнадцати лет. Печаталась на страницах норильских газет, в поэтических сборниках «Гнездовье выюг», «На поэтическом меридиане», в альманахах «Енисей», «Сура», «Полярное сияние». Автор книг «Акварели, нарисованные дождем» и «Белая пристань». Член Союза писателей России.

Не знаю, кто из нас благоразумней.
Летит к Земле багряная листва.
Сегодня здесь пожар или Везувий
господствует, а завтра – Покрова.

Завьюжит, заметелит, занедужит,
засыплет разноцветные ковры.
И мой последний лист в стеклянной луже,
как рыбка, сохранится до поры.

Я не боюсь зимы. Что накопила,
она в себе пытается хранить.
В ней зерен прорастающая сила,
и яблоч хруст, и следовая нить.

И ты найдешь меня легко и просто,
и вспомнишь весь немислимый словарь,
и прилетишь, и от деревьев звезды
зажгутся в ожиданье Рождества.

Когда капризен слова завиток,
приходится забыть повадки лисьи
и упражнять перо
равняться с кистью,
луч распушив на множество цветов.
Сгущая в сумрак темные тона,
услышать в тишине,
как сердце бьется.
Из темноты, вычерпывая солнце,
опять всплывать,
едва достигнув дна.
Увидеть, как вокруг все ожило,
и на воде танцующие блики...
Как будто восхождение улыбки
рождает в недрах мягкое тепло.

Юлия ЛИСИЧКИНА

Родилась и выросла в Дудинке. В настоящее время живет и работает в Норильске, оставаясь членом клуба дудинских бардов. Неоднократный лауреат таймырских фестивалей авторской песни. Ее стихи публиковались на страницах окружной печати и в альманахе «Полярное сияние».

СНЫ

Как часто во сне я мечту догоняю свою:
Я сквозь километры, земли не касаясь ногами, лечу
Туда, где мой дом, где пред вами, как раньше стою,
Где можно спокойно прижаться к родному плечу.
И мне бы проснуться, но держит цепями
Реальность волшебного сна,
Как будто иду проходными дворами,
И в городе снова весна!
И окна мерцают и манят огнями
Сквозь сумрак весенних ночей,
И я в предвкушении встречи с друзьями
Стою у знакомых дверей.

Как часто во сне я свою догоняю любовь.
Она невесома, как пух, не удержишь ее на ладони.
Ловлю ее, словно комету, за хвост вновь и вновь,
Так много потратив на это души, сил и воли.
И мне бы проснуться, но держит цепями
Реальность волшебного сна,
Где счастье такими сверкало огнями!
В душе расцветала весна!
Когда понимали – бездействовать глупо,
Хотели идти до конца!
Друг другу в подарок от щедрости духа
Свои открывали сердца!

Как часто во сне мы свою изменяем судьбу
Без хитрости или обмана, без лести своей ежечасной,
Без горя для близких, без мысли, что все на беду,
С одной только мыслью, что все изменения к счастью!
Вот тут бы проснуться, но держит цепями
Реальность волшебного сна,
Где рыжее солнце согреет лучами,
И в городе вспыхнет весна,
Где каждый своим улыбается мыслям,
Своею дорогой идет,
Где каждое слово наполнено смыслом
И где каждый шаг, словно взлет!

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Говорят, нынче не было лета,
Не порадовал север ничем,
Для грибов земля не прогрета,
И москит озверел совсем.
Затяжная выдалась осень.
Ноги мокнули, и все ждут зимы.
И простуда ряды наши косит,
И еще далеко до весны.

Сорок дней на Таймыре без солнца...
Надо ж праздником жить, не тоской.
Фестиваль песней в души вольется,
День рожденья опять же мой,
Новый год фейерверком надежды
Озарит наши бранные сны,
Солнце выглянет, станет легче,
Ведь совсем чуть-чуть до весны!

Мы дождемся, когда потеплеет.
Белый снег свой изменит окрас.
Обнажится в конце апреля
Городская зимняя грязь.
Нас кошмарное ждет межсезонье,
Но желание жить велико!
Ждут нас лето, и отпуск, и море,
А зима далеко-далеко...

Уже июль. Похож на осень без прелюдий.
Тепла и солнца нет, лишь холод и дожди.
Разъехались по отпускам родные люди,
А мой еще не скоро. Август жди.

Меня не бесит пасмурное небо,
Завьюженной зимы холодный мрак.
Я отпрыск северов, влюбленный слепо
В самой природой сотворенный фрак,

В свой город за полярным кругом,
В непросыхающую грязь дорог,
Во все, что далеко отсюда
Никто из нас забыть так и не смог.

Мы все здесь, как свидетели и судьи,
По-разному живем и будем жить.
Вот только в отпусках родные люди,
Которых нам никем не заменить.

Сергей ЛУЗАН

Родился в 1946 году в Благовещенске. В 1970 году приехал в Норильск. Работал заведующим красным чумом на Таймыре, проходчиком на норильских рудниках, журналистом в газете и на радио, охотником-промысловиком. Публиковался в центральной, краевой и местной печати, в коллективных сборниках «Встреча», «Гнездовые выюг», «На поэтическом меридиане», «Стая», в альманахах «День и ночь», «Полярное сияние». Автор нескольких книг. Лауреат литературной премии имени О. Аксеновой в 1997 году. Председатель Правления Таймырской писательской организации.

185854

Таймырская
экскурсионная
библиотека

О ПОЭЗИИ

Это делается быстро.
Это делается так:
наша жизнь проста, как выстрел,
выстрел в брошенный пятак.
Ну, промазал...
Ну, промазал
и себя не уберег,
у алмазов братья стразы –
так различен в мире слог.
Вроде та же грань,
но светом
все по-разному поют.
Каждый хочет быть поэтом –
цену разную дают.

01. 10. 2002

ГУСЬ НАД ОДИНОКОЙ
МОГИЛОЙ

Над могилой дикий гусь...
Ла-кла-кла... Гуменник.
Я измены не боюсь.
Не боюсь забвенья.
Сам я многих забывал –
и чужих, и суженых.
Даже смерть поцеловал
за веселым ужином.
Льдины гулкие во мгле...
Слышу дальний бубен.
Он напомнить обо мне
ветру не забудет.
Эх, Лузан, знакома грусть.
Коротка дорога.
Знаю, этот дикий гусь
пролетел от Бога.

Ветер сырой,
обладавший водой
теплых озер,
выстывший ветер.
Хруст на Курье,
по долине идут
тихо олени.
Это ноябрь гулеванит,
и звон крепких рогов
гон и гонг –
кровь играет.
Вот она, шея,
и кровь поползла
мухами капель.
Это всегда и обычно.
Быки поздри дуют.
От напряжения
пламя в белках
загорается тонко.
Время гудит.
Пилит наши столбы –
все на костер.
Тундра в опилках,
уже никого, ничего
мне не надо.
Хиус один.
И над ним,
и под ним – только хиус.
Даже снежинке
жизнь кажется длительной,
но пролетает.

2001 г., Промысел

Геннадий МЕДВЕДЕВ

Родился на Урале в 1949 году. С 1972 года живет в Дудинке, работает электромонтером в АО «Норильскгазпром». Публиковался в газетах «Таймыр», «Вечерний Челябинск», в журналах «Факел Таймыра», «День и ночь», в альманахе «Полярное сияние».

Не спится мне, когда тревожны письма,
Когда тоскливо, пусто на душе,
Когда метелью серой кружат листья,
И осень птицей бьется в камыше.

И словно зверь лютует за порогом,
Промозглый воздух лапами когтя,
Швыряя возле вздыбленного стога
Охапки сена в пелену дождя.

И, кажется, беда в окно стучится...
Звезда над кладбищем мерцает, как свеча.
Кого-то с горечью зовет волчица
И бродит тенью среди кустов, ворча.

Деревьев черных скрюченные руки,
Дрожа от ветра, тянутся ко мне.
Зубовный скрежет. Голоса и стуки...
И тени, тени жуткие в окне.

Проходит ночь. Под утро слышу
Другие звуки. Ток другой в крови.
Я слышу: кошки пронесли по крыше
Живое электричество любви.

Дремлет ветер, крылья свесив,
Зацепившись в волосах.
Что, родная, блёск не весел
В малахитовых глазах?
Ворон – месяц ночку прячет –
Ночку сторожит.
Как тревожно тени скачут,
Что ж ты вся дрожишь?
Грустью теплой сердце сжалось,
Зыбко, как во сне.
Вновь неверная прижалась
Телом всем ко мне.
И опять я околдован
Призрачной мечтой.
То ль окрепший, то ли сломан
Жизнью непростой.
Месяц в небе встрепенулся,
Зажигая звезды.
Я на Родину вернулся –
Только слишком поздно...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДУДИНКУ

Во тьме выхватывают фары
Клубки белесой темноты:
То слабый след дороги старой,
То чуть приметные кусты.

Пурга, мешая ночь и день,
Баюкает и сладко стонет.
Сознание, погружаясь в тень,
То вынырнет, то снова тонет.

След выползает на пригорок,
И вдруг качнулся впереди
Миражными огнями город...
И что-то дрогнуло в груди.

Минут томительно скольженье:
Все ближе, ближе окон свет –
Огромна сила притяженья
Далеких маленьких планет.

Станислава МОГИЛЕВА

Молодой автор из Норильска. В 2001 году закончила школу. Стихи пишет с шестнадцати лет. Работает оператором пейджинговой связи, учится заочно в Санкт-Петербургском университете по специальности психолог-педагог. Публиковалась в литературном приложении «Беседка», в альманахе «Полярное сияние – 2002».

Беру свои слова обратно.
Беру свои слова в себя.
Не быть не понятым превратно
Боялся ты.
Боялась я.
Не быть не принятой в даренье,
Не быть не принятой всерьез...
Ждать повторенья повторений –
На вдох. На выдох. На износ.

Я – твоё второе я.
Я – твоё вторая кожа.
Дни итога,
Ночи множу,
Одиночество приняв
За бесценный материал.
Вспоминаю, словно бредом:
Я – твоё второе я...
Так кого ты, друг мой, предал?..

На других планетах летом
Пахнет снегом, синим светом,
Цветом меда, Новым годом,
Новым сроком, вскрытым входом...
На моей планете летом
Пахнет комнатным запретом.
Пахнет смехом, белым мехом,
Содой, бродом, непогодой...
...Это – видела,
И – знаю:
Не в себя,
В других – играю...

Владислав РЕШЕТОВ

*Родился в 1972 году в Дудинке. Образование – среднее.
По специальности – электромонтер. Стихи и песни
пишет с 1996 года, сам их исполняет под гитару.
Публиковался в альманахе «Полярное сияние».*

ЧАСЫ ГОСПОДА

В руках вечности
Столетия, как песчинки,
Сыплющиеся сквозь узкое горлышко
Вселенских песочных часов.
Придет время,
Когда последняя песчинка
Тихо опустится в них, на песчаную горку.
Тогда Господь
Собственноручно бережно перевернет часы,
И вечность начнется заново.

6.08.1996.

О Боже, я шут при развратном дворе,
Со светлой улыбкой при грязной игре.

Но, все понимая, не выйти никак,
Примерив однажды шутовский колпак.

Я слаб и безволен, смешу всех подряд,
И вечно на мне мой дурацкий наряд.

Что сильному – слабость, то слабому – зло,
Совсем не смешное мое ремесло.

Себя проклиная, пляшу и смеюсь,
И выйти из образа страшно боюсь.

И жутко: потомки меня не поймут.
Я к небу взываю: «О Боже, я – шут!»

Тихо, на ресницах снег
Серебрится и не тает.
И меня как будто нет,
И меня никто не знает.

И ни звука, и ни вздоха,
В даль глядеться и молчать.
И ни хорошо, ни плохо.
Просто верить, просто ждать,

Завороженно и чутко,
В темноте боясь уснуть.
И часы, словно минутки,
В думах медленно тянуть.

Забывая то, что было,
Стать одним лишь ожиданьем,
Словно снега мгла закрыла
То, что было, как прощанье.

Ждать, уныло и тоскливо,
Вера, только б не напрасно.
И кружится снег красиво,
Словно тоже ждать согласен.

1.12.2001.

Только в тихие минуты,
Когда на сердце тоска,
Так невольно ждешь уюта,
Вещих грез издалека.

И встревожив сердце лаской,
Убаюканно любя,
Зимней, шелковой сказкой
Гонишь тени от себя.

Но, оставив ждать, тоскливо
Вспыхнет и сойдет на нет,
Лишь заставив терпеливо
Снова ждать неверный свет.

Заколдован смех за дверцей
В миг, летящий в никуда.
Лучик грез, упав на сердце,
Исчезает без следа.

Ася РУДИНСКАЯ (АНТОНОВА)

Родилась на Таймыре. Живет в Хатанге. Работает методистом отдела просвещения в заповеднике «Таймырский». Стихи пишет на русском и долганском языках. Публиковалась на страницах окружной печати, в коллективных сборниках, в альманахе «Полярное сияние». В 2001 году вышла первая книга стихов «Разговор с землей» (Санкт-Петербург).

ДЕРЕВЬЯ

Разыгралась февральская выюга,
Вот уже две недели подряд,
От пурги ограждая друг друга,
Тесным кругом деревья стоят.

Неподвластны ветрам-непоседам,
Недосуг оглянуться назад,
Увлеченные тайной беседой,
Тесным кругом деревья стоят.

Годы ветром проносятся мимо,
На мгновение не удержать...
Чтобы скрыть свою грусть и ранимость,
Тесным кругом деревья стоят.

А над лесом кружит птичья стая,
Они с юга на север летят,
И на «хейро» подруг приглашая,
Тесным кругом деревья стоят.

ОСЕНЬ ЗА ОКНОМ

А птички семьи собираются на юг,
Спешат подальше от сварливых зимних выюг.
Земля, как будто перед сном,
Укрылась белым полотном,
Забыв о том, что только осень за окном.

Тревожно краны тянут свой железный ус,
Хотят доставить в порт надежный груз.
И только чайкам невдомек –
Приход зимы уж недалек,
Остался осени последний уголек.

Приметы осени мы знаем наизусть,
Приход зимы на нас накладывает грусть,
Но кто откроет тайну снов?
И кто поймет слова богов,
От нас укрытых слоem серых облаков.

МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Неведомы тебе ни зной, ни листопад.
Тебя, моя земля, окутал снегопад.
И бережно храня сон карликовых ив,
Таймыр, моя земля, ты в тишине стоишь.

Пушистый белый снег, как тополиный пух,
Оленей быстрый бег захватывает дух.
Не снится ли тебе, хотя бы иногда,
Зеленая листва и ива у пруда?

По тишине церквей в душе созреет грусть,
Ромашковым полям я низко поклонюсь,
Вольется в птичью песнь баргана нежный зов,
И тут же оживет земля моих отцов.

Елена САГАН

Родилась в Волочанке в 1968 году, долганка. Училась в пединституте имени Герцена в Ленинграде, танцевала в ансамбле «Хэйро». Поэзией увлекается с тринадцати лет. Пишет стихи и песни. Публиковалась на страницах газеты «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние – 97». Живет в Дудинке.

ЕСЛИ Б Я УМЕЛА РИСОВАТЬ

Бумага, перо, акварель:
«Снега отпустили апрель».
Бумага, перо, тушь:
«Солнце светит из луж».
Бумага, перо – экспромт,
Картина из слов – натюрморт!

Кисточка, холст и палитра –
Мысли художника хитры.
Пикассо, Малевич, Дали...
Прекрасное вечно дарить.

Сентябрь 2002 г.

Крошки мыслей сожму в кулак,
Последнюю каплю росы
Донесу на сухих губах,
Дабы имя мое не забыли.

Замерли все зеркала,
Стерт циферблат.
Мелодия тишины
Ищет свой сад.
Съеден с губ шоколад,
Вкушаю сладкие сны,
И время уходит назад.
У тишины –
Звук истины.

Светлана САЛАЙКИНА

Коренная норильчанка, работает на Норильской обогатительной фабрике. Ее стихи печатались на страницах норильских газет, в альманахе «Полярное сияние», в поэтических сборниках «Стихотворящая лоза», «Поэтессы Енисея».

ДЕВОЧКА-ФАНТАЗИЯ

Когда в ночной тиши зажгутся звезды
и тонкие лучи к Земле протянут,
там, высоко, в космическом просторе
мое воображение рисует
простую босоногую девочку
из детских снов, давно забытых сказок...
О, как же хочется порой умчаться с ней
в ее волшебный беспредельный мир.
Вот тронула она созвездье Лиры
и, звуками наполнив небосвод,
вниз по лучу скользнула,
поправить Гемму в Северной короне,
приветливо Арктуру помахала,
умчалась покачаться на Весах.
Ах, как чудесно ей!

Вселенная безмерна.
И солнечные ветры унесут,
куда попросишь – к Плеядам, например,
чтоб вместе с ними в танце покружиться,
поцеловать крылатого Пегаса –
он верный друг во всех ее проделках, –
Тельца обнять и Ориону
цветов охапку подарить с восторгом.

Как же он красив!
И тотчас с Лебедем в полет пуститься
к его радиогалактике далекой.

Вселенная безмерна.
В ней торжествует жизнь,
в ней торжествует Слово,
и девочка-фантазия летит.
Ах, как чудесно ей!

И все же время близится к рассвету...

Ну что, моя душа, моя подружка –
веселая скиталица ночная –
ты налеталась на качелях звездных?
Ты нагулялась вдоволь на просторе?
Пора домой – на наш надежный остров.
Мы здесь еще немного постоим,
посмотрим, как мерцают звезды,
как падают лучисто метеоры,
как Лебедь, уходя за край земли,
большим крестом на горизонте встанет.

Как люблю я тихим вечером
постоять под абрикосами,
посмотреть на речку дивную,
что петляет меж холмов.
И увидеть солнце красное,
что за край холма цепляется,
и, конечно, скоро скроется,
и подарит нам закат.

Ах, закат – чудный град,
если будут облака,
если ветер – странник вечный
к нам пригонит их.

Я стою, люблюсь вечером,
этим воздухом оранжевым,
этим раем абрикосовым,
изумрудною водой.
Ни о чем меня не спрашивай,
ничего мне не рассказывай,
подойди ко мне тихонько
и покрепче обними:

«Там закат – чудный град,
ах, какие облака...
Скоро-скоро ночь красавица
станет звезды зажигать».

Будут мною эти лампочки
все, конечно, пересчитаны,
если – август, то прольются
метеорные дожди.
Станут падать с неба камушки
и чертить следы лучистые,
и тогда тебе, наверное,
я о главном расскажу...

Леонид САФРОНОВ

Родился в 1955 году в Кировской области. В 1978 году приехал в Норильск, где прожил более десяти лет. Его стихи публиковались на страницах красноярских и норильских газет, в коллективных поэтических сборниках «Гнездовье выюг», «На поэтическом меридиане», «Встреча», в альманахах «Енисей», «Полярное сияние». Член Союза писателей России.

Ночное светило небесным пупом
Сквозь тучи светило попихе с попом.
От луж бы до луж бы – дорогой хромой
Скорей бы со службы добраться домой.

До милых поповен, до милых попят –
Они, час не ровен, все ждут и не спят,
Чтоб матушка с тятей дошли поскорей,
Прогнали бы татей от полных ларей.

Вдруг видит попиха свеченье в степи:
От вражьего лиха, Господь, укрепи!
То бродит гнедая заблудшая Русь,
На мир нагнетая великую грусть.

Шепнула попиха на ухо попу –
И вывели лихо они на тропу.
От луж бы до луж бы – житейских морей
Обратно до службы дойти бы скорей!

От ямы до ямы сквозь вечность бредут,
От срама до храма Россию ведут.
Уснули поповны среди малых попят.
Попята неровно носами сопят.

Вдруг видят с полатей Таинственный суд:
Что матушка с тятей Россию спасут.

РОЖДЕСТВО

В небе сумерки угасли,
Дремлют пальмы, тень отбросив.
Уложил Младенца в ясли
Целомудренный Иосиф.

Блещут воды в Иордане.
Мул впотьмах гремит уздою.
Сладко дышит мирозданье
Под Рождественской Звездой.

К Вифлеему гонят ярком
Пастухи в рубище рваном,
Мудрецы несут в подарок
Злато с смиренной и ливаном.

По полночному безлюдью
Треплет воздух малярия.
Иисуса кормит грудью
Восхищенная Мария.

Все живое на коленах
У пещеры за порогом,
Только Матери Младенец
Мнится сыном, а не Богом.

Новых вод источник вырыт,
Ветхих вод – до капли выпит.
Снится бедной страшный Ирод,
И пора бежать в Египет.

Марк ХАСДАН

Родился в 1926 году. С 1943 года живет в Норильске. Кандидат технических наук. Публиковался в поэтическом сборнике «Гнездовье вьюг», в альманахе «Полярное сияние». В 1999 году вышла книга его стихов «Айсберг». В 2000 году стал лауреатом литературной премии «Вдохновение». В 2002 году вышел в свет его перевод «Слова о полку Игореве», одобренный академиком Д.С. Лихачевым.

ВETERAN

Не уклонялся от боя, мчался на вражий полк.
Время было такое, я выполнял свой долг.

Но отскакали кони, и вот я – рабочий вол.
Время было такое, я выполнял свой долг.

Для обыска, а не разбоя, врвался в тихий дом.
Время было такое, я выполнял свой долг.

Женщин в квартире – двое, обеих – лицом об пол.
Время было такое, я выполнял свой долг.

За что это мне – виною, никак не возьму в толк.
Время было такое, я выполнял свой долг.

Интеллигентному вою забью осиновый кол.
Время всегда т а к о е,

я
выполняю долг.

1989 г.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ САХАРОВА

Как же сильно богатая Русь оскудела,
если с этим не сладит и Земский Собор!
Не поднять никому безнадежного дела,
если каждый шестнадцатый – вор.

Если с «сошками» – мало, а с «ложками» – лишек,
если: «Я подымусь, а вы сразу за мной!»,
если тихих и темных ясных людишек
наделили сивухой и хворью срамной.

Если давят без лишнего шума, келейно,
и объявят потом на широком дворе
словесами пристойными с рожей елейной,
что-де князь имярек волей божьей помре.

И давидову кротость никто не помянет,
и опять зачервивеет злобный дуван.
Никогда за малютами дело не станет,
если вечен в Успенском соборе Иван.

Исполать государю и мудрым боярам,
и бесчисленным сотням дворян-молодцов,
каждый сладит со смердами смело и яро,
если есть за плечами полсотни стрельцов.

И всегда им в России народу достанет
вынимать из возка и снимать сапоги.
Но и теми земля не скудеет, кто взглянет
и расскажет, что в поле не видно ни зги.

Но таких маловеров и черных пророков
по кровавой пыли за конем волокли,
и клеймили железом, и били жестоко,
и на дыбе пытали, и в ступе толкли.

И порядок такой никогда не кончался,
возвышавших свой голос «мы били и бьем...»
У народов-страдальцев заступник скончался,
ошельмованный избранным подлым жлобьем.

16 декабря 1989 г.

Татьяна ШАЙБУЛАНОВА

Родилась в 1960 году. В Норильске живет с 1991 года, руководит городским литературным объединением «Водолей». Публиковалась на страницах центральной и местной печати, в альманахах «День и ночь», «Полярное сияние», в коллективных поэтических сборниках, автор нескольких книг. Член Союза писателей России.

ГРОССМЕЙСТЕР

Черные, белые, клетки-квадраты, партия, пешки, ферзи.
Ты считаешь ходы, ты продумываешь каждый шаг.
Стрелки часов, как солдаты и – не дерзи,
Когда упадет флажок, как падает стяг.

Пройдешь домой по квадратам ночных окон,
Шагнешь в квадратный, мерно гудящий лифт.
Жизнь разбита по датам. Церковный звон
Напомнит, что ход обратный не вверх, а вниз.

В квадратной кухне, на белом квадрате стола –
Куб полбуханки, и жидкий несладкий чай,
И круглая чашка, как срубленная голова,
Покатится и упадет со стола невзначай.

А ты будешь видеть фигуры, считать ходы,
И не заметишь, однажды, что жизни нет.
Друзья не с тобою, с «ТОБОЮ» навечно «ТЫ»
Играет вслепую, и меркнет, и гаснет свет.

ГОРОД ГИБЕЛИ ПРОКЛЯТИЙ

В этом городе всегда предзакатно,
И волнуются ветра у причала,
Из него ты не вернешься обратно,
В этом городе так страшно сначала,
А потом, так даже вроде приятно.

В этом городе хранятся проклятья
Верных жен и матерей всех столетий.
Шрамы здесь у всех легли на запястья,
Но добры здесь девы, старцы и дети,
Вероятно в результате заклатья.

Здесь все жители глядят только в море,
Отпуская свои души на волну.
И проклятья умирают, Амоге
Возрождается из плена такую,
Прямо как новорожденные зори.

Алевтина ЩЕРБАКОВА

*Родилась в 1942 году. Живет в Норильске с 1949 года.
Работает в тресте Управления строительства
исполнителем оформительских работ. Публиковалась в
норильской печати, в альманахах «Сура», «День и ночь»,
«Полярное сияние», в поэтических сборниках
«Гнездовые вьюг», «Стихотворящая лоза», «Поэтессы
Енисея». Лауреат литературной премии имени
О.Аксеновой в 2000 году.*

Уже зовут божественные скрипки,
А я еще не всех простить сумела.
Над жизнью, как над главной ошибкой,
Свою работу сделать не успела.
И не успею, как бы ни стремилась.
Попав в последний из возможных трюков,
И флейта горла звонко раскрошилась –
В нем нерожденным звукам биться в муках,
Хрипеть и вить, перетекая в клекот,
Губам – шептать, глазам – кричать надрывно,
И не кусать у рта застывший локоть,
А знать, что, как и все, и я избывна.

Нанизываю бусинки дождя
На солнечных лучей прямолинейность.
Омытая, свежа, лежит Земля,
Явив всем посягающим ничейность.
В каких канонах и какой рукой
Начертано обратное? – Скажите?
Если он есть, свой разум обнажите
Перед Землей, свободной и святой.

Сквозь азиатский вольный свой прищур,
Сквозь толщу всех прошедших листопадов
Я вижу, как последнюю из шкур
С меня сдирает век полураспада.

Сопровивляюсь. Снова на себя
Тяну я шкуру из последней мочи,
А женская натура шепчет: «Зря!
Ведь дело-то идет к последней ночи!»

Бьет дождем наотмашь осень
И туманит гор отроги.
Меня снова ветры носят
По чужим путям-дорогам.
Оступлюсь – трава по пояс.
Провожая стаю взглядом.
Тенью птиц ночных укроюсь –
И мне большего не надо.

А потом зима случится,
Наметет снегов сугробы.
И проступят ясно лица,
Не со мной остаться чтобы.
Оступлюсь – снега по пояс.
В них так просто затеряться...
Своей памятью умоюсь,
Чтобы с прошлым попрощаться.

Ни к чему мне все иначе –
Стрелок бег неотвратимый.
Я смеюсь, смеюсь и плачу
На своем пороге зимнем...
Оступлюсь – мороз по коже
И по всем моим дорогам.
И глядит мой боже строже,
И туманит мне отроги.

Елена ЯГУМОВА

Родилась в 1949 году. В Норильске с 1986 года. Самая известная за пределами округа поэтесса. Ее стихи печатались на страницах центральных, краевых и окружных газет, в альманахах «Сура», «День и ночь», «Енисей», «Полярное сияние», в коллективных поэтических сборниках «Гнездовье выюг», «На поэтическом меридиане», «Великодушная семерка», «Стихотворящая лоза». Она автор книг «Апокалипсис» (1998) и «Белая бессонница» (1998). Лауреат литературной премии имени О. Аксеновой в 1999 году.

СЕСТРЕ ФИЛОМЕЛЕ*

При восходе звезды
наливаются строки дождя
соловиной волшбой.
Опьяняющим зельем утраты
исцеляются раны,
какой-то немислимой правдой
человечий язык переплавив
в гортань соловья.

В полумгле, в полусне
рассеченный срастается дерн.
И зрачки сквозь меня
прозревают его травяные,
и строка за строкой
шелестят письма дождевые,
и поют соловьи –
врачеватели смертных племен.

октябрь, 2002 г.

*ФИЛОМЕЛА – царица,
которая злыми силами была
лишена языка, но боги дали ей
соловиный гортань, чтобы
пеньем своим могли она
врачевать боль утраты.

Пропоют корабельные склянки,
затоскует душа по снегам.
Тундровичку, Дудинку-казарку
проведет Богородица в храм.

Освященный серебряный крестик
вынет тундра из бездны своей,
из полярной купели созвездий
воспримет ее Енисей.

Со Святыми Дарами Потира
встретит Полюс у Карских ворот,
с ледяного амвона Таймыра
Богородица плат развернет,

Корабельные стакнутся склянки,
закипит океан за кормой.
Тундровичка, Дудинка-казарка
ждет заблудшие души домой.

2002 г.

Терн сухой соберу в костерок.
Ты поплачь, если можешь, Овидий.
Здесь тебя не посмеют обидеть
ни наместник, ни цезарь, ни бог.

Вдалеке от любимой жены
под прикрытием варварской стужи
мы преломим лепешку на ужин.
Впрочем, мы никому не нужны,

кроме степи. Ты слышишь, кует
свое сердце на солнечном диске,
высекая из ритма искры,
ясноглазый мохнатый сколот.

И скифянки поют на юру,
защитившись от стужи бурьяном.
Глинобитные хижинки пряно
пахнут дымным нутром ввечеру.

Вон, Пастушью звезду над зарей
вознесла меж рогов буйволица.
Это наша степная царица,
ей ночами молись или пой.

Припади к ее тучным сосцам.
И, отвергнув небесные скрини,
станешь вещей гортанью полыни,
станешь братом ветрам-степнякам...

Олег ЯРУНЦОВ

Родился в 1951 году в Дудинке. Окончил Свердловское суворовское училище, философский факультет Уральского госуниверситета. Лидер по характеру, в 70-е годы был секретарем Дудинского горкома комсомола, в 80-е – завотделом окружного комитета партии. Со школьной скамьи ценил дружбу, увлекался фантастикой, писал стихи. Через всю жизнь гордо пронес звание суворовца, кадета. Автор книг «Жизнь кадета – путь к справедливости», «Последний аргизи» (2003). В альманахе «Полярное сияние» печатается впервые.

Что наша жизнь? Отброшенная тень.
Заходом солнца стертая и снова
Возникшая на день.
Что наша жизнь? Оторванный листок,
Ему недолго суждено кружиться,
Упасть и замереть у ног.
Что сожалеть? Как времени песок
Уносит жизнь и медленно струится.
Так ничего не повторится,
В назначенный кончаясь срок.
О чем мечтать? Все лучшее прошло.
Оно, как тонкое стекло,
О берег жизни, хрупкое, разбилось...

Кто может поручиться в этом мире,
Что главное мы в нем не упустили,
А то, что есть, лишь слабый свет любви?
Кто может знать, тому ли мы верны?
Да, время вылечит всех нас,
Пройдут любовь, застенчивость и страх,
Оно излечит от пустых мечтаний,
Когда мы обратимся в прах.

Что этот день нам снова принесет?
О том не ведаю, но знаю наперед,
Что чести не уроним никогда
И будем жить по правилам добра.
Хранить любовь и память о друзьях,
Родных своих, оставленных краях.
И знаю твердо, пусть уходят дни –
Мы в мире том и этом не одни...

Екатерина ВЯЗОВЦЕВА

Родилась в Дудинке в 1955 году. Закончила среднюю школу № 5. Училась в Санкт-Петербурге, вернулась в родной город. Работает в Управлении пожарной безопасности ГМК «Норильский никель». Стихи публикуются впервые.

АНГЕЛ

Где-то там, в вышине, тихо ангел поет
Свою нежную, грустную песню.
Может, просто он это кого-то зовет,
Чтоб продолжить затем ее вместе.

Видно, скучно ему одному в небесах,
Он напарника ищет земного...
Выступает слеза у меня на глазах:
Далеко не ищи, я готова.

Нас на грешной земле очень много таких.
Я ж вот тут, на глазах, под рукою.
Или мало заслуг перед Богом моих,
Будет он недоволен тобою?

Как тебе доказать, угодить, ублажить?
Повинуясь тупому упрямству,
Не хочу, не могу на Земле этой жить
И служить бесконечному хамству!

И вдруг сердце в груди защемило тоской,
А затем с болью так развернулось,
Что от боли такой у меня под рукой
Нервной птичкой душа встрепенулась.

Значит вот где она, рядом с сердцем моим
Ее дом и обитель земная!
И комочком упругим и сжатым таким
Я ее для себя представляю.

И толчок за толчком, словно пробу берет
Перед долгим, большим перелетом.
На крыло, на крыло, легкой птицей встает,
Исходя окровавленным потом.

Только голос затих, песню ангел прервал,
Замолчал на одном полуслове.
Лик его предо мною так явно предстал,
Прошептал: «Торопиться не стоит».

Нежно руку к душе он моей приложил,
Яркий свет от руки этой вспыхнул,
Как бальзамом живительным душу облил,
И она как-то сразу притихла...

* * *

Закреть глаза, не думать ни о чем,
Не знать забот, отбросить все проблемы,
А извращения пошлой соцсистемы,
Как сор ненужный, в угол заметем.

Как холодно и неуютно мне
В своей стране средь казнокрадов мерзких,
Где подхалимы, бездари в цене
И истребляют правдолюбцев дерзких.

И не десятки лет прошли – века,
Но все по-прежнему, увы, без изменений,
Что будет лучше, веры нет пока,
А вот, что хуже – в этом нет сомнений.

Что уготовано еще перетерпеть,
Перестрадать, отмучиться, смириться,
Поэтому, наверно, иногда,
Закрыв глаза, мне хочется забыться.

Ольга ГРИЦАЕНКО

Родилась в 1962 году на Украине. Живет в Талнахе с 1989 года. По образованию – врач. Ее стихи публиковались на страницах норильских газет, в коллективных сборниках «Поэтессы Енисея», «Рукопись» (Ростов-на-Дону). Автор поэтических сборников «Обнародованные стихи» (2002), «Дикая власть» (2003). В альманахе «Полярное сияние» печатается впервые.

*«Ах, умчу я с ветром в поле,
к покосившимся крестам,
сердцем чуж: моя доля
поджидает меня там».*
Алевтина Щербакова

Большие поэты все пишут о смерти.
Мы все для нее рождены.
И письма ей шлют в незакрытом конверте
без улицы и без страны.

Играют судьбой на дуэлях, на скачках,
с любовниками и без...
Играют стихом и смеются, и плачут
со старых страниц и с небес.

Большие поэты, вы баловни Рока,
что высшего создан рукой.
Вам было на этой Земле одиноко,
вы жаждали жизни другой.

...Уходят поэты в туман в одиночку,
с собою не взяв никого,
оставив идущим вослед только строчки
взамен существа своего.

Алевтине Щербаковой

Женщина стихи не сочиняет.
В Рай ее вселенские грехи,
словно псы цепные, не пускают
под святой плитой балдахин.

В женщине под маской наслажденья
спрятаны и горе, и года.
Бытие – слезами ощущений –
под вуалью боли и стыда.

Как Земля – чиста и плодородна,
сжата до кристаллика псалма,
как трава – проста и ежегодна,
женщина – поэзия сама.

*«Ты однажды просто вышел.
Оказалось – навсегда...»*
Алевтина Щербакова.

Ветер – твоя стихия.
Воздух – твои стихи.
Светел твой ангел-схимник,
вздохи твои тихи.

Громки твои молчанья,
гордость и красота.
Кромка...
Но нет отчаянья,
робости и стыда...

(Все мы однажды выйдем
просто – и навсегда).
Ветер – твоя стихия,
талых снегов вода.

Виктор КАЛИНИН

Родился в 1948 году. По специальности – инженер-энергетик. Пишет стихи и сказки. Печатался на страницах газеты «Таймыр», в коллективном поэтическом сборнике «Город белых ромашек» (1999). В 1995 г. вышел сборник «Сказки старого Яра» (Дудинка). Автор нескольких поэтических сборников. В альманахе «Полярное сияние» печатается впервые. Живет в Дудинке.

НЕ ВЕРНУТСЯ

*Пограничникам, погибшим
в 1968 году на острове
Доманском.*

Не вернутся многие
В дом родимый свой,
Где прошла их юность,
Что была весной.

Будут дети – сироты,
Матери – без сына...
На земле Приморской
Братская могила.

В позолоте надписи
На плите могильной,
Список поименно,
Словно склеп фамильный.

По Сибири-матушке
Стон стоял от горя:
Отпевали батюшки
Погранца-героя.

Падают снежинки, тают на щеках.
Снежные дождики – очень грустный знак.
Это значит – осень, лучшая пора,
С плеч наряд свой сбросив, вышла со двора.

ПАМЯТИ ВЕТЕРАНОВ

Уснули ветераны
Спокойным, вечным сном.
Не мучают их раны,
Не будит пушек гром.

Надежды их не сбылись
Дожить до круглых дат,
Но даже после смерти
Стоит в строю солдат.

Почти всех поименно,
А многих и в лицо
Я в этот день их вспомню
И пью за них вино.

СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Там, где речка Дудинка впадает
В величавой красы Енисей,
Город в водах его проплывает
Отражением тысяч огней.

Круглый год здесь порталные краны
Грузят редкий металл на суда.
Отправляться им в дальние страны
Под прощальные звуки гудка.

Город-порт за Полярным кругом
И красавец седой Енисей,
Жить не могут они друг без друга
Средь морозов и белых ночей.

Герард ЛУБНИН

Родился в 1931 году на Урале. По образованию – военный инженер. В 1955 году связал свою судьбу с Арктикой. С тех пор начал писать стихи. С 1974 года живет и работает на Диксоне. Его стихи печатались в окружной газете «Таймыр», в сборнике «Маки Диксона». В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

ПИСЬМО ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

Темная ночь без конца и без края,
С воем звериным бушует пурга...
Хочешь, письмо напишу, дорогая?
Хочешь, привет передам твой снегам?

Хочешь, я буду хорошим-хорошим,
Помнишь, как прежде, когда был с тобой?
Здесь, в Заполярье, за снежной порошей
Я все такой же, ничуть не другой!

Маленький столик и Чехова томик
Брошен раскрытый... Консервы... Стакан...
Койка солдата – вот это мой домик.
Нет, ты не думай, я вовсе не пьян!

Домик, до крыши засыпанный снегом,
Снежные гребни и сопки кругом.
Здесь, под холодным и вьюжистым небом,
Хочется думать о небе другом!

Помню его глубину без предела,
Помню и яркую зелень вокруг...
Рядом со мною ты, помнишь, сидела?
Стала серьезной, задумчивой вдруг.

Ты не сказала тогда мне ни слова,
Лишь улыбнулась так странно в ответ...
Жизнь, даже здесь, мне не кажется новой.
Так же, как прежде, я жду твой привет.

Хочется выскочить в снежную кашу,
Хочется крикнуть, чтоб слышала ты...
Нет, ты не слышишь... А помнишь ли наши,
Верно, увядшие где-то цветы?

Слушай, зачем мы терзаем друг друга?
Пусть мне тоскливо с бутылкой вдвоем.
Ты напиши мне! Быть может, подругой
Стала кому-то? «Аминь» пропоем!

Выпью за счастье твое, хоть не знаю,
Так ли, как мне, ты ему дорога...
Темная ночь без конца и без края,
С воем звериным бушует пурга.

Нина ОСМАНОВА

Родилась в 1947 году в Восточном Казахстане. Школу закончила в Дудинке в 1964 году. С тех пор влюбилась в таймырскую природу. С 1989 года живет в Дудинке постоянно, работает в профилактории «Енисей». Стихи начала писать уже в зрелом возрасте, для себя, для души. В альманахе «Полярное сияние» печатается впервые.

ПРОСЬБА

Назначь мне свиданье –
Где хочешь, назначь,
И можешь забыть о своем обещании.
Я плакать не стану,
Искать не пойду,
Ты только назначь мне свидание.
Хочу встрепенуться, зажечься, забыть,
Что долго одна уж и вроде не женщина.
Назначь мне свиданье
И тут же забудь,
Я шаг не свершу опрометчивый.
Сама я ведь тоже к тебе не приду,
Горда я. Я – все таки женщина.
Я просто зажечься, забыться хочу
И в мир свой вернуться застенчиво.
Я знаю, что хитрость раскроешь мою,
Поймешь, что с тобою не встретимся.
Но все же назначь мне и время, и день,
Ты знаешь, сегодня я ветрена.

МОЙ МИР

Все бегу, спешу куда-то –
Сложно в мире жить не зря,
За невзгодами – заботы...
Где ты, алая заря?
Где задорные рассветы,
Где весенние края,
Где ты, чистый мир и светлый,
Где ты, молодость моя?

Укатали сивку горки.
Я не жалеюсь, нет-нет.
Но открыты жизни створки
На закат на склоне лет.

Алена ПЛАТОНОВА

Филолог по образованию, преподает русскую литературу в Норильском индустриальном институте. Пишет стихи и прозу. Она – автор пяти поэтических сборников. Первая книга выпущена в 2001 году в Красноярске издательством «Кларетианум», последняя – в 2002 в Норильске издательством «Алекс». В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛЬКЕ

Отрывок из поэмы

3.

Алька, ты сейчас в Норильске.
И тогда была в Норильске:
Енисеем – путь неблизкий,
Много риска, тщетно рыскать!
Я тебя жалею, Аль,
Всех иных мне тоже жаль.

В зиму катится февраль –
Я тебя согрею, Аль!

Норильские дети военных уроков,
Вам вечно владети тюремной морокой!
Грехи Норильлага – рудой на бумагу
Ложатся и лают тюремной собакой.

Тебе не понять шестилетним умишком:
Тряпичная кукла – не плюшевый мишка...
Тебе бы, родная, с картинками книжку...
Картина иная – тюремные вышки!
Предписано Альке могучей рукою...
И движутся эски колонной по двое,
Овчарки о двух и в четыре ноги.
Размечены адские горе-круги
Все той же, известною каждому, дланью...

А ты – у дороги стоишь, заклинаешь:
«Быстрее, быстрее!» – торопишь колонну...
Но в этом потоке идут миллионы!

Я тебя жалею, Аль,
И Россию тоже жаль.

4.

Полвека ждала – перешла в три шажка
Дорогу, торенную плотью ээка!

Понятно: дожидаться там было не просто!
Ты стала поэтом на том перекрестке,
Я рядом с тобою, невидима, мерзла
Полярной зимою, в норильские весны.
Когда наступило недолгое лето,
Все той же дорогой попала в поэты.

Забвенье сокроет реальные лица,
Но самый усталый не может забыться:
Последний ээка, замыкая колонну,
Ускорит шаги, удаляясь по склону...
Таким через годы запомнится Лева –
Потомок Ахматовой и Гумилева:
Детское лицо, глаза заморыша...
А вокруг – малиною – околыши.
Львеньш, Лев, за что тебя? Не верится!
Даже в то, что и Земля-то вертится...

Я его жалею, Аль,
И тебя мне тоже жаль...

28.05.2002 г.

Вячеслав ХАНЖИН

В Норильске живет с 1954 года. Заслуженный юрист Российской Федерации, занимается преподавательской деятельностью. Его стихи публиковались на страницах местной и краевой печати, в альманахе «День и ночь». В "Полярном сиянии" печатается впервые.

По линии руки – нет счастья мне в любви,
по линии руки – мне суждены разлуки.
Но прячу я лицо в твои родные руки
и больше не сержусь на линию судьбы.

Перепады, перебаты, водопад...
Жизнь моя течет, как речка:
Прямо, прямо – и колечко –
по Земле и Небу в Ад.

Мать-Россия – без сына.
Это значит без сна.
И дорога полярная,
и нелепа весна.

Желтело горчицею поле,
тенью заманивал лес...
Скорбя о Господней доле,
за Ангелом плелся бес.

Аля, Алька, Алевтина...
В ней слилися воедино:
мать, художник, поэтесса,
ангел и немножко беса.

Василий ШИЦКО

Родился в 1914 году. С 1939 года его биография связана с Таймыром. За тридцать пять лет, отданных Северу, побывал в самых отдаленных точках полуострова. Строитель по профессии, в душе – поэт. Его стихи печатались в газете «Советский Таймыр». Ветеран труда, заслуженный строитель РСФСР, пенсионер. С 1974 года живет в Омске. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

НЕЖНОСТЬ

Сиренево-лазурный небосвод,
Сверкают ярко звездочки над нами,
И снова сердце радостно поет
О нежности. Влюбленными глазами,

Как чуда ожидая, каждый раз
И слушаем, и смотрим вдохновенно,
И будто бы, сияньем женских глаз,
Нам светят звезды в глубине Вселенной.

Грустит на небе бледная Луна.
Скользят под нею призрачные тени.
Воспоминаньями душа полна
И нежностью, что замели метели.

Мы постарели. Годы уж не те,
Чтоб распевать любимым серенады,
Но... ведь они так молоды в душе –
И вот об этом забывать не надо.

ЖЕНЩИНАМ ТАЙМЫРА

За все, что прекрасно,
Что сердце волнует,
И душу тревожит,
И взоры манит!
За все, что под солнцем
Живет и ликует
И в песнях над нами
Призывно звенит!

Для вас – эти пылкие,
Звонкие строчки,
Чтоб в жилах кипела
Таймырская кровь!
За светлые дни
И за звездные ночки,
За место под солнцем,
За жизнь, за любовь!

Любовь и Розы! Женщины и Жизнь!
Что в марте может быть дороже и прекрасней?
Из пены волн, Всевышнего каприз,
Явилась Женщина – цветок Любви и Страсти!

Как символ вечной жизни и любви!
А розы красные ведь тем и знамениты,
Что в лепестках своих хранить смогли
Следы, окрашенные кровью Афродиты –

Богини и Любви, и Красоты...
Так говорили нам и мифы, и преданья.
А я вручаю вам стихов цветы
И с праздником Весны вас поздравляю!

Владимир КАНТАРИЯ

Родился в 1952 году в Грузии. На Таймыре живет с 1973 года, работал докером-механизатором. Первая поэтическая публикация состоялась в газете «Советский Таймыр» в 1979 году. Постоянный автор альманаха «Полярное сияние», автор поэтических сборников «Верните мне мое...» (1994), «Кантаринки» (2000). Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой в 1998 году. С 2002 года живет в Волгограде.

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Легкою упряжкой
Управляет Яшка,
А в упряжке пять собак,
Впереди бежит вожак.
Пес лохматый, очень умный,
Знает все дороги в тундре.
Не страшны ему заносы,
Волки, пурги и торосы.
Мчит в поселок он упряжку –
В интернат везет он Яшку.

Карандашик непослушный,
Что тебе скажу, послушай:
– Почему не хочешь ты
Рисовать мои мечты?
Все рисуешь ты не так.
Вместо дома – лишь чердак,
Вместо мышки – только ушки
Скачут по большой подушке.
Ну, а это разве Света?
Это чудо без берета...
Три руки, четыре глаза –
Не видал такой ни разу.
Карандашик мне сказал:
– Ты пока что очень мал.
Надо, друг мой, не сердиться,
Надо рисовать учиться.

Кто там в чайнике свистит?
Может, в нем огромный кит?
Только как туда он влез?
Не видал таких чудес.
Кит огромный, чайник мал,
Как же он в него попал?
По трубе водопроводной
Плыл он к нам в воде холодной,
По пути замерз, наверно,
И погреться в чайник влез.
Неужели это верно?
Не видал таких чудес!

Испугалась луна
Олененка-шалуна:
Он бодал луну рогами,
Думал, борется с врагами.
Он копытом в лужу влез:
Думал, на луну залез.
– Несмышленный олененок,
Ты еще совсем ребенок,
Ты не знаешь, что луна –
Отраженье в луже.
В ней купается она,
Не боится стужи.

Телеграммы
Телеграф
Отправляет на орлах.
Через горы и моря
Телеграммы для меня.

От двоюродного брата
И от дяди-акробата.
Вот от бабушки простая:
«С Новым Годом поздравляю!»

А медведь из зоопарка
Срочную прислал:
«Мне жарко,
Нет мороженого тут,
В Новый год дожди идут.
Срочно мне пришли сюда
Снег, пургу и холода!»

Телеграммы
Телеграф
Отправляет на орлах.
Через горы и моря
Телеграммы для меня.

Эдуард НОНИН
(1933 – 1992)

В 1964 году приехал в Норильск и прожил там более тридцати лет. Работал на шахтах и рудниках электрослесарем, горным мастером, спасателем. Много лет руководил городским литобъединением. Его стихи публиковались на страницах центральной и краевой печати, в поэтических сборниках «Гнездовье выюг», «На поэтическом меридиане». Автор четырех поэтических книг для детей. Член Союза писателей России.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ПЕТУХОВ

Петр Петрович Петухов,
а короче – Петя,
жил до первых петухов
в доме у Медведя.

После первых петухов
до последних Петя,
впрочем,
жил без лишних слов
тоже у Медведя.

По-медвежьи ел и пил
этот самый Петя,
по-медвежьи говорил
голосом медведя.

И соседи у него –
как же без соседей! –
были все до одного
бурые медведи.

Петр Петрович Петухов
ростом был с медведя,
и похож был Петухов
тоже на медведя.

Очень уж похожим был
силой, по натуре –
и всегда везде ходил
он в медвежьей шкуре.

Расставаться не любил
он с медвежьей шкурой,
потому что Петя был
сам Медведем бурым!

БАОБАБЫ

У большого Баобаба
тоже есть и дед, и баба.

Дед в сторонке жить привык,
забывает о ребенке,
не заботится старик
о родном Баобабенке.

А о бабе Баобаба
рассказать давно пора бы.

Тоже ведь не рядышком –
на другой опушке.
А какая бабушка
добра старушка!
Душно Баобабчику –
бабушка с опушки
отсылает к мальчику
облако-подушку,
напевает «баюшки» –
чтоб не вырос буквой.
Баобабка-бабушка
очень любит внука.

Ирина АПЛЕСНЕВА

Родилась в 1961 году, выросла в городе Талды-Курган Казахской ССР. Там училась, работала, вышла замуж, родила двоих детей. В Дудинке живет с 1994 года. Работала корреспондентом и редактором Таймырского радио. С 2000 года – корреспондент окружной газеты «Таймыр». Печаталась в альманахе «Полярное сияние – 2002».

ПУТЕШЕСТВИЕ НА АРХИПЕЛАГ ЮНОСТИ

Рассказ

*Вере Ивановне Кохановой –
учителю и другу посвящаю*

Не знаю, почему в этот год мне пришло в голову пойти на вечер встречи выпускников. Я бы, наверное, и не вспомнила о нем, если бы случайно не услышала по радио объявление.

Прошло двадцать лет с тех пор, как я окончила школу. Наверняка, никто из моих одноклассников не придет. Но у меня вдруг появилось желание испытать давно забытые ощущения. Я оделась и пошла в школу именно по той улице, по которой ходила десять лет подряд.

Удивительно крепко, оказывается, западают в память мельчайшие подробности школьной жизни. Стоило мне подумать об этом, и представилось, что вот сейчас на углу возле продовольственного магазина появится долгожданная фигура Шурки Поляковой – моей подружки. Столько раз мы встречались и расставались с ней на этом повороте, что, кажется, должен остаться хоть какой-нибудь след на земле.

А вот в этом доме, что за детской библиотекой, жила Галка Шишова. Сейчас на его месте стоит солидный офис.

Если посмотреть на следующий за ним дом, живо представишь, что с четвертого этажа, из третьего по счету окна, выглядывает веснушчатое лицо Лешки Саломатина.

Вообще-то улица с годами мало изменилась, и частный сектор, как мы называли раньше одноэтажные домишки с сараями и поленницами дров во дворах, стоял все так же незыблемо. Не изменился и магазинчик «Хлеб», расположенный в жилом пятиэтажном доме на углу улицы, где мы с Шуркой после уроков покупали булочки с повидлом. И сейчас, по старой привычке, я заглянула в витринное стекло. Этим магазином и заканчивается моя улица.

Вот и школа. К розовому двухэтажному зданию в глубине двора (такой была наша десятилетка) с двух сторон сделали современные пристройки, и теперь казалось, что старушку-мать с обеих сторон поддерживают ее высокие молодые дочери.

Остановившись у двустворчатой входной двери, вспоминаю, как мальчишки в первые снегопады густо забрасывали ее снежками. Доставалось не только входной двери,

но и всем входившим и выходившим из нее девчонкам.

За окнами первого этажа уже ходили люди. Ходили неторопливо, парами, как во время перемены. Годами дремлившее воспоминание вдруг проснулось. Представилось: сейчас войду в дверь, и пожилая гардеробщица тетя Маша, покачав головой, скажет: «Опять опоздала?» Второпях я вылезу из гардероба и, влетев на второй этаж в наш класс, шмыгну за свою парту. «Ты сделала алгебру? – спрошу я у Шурки Поляковой. – Дай сдать!»

Я вошла в шумный вестибюль. Вместо ламп в белых матовых шарах, из широких квадратов подвесных потолков струился яркий свет люминесцентных ламп. Возле гардероба, где располагалась раньше тетя Маша, сидела старенькая женщина в черном сатиновом халате. Да это же Анна Павловна, школьная уборщица! Только тогда она была намного моложе.

– Здравствуйте, Анна Павловна, – говорю я.

– Здравствуйте.

– Не помните меня?

Она взглянула довольно равнодушно. Нет, конечно, не помнит. Столько учеников прошло за эти годы. Зато я хорошо ее помню: однажды мы с Шуркой подрались на заднем дворе школы, да так, что Анне Павловне, проходившей мимо, пришлось разнимать нас и вести в учительскую. Случилось все из-за Лешки Саломатина.

Мы с Шуркой дружили с детства, а в третьем классе дали друг другу клятву верности. Это нас еще больше сблизило. Клятву мы написали на бумаге и, торжественно прочитав, сожгли. А пепел растерли в ладонях и проглотили, запивая водой.

Дядя Вася, Шуркин отец, узнав об этом, рассмеялся:

– Ерунда все это! Вот погодите, лет через пять поссоритесь вы из-за какого-нибудь мальчишки.

– Никогда, – обидевшись, ответила Шурка.

– Мы можем вместе кого-нибудь любить, – заверила я дядю Васю.

Он расхохотался:

– Ну, посмотрим!

Мы с Шуркой загадочно переглянулись. Дядя Вася даже не подозревал, что мы давно выделили в классе Алешу Саломатина и, решив, что вместе будем любить его, усиленно оказывали Алеше знаки внимания. Ему предстояло выбрать в подруги одну из нас, но он пока об этом ничего не подозревал.

Мы ходили за Алешей буквально по пятам, провожали его до дома, держась позади на почтительном расстоянии, на переменках всегда оказывались неподалеку от него. Однажды мы с Шуркой поспорили: она решила, что мы уже достаточно долго оказывали Алеше знаки внимания, пора бы уже подытожить – кому из нас чаще всего удавалось обращать на себя его внимание.

– Он меня семечками угощал, – гордо заявила Шурка.

– А потом по лбу линейкой стукнул, – ехидно добавила я.

– Ну и что ж! Тебе-то он не давал семечки, а мне давал.

– А мне он свой учебник на два дня одолжил, – привела я свой довод.

– Подумаешь, – насмешливо ответила Шурка. – Потом он тебе подножку подставил, и ты растянулась в школьном коридоре во весь рост.

– А у тебя ненастоящая наколка, – выпалила я, выдав ее тайну.

Шурка чернилами нацарапала на лодыжке правой ноги печатными буквами слово «Алеша», уверяя, что сделала это иглой по примеру брата-моряка. Только у Шуркиного брата наколка – якорь с именем «Мария» – красовалась на руке, а Шурка, не решившись обнародовать свое увлечение, спрятала нацарапанное имя под носком.

Размахнувшись, Шурка крепко ударила меня портфелем, я – ее, и мы подрались. Разнимала нас уже Анна Павловна.

Две недели мы с Шуркой не разговаривали друг с другом, но потом все же помирились, решив разлюбить Лешку Саломатина.

– Ты как хочешь, а я его больше не люблю, – сказала я Шурке.

– Ну ладно, раз ты не любишь, я тоже не буду любить. Я-то ведь никогда его не любила, – призналась Шурка.

Мы стояли в школьном дворе и, щелкая семечки, весело смеялись. В это время Леша Саломатин вышел из школы и подошел к нам.

– Семечки есть? – спросил он, протягивая к Шурке ладонь.

– Есть, – ответила она. – Но тебе не дам.

– Как не дашь? – озадаченно спросил он и, обернувшись ко мне, потребовал:

– Дай ириску!

– Фигушки! – ответила я.

– Ах, так, – угрожающе произнес Лешка и запустил руку в карман моего пальто. Я ударила его по ладони. Конфеты с семечками рассыпались на снегу. Тогда Лешка, больно щелкнув каждую из нас по лбу, толкнул в сугроб. Было больно, но мы не плакали. Наоборот, сразу стало легче оттого, что у нас, наконец-то, установились нормальные отношения. А с Шуркой мы еще крепче сдружи-

лись после этого. Между тем днем и этим – двадцать восемь лет...

В вестибюле школы за столом сидела девочка-старшеклассница. Густо накрашено лицо, модная прическа, маникюр. В наше время попробовала бы она появиться в школе в таком виде! Стало вдруг смешно: вот и мне пришлось произнести эти слова, от которых веет такой безнадежной зрелостью и нравочениями!

Теперь уж, конечно, при нынешнем парфюмерном изобилии, никто из девчонок-старшеклассниц не смог бы даже представить себе, что были времена, когда нам, бывшим десятиклассницам, приходилось выстаивать в магазинах длиннющие очереди, чтобы купить себе к празднику губную помаду, тушь для ресниц и тени для век.

– В каком году вы окончили школу? – спросила старшеклассница.

– В семьдесят девятом.

– Ого! – девочка просмотрела список. – Из вашего выпуска пока никого нет.

Я осмотрелась. Шумными группами стояли парни и девушки, окончившие школу год, два назад. Наверное, чувствовали себя взрослыми. Я пошла дальше по коридору первого этажа. В самом конце его, возле спортзала, лежали сломанные брусья, старые физкультурные «козлы» и маты. Именно на таких матах и «козлах» я когда-то зарабатывала свои четверки по физкультуре.

За спиной прозвучали быстрые шаги. Девочка с модной стрижкой остановилась возле меня.

– Сейчас одна учительница пришла, вы ее должны знать, она очень старая: Нина Ивандовна – по физике.

– Не знаю, – призналась я.

– Ну, тогда поднимитесь на третий этаж в новый корпус, там сейчас будет торжественное собрание.

Старшеклассница ушла. А мне что-то расхотелось идти на торжественное собрание: дома ждала куча дел, а я вдруг решила уйти за тридевять земель, в мир своей памяти. Надо уходить и нечего делать вид, что меня волнует здесь каждый закоулок.

Я вышла в вестибюль. У стола регистрации девочка-старшеклассница разговаривала с худой женщиной в блеклом трикотажном костюме. Женщина обернулась.

– Вера Ивановна! – воскликнула я.

– Оля!

Мы обнялись с бывшей классной руководительницей. Она сильно изменилась. Когда-то темно-русые волосы густо посеребрились сединой, морщинки рельефно прорезали сухую кожу. Но голос моей классной руководительницы ничуть не изменился, и я, услышав его, даже почувствовала что-то вроде привычной робости.

– Оля! Это ты или не ты?

– Я, Вера Ивановна!

И учительница, когда-то казавшаяся мне высокой статной женщиной, а теперь чуть выше моего плеча, повела меня в пустой класс на втором этаже.

– Разлетелись, кто куда, – сказала она, садясь за школьный стол. – Редко кто зайдет. Иной раз по улице

пройдут мимо и не узнают. Что, здорово я постарела?

– Нисколько вы не постарели, – ответила я искренне.

И в самом деле, ни в фигуре, ни в движениях учительницы не было ничего старческого. И глаза смотрели молодого, с откровенным женским интересом.

– Ты про себя расскажи. Кем стала?

– Журналистом, Вера Ивановна.

– Подумать только! Ты всегда была задирой. А чуть что – в слезы. На уроках алгебры книги читала.

– Не помню я этого, – со смехом говорила я.

Зато я другое помнила. Случилось это в десятом классе. Для нас этот школьный год был последним, дальше – взрослая жизнь. Но когда тебе семнадцать лет, а впереди еще почти весь учебный год, о будущем как-то не очень думается.

Однажды посреди урока меня вызвали в учительскую. По коридору навстречу мне шла учительница литературы – Комсомолка, как мы ее называли между собой – бывший инструктор горкома партии. С прежнего места работы ее уволили, предложив учительствовать в нашей школе. Уроки литературы, которые она вела в нашем десятом «А», были занудными, неинтересными и предсказуемыми.

Только недавно мы закончили вдоль и поперек изучать «Малую землю» – одну из книжек Леонида Брежнева, нашего партийного вождя, стоявшего во главе государства, как сразу же приступили к очередному его произведению – «Целине».

На эту тему мальчишки не уставали рассказывать анекдоты. Комсомолка ругалась и докладывала об этом дирекции школы. Те, в свою очередь, периодически прорабатывали старшеклассников на общешкольных собраниях, и на этом все благополучно заканчивалось.

Я вошла в учительскую. Ко мне подошел директор школы Олег Викторович и строго спросил:

– Правда ли, что ты не только сама читаешь запрещенные издания антисоветского писателя Солженицына, но и втягиваешь в это недостойное занятие своих одноклассников?

– А откуда...

Я хотела спросить, от кого Олег Викторович услышал эти сплетни, но запнулась, вспомнив взгляд Комсомолки. Что этот донос – ее рук дело, я уже не сомневалась.

Однажды мой старший брат Виктор принес домой потрепанную книгу в виде стопки сброшюрованных печатных листов. На титульном листе стояла какая-то длинная фамилия. Вскоре к нам пришли два его товарища, и они до самой ночи говорили о каком-то архипелаге.

Я догадалась, что это была одна из запрещенных в Советском Союзе книг, распространяемых с помощью самиздата. Утром я спросила об этом у Виктора, и мне было велено не трепаться.

А я не выдержала и на одном из уроков литературы сказала, что вся история советского периода, описанная в школьном учебнике, – чушь и вранье. Достаточно, дескать, почитать произведения Александра Солженицына, чтобы убедиться в этом. Я, конечно, умолчала о том, что сама-то я их вовсе не читала, но мнению старшего брата

вполне доверяла. И вот как все обернулось!

Олег Викторович ругался, грозил мне педсоветом с последующим исключением из школы. Не дослушав его, я вышла из учительской.

Давно уже стемнело, а я без дела слонялась по улицам, не желая идти домой. Что я скажу дома? Наверняка там уже все знают. И вдруг я услышала голос, на который рванулась, как слепая, и разревелась: это была Вера Ивановна. Она знала о разразившемся в школе скандале.

– Ты что? – спросила она. – Вымахала, чуть ли не с меня ростом, а ревешь, как первоклассница. Пойдем-ка домой, – сказала она.

Позже я узнала, что Вера Ивановна отстояла меня. Из школы меня не исключили и на педсовет не вызывали. Правда, побывала у нас дома учительская комиссия. Посидели, попили чаю с родителями. Отец ради такого случая надел военный китель с боевыми орденами, и весь вечер рассказывал о том, как воевал в Великую Отечественную войну под началом маршала Жукова.

А через семь лет началась горбачевская перестройка, и вскоре книги писателя Солженицына появились в свободной продаже...

В класс, где мы сидели с Верой Ивановной, заглянула гардеробщица.

– Все уже разошлись, одни вы остались, – сказала она.

– Ну и нам пора! – отозвалась Вера Ивановна, взглянув на часы.

Внизу в вестибюле мы еще раз обнялись.

– Спасибо вам, Вера Ивановна, спасибо за все!

Дверь школы захлопнулась. Я в последний раз оглянулась на школьные окна. Там, за их темными стеклами, спал радостный и грустный мир прошлого. Сегодня я простилась с ним навсегда.

2002 г.

Елизавета БАРСУКОВА

Родилась во Владикавказе. По образованию инженер-строитель. С 1985 года живет и работает в Дудинке. В настоящее время преподает в Таймырском колледже. Автор книг «Прощальная симфония», «А птицы всегда возвращаются...». Публиковалась в окружной газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние». Предлагаем небольшой отрывок из нового произведения автора.

НИТЬ АРИАДНЫ

Глава 10

Женщина внимательно посмотрела на Елену и Владимира и сняла телефонную трубку:

– Передайте Дробышевой, что ее ждут в приемном отделении. Приехала Акимова... Хорошо... Я поняла.

Через пять минут, оставив свои вещи в раздевалке и накинув на плечи халаты, Елена и Владимир поднимались на третий этаж.

Их встретила женщина, очень худая, невысокого роста. Коротко подстриженные седые волосы, очки с очень сильными линзами – все это старило ее, хотя голос звучал молодо и бодро.

– Очень рада, что вы приехали. Я – Татьяна Ивановна. Это я вам звонила, – она подала руку Елене. Потом Владимиру. – Я волновалась, что вы не успеете. Вчера у него был еще один инсульт. Он в реанимационном отделении. Пойдемте, я провожу вас.

В палате стояло три койки, около каждой из них множество аппаратуры. Две койки были свободны, на третьей лежал старик с трубками в носу, к рукам, вытянутым вдоль туловища, подключены какие-то проводки. Худое, изможденное тело, наполовину прикрытое простыней, лицо обезображено шрамами.

Татьяна Ивановна склонилась над больным.

– Валерий Петрович, к вам пришли. Вы можете говорить?

Мужчина открыл глаза, на его лице появилось что-то наподобие улыбки, он кивнул головой.

– Подойдите поближе, – позвала Татьяна Ивановна.

Елена сделала несколько шагов вперед. Теперь ей хорошо были видны глаза мужчины. Что-то до боли знакомое промелькнуло в них. Она подошла ближе.

– Здравствуйте, я – Елена.

– Девочка моя, ты приехала.

Елена отшатнулась назад – только один человек называл ее так. Елена схватила Владимира за руку, с ужасом глядя на мужчину, лежащего на койке.

– Влад, – чуть слышно произнесла она. – Это Влад.

– Ты узнала меня, – Влад сделал движение рукой, прося Елену подойти.

Владимир взял жену за руку.

– Подойди к нему. Он хочет тебе что-то сказать.

– Мне?.. – Елена испуганно смотрела то на Влада, то на Владимира.

– Глупенькая. Чего ты боишься? Он же не может пошевелить рукой.

Татьяна Ивановна поставила стул рядом с кроватью.

– Садитесь. Только постарайтесь не волновать его. Это опасно, – прошептала она Елене на ухо.

Елена села на красненький стул. Первую минуту у нее было желание броситься на Влада с кулаками, растерзать его, но ей вдруг стало жалко этого человека. Память вырвала из прошлого те минуты, когда она была с ним счастлива. На какое-то мгновение она увидела того, другого Влада, красивого и веселого.

– Ты что-то хотел мне сказать? – Елена положила руку на руку Влада. – Где наш сын?

– Не волнуйся, он жив и здоров, – Влад говорил с большим трудом. – Прости меня.

– Не надо об этом, – Елена улыбнулась. – Все прошло. Где наш сын?

– А кто это? – Влад перевел взгляд на Владимира.

– Мой муж.

– Зачем ты привела его?

Сколько злобы было в его глазах! Елена испугалась.

– Влад, прошло столько лет. Мы оба так много пережили, – слезы мешали ей говорить. – Пожалей меня, умоляю. Скажи, где наш сын?

– Я не знаю, где он... Я оставил его...

Влад говорил все хуже и хуже. Все труднее становилось разобрать его слова.

– Где ты его оставил? – закричала Елена.

– Там... У... меня... Айна...

Наступила тишина.

Влад несколько раз беззвучно шевельнул губами, голова его неестественно дернулась и склонилась набок.

– Он умер, – сказала Татьяна Ивановна.

– Нет! Ты не можешь так! Нет!

Елена бросилась на грудь Влада и стала терзать его безжизненное тело.

– Нет! – кричала она. – Не смей умирать! Не смей!

– Пойдем, уже все, – Владимир пытался увести Елену.

С той минуты, когда он услышал имя «Влад», у него словно земля ушла из-под ног. Столько лет они считали, что он умер! А он все эти годы молчал, прятался, прятал от нее сына. И даже сейчас он издевался над ней.

– Пойдем, пойдем отсюда.

Владимир не мог оторвать плачущую Елену от тела Влада. Какой-то мужчина в белом халате оттолкнул его и рывком поднял Елену, поставил на ноги. Она вдруг замолчала и, повинуясь сильным рукам мужчины в белом, вышла из палаты. Владимир взял Елену на руки и пошел вслед за Татьяной Ивановной в ее кабинет.

Через несколько минут пришли медсестра и тот врач, который вывел Елену из палаты.

– Ну, как дела? Успокоились немного? – спросил он и очень ласково посмотрел на Елену.

Она молча кивнула головой.

– Вот и хорошо.

Татьяна Ивановна взяла Владимира под руку:

– Думаю, нам здесь делать нечего. Идемте со мной, Владимир Николаевич.

Они вышли из кабинета.

– Я не совсем поняла, что случилось. Ясно одно – что-то очень страшное.

– Это долго объяснять, – Горский развязал галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– А если в двух словах? – Дробышева не смотрела на него.

– Когда-то по его вине...

Владимир замолчал. Он не знал, имеет ли он право рассказывать обо всем этой женщине.

– В общем, он увез ее сына и имитировал свою смерть.

– Возможно, это была не совсем имитация. Его привезли к нам полуживого. Это было около десяти лет назад... Даже больше.

– Вы хотите сказать, что все эти годы он провел здесь, в больнице?

– Нет. Дайте закурить.

Татьяна Ивановна курила, делая глубокие затяжки.

– Я удивилась, когда ваша жена назвала его Владом. Мы знали его под другим именем. Он сказал, что у него никого нет. Поэтому через полгода после того, как его привезли сюда, его поместили в дом инвалидов. Вы, конечно, не заметили, но у него ампутирована левая нога, чуть выше колена. Раз или два в году он возвращался сюда. В больницу. Он никогда ничего не рассказывал о себе. Мы жалели его.

– А он никогда не называл имя Айна?

– Нет. Единственное имя, которое он назвал за эти годы, – имя вашей жены.

– Даже о сыне он не говорил?

– Нет. А в ту ночь... Было мое дежурство. Часа в три я зашла к нему в палату. Он не спал. Попросил меня поговорить с ним. Говорила я. Он молчал... Потом посмотрел на меня так... У него были такие грустные глаза... «Я знаю, что скоро умру, – сказал он. – Но перед смертью я должен увидеть одну женщину. Я должен попросить у нее прощения». На следующий день я позвонила вам.

– Почему же он раньше не сделал этого? Почему?

– Не знаю. Ладно. Идите к жене. Я скоро приду. А где вы остановились?

– Нигде. Мы прямо с поезда.

– Хорошо. Идите к жене.

Елена, бледная, сидела на диване. Медсестра держала ее за руку и что-то говорила ей.

Владимир подошел к Елене, присел у ее ног и осторожно провел по мокрой от слез щеке.

– Как ты, родная?

– С вашей женой все будет хорошо. Сейчас ей надо выпить горячего чайку и поспать. А мы с вами так и не познакомились. Доктор Смирнов, Олег Владимирович.

– Горский. Владимир. Владимир Николаевич. Спасибо вам, доктор.

– Пустое. Ну, отдохайте.

Смирнов и медсестра ушли. Владимир сел рядом с Еленой, обнял ее.

– Это все, – тихо сказала она. – Я никогда не увижу сына.

– Ну что ты говоришь? Перестань. Мы найдем Глеба, обязательно найдем.

– Ты и сам в это не веришь.

– Нет, я верю в это. Посмотри мне в глаза. Ты же всегда говоришь, что можешь по глазам определить, обманываю я или нет. Ну, посмотри. Я говорю правду?

– Ты хочешь, чтобы это было правдой.

– Не плачь, пожалуйста... – Владимир нежно вытер слезинки с ее щек. – Не плачь. Помнишь, однажды ты сказала: «Я выдержу и перенесу все, но я найду сына». Помнишь?

– Но у меня уже нет сил.

– Ты не имеешь права так говорить! – Владимир резко поднялся. – Даже думать так не смей! Меньше всего в случившемся виноват Глеб! А говоря так, ты предаешь его.

– Ты прав. Прости меня, – Елена выпрямилась, вытерла ладонями глаза, пригладила волосы. – Собственно говоря, а что случилось? Только одно... Теперь я знаю, я твердо знаю, что Глеб у хороших людей. Влад бы не оставил его у кого попало. Если я не смогу найти сына, значит надо сделать так, чтобы он нашел меня. Это будет трудно, но я это сделаю.

Владимир слушал ее и не верил своим ушам. Он не до конца понял смысл ее слов. Но то, как она говорила, поразило его – ни тени сомнения, ни нотки отчаяния.

Он вдруг вспомнил, что однажды Зоя сказала ему:

«Влад убедил Глеба, что его мать умерла».

– Володя, что с тобой? – Елена подошла к нему, провела рукой по щеке. – Что с тобой? Ты очень побледнел. Что с тобой?

– Тебе показалось, родная. Успокойся. Все хорошо.

Вошла Татьяна Ивановна и с ней мужчина, очень полный и высокий.

– Извините, что задержалась. Познакомьтесь, это мой муж. Валентин. Я хотела у вас узнать, вы останетесь на похороны Валерия Петровича?

Владимир посмотрел на Елену.

– Да, конечно, – она сказала это очень спокойно. – Думаю...

– Вот и хорошо, – перебила ее Татьяна Ивановна. – Сейчас Валентин отвезет вас домой. Я приеду, как только освобожусь. Тогда все и обсудим.

Кроме Елены и Владимира, на похоронах Влада было человек десять – Татьяна Ивановна с мужем, доктор Смирнов, еще несколько работников больницы и две старушки.

Может быть, причиной этому был февральский мороз, а может быть, его смерть, так же как и жизнь, больше никого не волновала...

Татьяна БЕГЛЕЦОВА

По специальности биолог-охотовед. С 1982 года живет и работает на Таймыре. В настоящее время – заместитель главного редактора газеты «Огни Талнаха». Публиковалась на страницах окружной и краевой печати. Ее рассказы печатались в альманахах «День и ночь», «Полярное сияние», в коллективных сборниках «Кубок», «Стая». Основная тема творчества – природа и люди Таймыра.

Я ЛЮБЛЮ...

Я люблю, когда идет снег. Люблю в белесый вечер стоять, запрокинув голову к бесцветному небу и смотреть, как летят навстречу мне огромные хлопья, и тонуть, тонуть, тонуть в их неслышном завораживающем хороводе... Я люблю слушать вой пурги за бревенчатыми стенами избушки, хлесткие удары снежных зарядов в черное ночное стекло, люблю думать под песню ветра в печной трубе... Люблю арбузный запах только что выпавшего, октябрьского снега, его ровную белизну, без той синевы на изломах снежной корки, которая бывает в апреле, хотя и ее тоже люблю...

Я люблю слушать шорох прорывающихся сквозь прошлогоднюю листву трав, опьяняющий, изысканный запах раскрывающихся клейких ольховых листьев, свежий запах весеннего, насквозь пропитанного водой леса, запах, который хочется пить...

...Я люблю, когда идет дождь. Люблю слушать размеренный шорох капель по крыше; люблю вдыхать свежий, влажный, полный ароматов чистых листьев, трав и цветов воздух; люблю смотреть на дождевую рябь на поверхности озера и лягушками плывущие по воде пузыри; люблю сквозь серую завесу дождя улавливать знакомые очертания окрестных гор и люблю ловить пронзительно-яркий луч солнца в неожиданно появившемся в толще серых туч разрыве...

Я люблю грибной аромат полыхающей огнем осенних листьев тундры; люблю пить чистейшую воду горных ручьев, прижатых первыми морозцами и сверкающих в обрамлении тончайших кружев первого льда; люблю собирать в сумраке прибрежных зарослей ольхи тяжелые, прозрачно-красные гроздья смородины и высматривать на сфагновых кочках комариного болота огоньки морошки...

Люблю тишину прозрачного холодного октябрьского леса, замершего в ожидании зимы...

...А еще я люблю тебя...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

С Алешкой Сизовым Михаил поначалу как-то не сошелся: и говорить-то с ним не о чем, совсем мальчишка еще. Так и проработали рядом несколько месяцев – общение дальше приветов не заходило.

А тут осень наступила. В одно из первых воскресений сентября задумал Михаил за ягодами смотаться – брусника по буграм от спелости уже чернела. Решил напарника с собой взять. Прошлые годы с женой ездил, а нынче она еще из отпуска не вернулась, одному ехать скучно и несподручно. На работе с мужиками погутарил – у всех свои планы... Вдруг Сизов и говорит:

– Дядь Миш, возьми меня.

А почему бы и нет? Поехали.

Собрались и вечером в пятницу отчалили. «Казанка» около часа шла вверх по реке, наконец, возле приметного дерева Михаил повернул лодку к берегу. Напарники взяли рюкзаки и, перевалив через прибрежный бугор, прошли метров двести вглубь хилого лесочка. Здесь в укромном месте, так, чтобы не было видно с берега, стоял балок-временка, слепленный на скорую руку из горбыля, рубероида и кусков вентрукава. Михаил все собирался по зиме завезти стройматериала да соорудить что-нибудь попрличнее, но руки не доходили.

А в балочке даже печки не было – двое нар да перевернутый ящик из-под макарон вместо стола. Мужики побросали нехитрый скарб и побежали по округе с разведкой – пока не стемнело, глянуть, есть ли ягода.

Через пару минут с соседнего, седого от ягеля, пригорка Алешка уже орал:

– Навалом, дядь Миш!

И точно, белые лишайниковые лбы бугров, как черным потом, были сплошь усыпаны темно-багровыми крупнющими бусинами брусники.

– Да тут не одно ведро набьем! Вот Аленка обрадуется! – тараторил Алешка, торопливо обирая с коротких кустиков тугие ягоды. – Она ведь меня и отпускать не хотела: чего, мол, вы там в тундре делать будете, да и у дочки день рождения завтра – пять лет, нет, чтоб с ребенком по-

быть... Но ничего – зато витаминов на всю зиму ей привезу! А с Катюхой мы еще оторвемся!..

Михаил слушал Алешкину трескотню и думал о том, что неплохой он, оказывается, парень, не лоботряс, хозяйственный, жену да дочку любит, и вспоминал, какой сам в свои двадцать восемь был запыленный...

До сумерек Алешка успел собрать пару литров прямо у порога. Михаил не торопился – впереди два выходных, да и с утра пойдет он на свои коронные места, где при таком-то урожае не вставая, можно ведрами грести...

– Однако, давай, парень, поужинаем.

Михаил нашарил на узенькой полочке огарок свечи, зажег, пристроил в баночке на краю ящика. Вытащил из рюкзака примус, чайник, припасы. Алешка тоже зашабуршал в своем мешке. На нарах появились пакеты и свертки с домашней, вкусно пахнущей снедью:

– Эвон, Аленка сколько напихала! Можно подумать, на месяц еду!

Алешка расстегнул боковой карман рюкзака и вытащил бутылку водки:

– Дядь Миш! Давай за удачное начало! Да и за Катюшку мою! Пять лет красавице!..

Минут через двадцать Михаил развел примус. Водка водкой, а горячего поест да чаю попить на ночь самое то. Взял чайник и пошел к ручейку – воды набрать. На пороге оглянулся: раскрасневшийся после водки Алешка неудобно прикорнул на нарах – спит, чудак! Устал видать, как никак после смены, да свежего воздуха наглотался – непривычный к тундре, городской... Огонек свечи стелился на сквозняке, как обтрепанный флажок, плясали блики по неровному боку ополовиненной поллитры, неровно пыхал примус – почистить бы надо...

Михаил в темноте почти ощупью пробрался к ручейку. Набрал черной воды в черный чайник, приложился к носику, сплюнул травинку. Холодная вода отдавала жухлой листвой, осенним чем-то...

Сзади что-то слабо хлопнуло, короткий хриплый крик слился с гулом огня, мгновенно взметнувшегося выше листьев. Михаил кинулся к полыхающему балку, зачем-то бросил в летящие в оранжевом пламени лохмотья рубероида чайник – тот исчез бесшумно.

Алешки не было. Боясь поверить в страшное, Михаил обежал несколько раз вокруг горящего балка. Кричал, звал, свистел зачем-то...

Хибарка догорела быстро. Да и чему там гореть? Десяток досок да рубероид...

Незаметно подкралось серое утро. Михаил встал с отсыревшей коряги. Спал – не спал: не помнил... Пожарище слабо сочилось едким дымком, торчали из пепла какие-то железяки, проволока, оплывшее горлышко бутылки...

Через несколько дней наступила зима. Осень как будто выключили – Север. Мелкий сухой снег, тихо шурша, сыпал на блестящие вечной мерзлотой комья могильной земли, на кривобокий, наспех сколоченный гроб, обтянутый красным ситцем, на черный платок на голове молодой женщины, в недоумении стоящей рядом...

2002 г.

ЛЕГКАЯ

Наконец-то Михаил балок купил. Сколько лет не удавалось: то жена болела, то дети учились, то перестройка эта чертова. А у нас мужику без балка – вилы: какой ты северянин, ежели у тебя ни лодки, ни мотора, ни ружья с «Бураном»? Да повезло еще – сосед на «материк» засобирился, считай, балок за полцены по дружбе отдал. А так когда бы еще.

Чуть весна начала пригревать, стал Михаил обживаться: да и то – попробуй-ка собери все добро, что по городу по гаражам у приятелей раскидано. Не одно воскресенье ухайдакал. Наконец, в конце мая приехал уже полноправным хозяином – подшаманить свой «Вихрь»: лето не за горами. День выдался погожий, теплый. Мужиков на берегу у балков собралось немало, кто с железом ковыряется, кто рядом стоит, советы дает, а кто просто в воскресенье из города подышать выехал, да еще и с бабами да ребятами – шашлыки жарят, на весеннее солнышко щурятся. Идет по черной, утоптанной между осевшими сугробами тропочке-канавке Михаил, с мужиками с кем здоровается, с кем знакомится, и вдруг слышит:

– Миха! Ты ли? Вот встреча!

И точно: Колян, приятель старый, еще молодыми в гостинке рядом жили. Потом квартиры получили и потеряли друг друга – город-то не маленький.

Оказалось, у Николая тут тоже балок, давно уже. Да еще пристроил хозяйственный Колян к балку баньку с сараюшкой, мостки сделал, скамеечку соорудил – прям фазенда. Заглянул Михаил к приятелю. Жена Колина, Анна, в сараюшке куриные ноги жарит, рядом дочка крутится, тоже Анька, ириски жует. Что мама, что дочка – обе круглые, мордастенькие, только ростом разные, как матрешки. Поздоровался Михаил, от ноги жареной отказался – токо из дома, да Светлана с собой припарок хороший положила – и к себе, гайки крутить.

Ближе к вечеру снова зашел Николай:

– Баньку я истопил, зайди, с устатку попаримся.

– А что, дело хорошее... – Михаил вытер черные руки ветошкой. – Пошли.

Обе Анны, распаренные, с красными лицами, попались навстречу – пошли к остановке, домой собрались.

Мужики долго сидели в парилке, с остервенением хле-

стались вениками, пили холодный компот – кастрюля стояла у дверей в подтаявшем сугробе. Наконец, промывтые до косточек, до скрипа, вылезли в простынях на скамеечку.

– А я ведь, Миха, разводиться собираюсь, – неожиданно сказал Николай. – Только вот Аньку жалко. Она у нас поздно родилась. Анна-то не хотела. Я настоял. И, знаешь, сам ведь водился. Сюда ее маленькую таскал. Балок строю, а она у меня тут, в загородочке, чтоб не уползла куда. Уж теперь, взрослая, двенадцать лет, так мать ее к себе ближе стала держать. Чувствует ведь она, знает, что жить-то не будем...

Николай с хрустом затянулся «беломориной», помолчал, потом, видимо, решившись, продолжил:

– Да и есть у меня женщина. Стыдно сказать, в такие-то годы – ведь на пенсио собираюсь – влюбился, что ли? И нет в ней вроде ничего, обыкновенная... А просыпаюсь однажды ночью, сидит рядом, смотрит на меня, плачет тихонько, за руку держит. «Боюсь, – говорит, – уснуть, вдруг пропадешь?» И мне отпускать ее неохота. Подниму на руки – как пушинка, легкая, горячая, так бы и носил на руках всю жизнь... Анну пробовал поднять – как баллон кислородный...

Посидели, обсохли. Михаил собрался, поехал домой. За стеклами автобуса стоял светлый вечер, в легкой дымке тумана плавали деревья. Одинокая звезда – то ли Юпитер, то ли Сатурн – висела на блеклом небе...

Жена, видимо, услышав шабуриание ключа в замке, сама открыла дверь и охнула от неожиданности, когда Михаил быстрым движением подхватил ее на руки и крутанул так, что пятно лампочки в прихожей в глазах слилось в слепящий круг.

– Мишка! Сумасшедший!..

...В доме пахло теплом и уютom, о чем-то бурчал телевизор, полосатый Васька, прохиндей и ворюга, выгнув спину, терся о косяк, Светка, смеясь, обувала сроненные во время полета тапочки и, понарошку сердясь, шлепала мужа по гулкой спине узкой ладошкой.

Михаил молча расстегивал куртку, улыбался: «Шлепай, шлепай, легкая моя...»

2002 г.

Юрий ГРАДИНАРОВ

Родился в Донбассе в 1941 году. Сорок лет, с 1961 года, жил и работал на Таймыре. Прошел трудовой путь от киномеханика до начальника Управления культуры округа. Автор книг «Аргиши в Париж», «Шаман Демнине», «Исповедь», «По собственному желанию». Лауреат литературной премии имени О.Аксеновой в 1999 году. Первый редактор альманаха «Полярное сияние». С 2001 года живет в Белгородской области.

В НИЗОВЬЕ ЕНИСЕЙ МОГУЧ...

*Фрагмент из романа**

Глава III

...Конец октября. Примораживает. С Енисея доносится треск льда. Лед набирает толщину.

Берег пуст. Стоят припорошенные снегом старые баржи. У двух майн, продолбленных сажень в пятидесяти от берега, водовозы на собачьих упряжках наливают воду жестяными ведрами в деревянные кадки, а на стрежне четверо рыбаков колют лед пешнями, растягивают вдоль течения сети, вяжут к ним деревянные шесты – норила, чтобы свежего сига добыть по первому льду.

На Кабацком, среди тальников, копошатся фигурки охотников, проверяющих петли на куропатку.

А с высокого угора катятся на санках неугомонные дети. Рядом с ними вездесущие собаки. Прыгают, сбивают лапами мальшню, нюхают раскрасневшиеся ребячьи щеки. Дети окликают собак, глядят пуховыми варежками, иногда берут их с собой в санки, чтобы прокатиться по смерзшемуся насту.

Курятся трубы дудинских изб и балоков сизым древесным дымком, сливающимся с плывущими в небе облаками. А в тундре – где дымок, там и жизнь. Медленно, степенно, как дородная купчиха на ярмарку, входит в зиму село Дудинское.

Видно, что селяне здесь крепкие живут, знают, почему фунт лиха в студеную долгую зиму. Щеголяют друг перед другом запасами впрок, хозяйственности не скрывают. Успевают за короткое комариное лето и дровами запастись, и рыбой, и грибами, и ягодой. Да и одежду зимнюю сшить из песцовых или оленьих, из собачьих или волчьих шкур. У каждой избы ладные поленицы дров, собачьи нарты блестят свежими полозьями, приткнувшись почти торчком к добротным, утепленным тундровым мхом, собачьим катухам.

Входные двери в сени обиты длинношерстными оленьими шкурами, в окнах – затянутые изморозью стекла вместо привычных льдин, а рядом с собачьими катухами пристроены кое у кого и баньки по-черному. От каждой избы веет домовитостью и ухоженностью.

* Продолжение. Начало в альманахе «Полярное сияние» за 2001 и 2002 годы.

У купцов, братьев Сотниковых, все амбары забиты товарами. Все успели завезти разворотливые братья. Приказчики уже заканчивают опись своего хозяйства и начинают готовить тюки, ящики, мешки со всякой всячиной для ноябрьского аргиша по затундринским станкам с меновой торговлей.

В начале месяца ушел последний пароход с бочками соленой рыбы, с песцовыми да собольими шкурками. Он же снимал с тоней последних рыбаков и засольщиков, приезжавших на заработки из Енисейска. Петр Михайлович с приказчиком, племянником Дмитрием Сотниковым, ушли вместе с ними для сдачи рыбы, расчетов с сезонниками и сверки с губернским банком.

Петр Михайлович под стать старшему брату. Ростом почти с него, да и красотой не обделен. Но поставь их рядом – не скажешь, что родные братья. Младший черноволосый, безусый, глаза карие, один – чуть в прищуре, будто целится из ружья или в голове о чем-то кумекает. Да и голосом Петр суровой. Омужичился он раньше Киприяна, ради этого даже трубку стал курить. Бороду и усы отпускает лишь на зиму, чтобы нос и щеки в тепле держать. А с июня по сентябрь опять молодым лицом сияет да поначалу неузнаваемым кое для кого становится. А потом снова люди привыкают к нему, усатому да бородатому.

Хоть и разница в годах небольшая, но мудрости Петр набирается у старшего брата. Знает, что тот в торговых делах дока да и тундру прошел вдоль и поперек. До самой Лены на оленях доходил! Это он взял его сюда из Туруханска, сначала в хлебозапасный магазин, а потом – к себе помощником. Освоился Петр быстро. Брат свел его с нужными людьми в Енисейске и в Минусинске, а в тундре – с местными князьками. Надоумил его купеческим тайнам и разворотливости, а также уважению к людям.

– Людей, Петруха, уважать нужно... Пусть он пришлый или тунгус... У каждого из них душа божья, а не оленья... Мы тут с тобой ведь ради них, хоть и имеем лишнюю копейку... Не будет их – и нам тут не место... А ты ведь тоже казак... А земли наши дальние, российские, испокон века только и хранятся за счет казачества... Кто Мангазею, Таймыр, Якутию открыл? То-то же... Казаки.

Но шашкой в этих снегах мы не махали. Шли в стылые земли с крестом да товарами... Тунгусов спасали от вымирания... Пожалуй, лишь Ермак свою шашку кровью обогрел... Да Бог ему судья... Он был больше бунтарь, чем казак... Ты ведь знаешь, что доброту даже собака понимает, а человек – и подавно... Так что шашка в наших делах нужна для рубки ивняка, а не голов... Помнишь, как говорил наш атаман Иван Гаврилович Томилов о шашке: "Без нужды – не вынимай, без славы – не вкладывай". Вот так-то, брат мой Петруха!

Петр никогда не перечил брату, хотя и сомневался в некоторых его суждениях. Откладывал их про запас и иногда норовил внести что-то свое, крутил умом и так и сяк, но в конце концов сходил на том, что Кипа прав, что умнее уже не скажешь. А выезжая с ним в тундру, не раз наблюдал, как ценят его брата и пришлые, и тунгусы. Даже мудрые шаманы зовут его в чум пить чай, говорку держать, совета просить. А пясинский шаман Нгамтуссо говорил своим сородичам, что шибко большой ум в тундре появился... Это белый шаман Кипа Сотников... Он все знает с неба до земли... У него все есть... Надо молодую девку за него выдать, чтобы наш род был еще мудрей... Сородичи согласно кивали головой. Они боготворили и боялись шамана, но еще больше желали видеть Киприяна в их чуме. Они уверовали в то, что при нем все беды будут обходить их род стороной.

Киприян Михайлович, слыша такие желания, посмеивался, подмигивал Петру и говорил:

– Вот видишь, какие они бесхитростные, не то что мы с тобой. Душа у них нараспашку. Что думают, то и говорят. Они и князьцом бы меня избрали, и девок бы три-четыре дали. Только управляйся. У них каждый большой человек – шаман или князец – имеет много жен. Это у нас церковь запрещает. Вон у Нгамтуссо четыре жены... Одна моложе другой. А наши, пришлые? Многие женятся на тунгусах... Дети красивые рождаются.

– Ты, брат, так складно рассказываешь, будто меня собрался женить на тунгуске...

– Нет, Петруха! Ты христианин, а они – язычники... Хотя наши пришлые не ведают в этом греха. Тут беглые окопались лет сто – сто пятьдесят назад. Возврата под топор им не было, а царь не смог достать. Теперь их потомки – полутунгусы-полурусские. Их низовские сельдюками зовут.

Петр с желанием запоминал все, сказанное братом и увиденное в тундре, начинал понимать их язык и обычаи, чтобы не попасть в виросак в частых поездках по тундре или не обидеть неверным поступком добродушных тунгусов. Он уже знал свое место в чуме, как чаевничать, сидя, поджав под себя ноги, как одаривать и принимать самому подарки. Он понял, что тунгусы не любят отказов, потому они угощают или одаривают от души. Кроме Киприяна, его не раз наставлял и Хвостов.

– Ты, Петр Михайлович, не брезгуй. Оленя убили, кровь пьют – и ты пей. Строганину едят – и ты ешь. Толкно жуют – и ты жуй. Уважай наши обычаи – и тунгусы будут те-

бя уважать. Киприян Михайлович все это прошел, прежде чем стать своим в тундре. Я ведь ваше все перенял, но и свое не забыл. Потому и чтят меня и русские, и тунгусы.

Киприян Михайлович сидел после вчерашней бани в горнице и опивался чаем с сахаром вприкуску. Его шея обмотана махровым полотенцем. По покрасневшему лицу стекали струйки пота. Ксюша рядом за столом набирала на нитки разноцветный бисер. Купец покрякивал после каждого глотка, вытирая полотенцем лицо.

– Ох, и чашек, Ксюшенька, заварила! Седьмой пот уже прошибает... Вся хворь выходит...

– На здоровье, Киприян Михайлович... Это тундровые ягодки пот гонят.

В горнице размеренно тикают большие часы с эмалевым циферблатом и тремя медными гириями. Потрескивают в печи дрова. От каминя веет мягким теплом, будто и нет за окном снежной зимы. Кажется, что в каждом уголке этого большого дома идет размеренная, монотонная, как тиканье часов, жизнь в уюте и в полном согласии его обитателей. Резной буфет из черного дерева, массивный дубовый стол для званых обедов, черные стулья с высокими спинками, как в губернском собрании, и широкий диван с расшитыми плюшевыми подушечками придают горнице торжественность и умиротворенность. Медленно течет время.

Киприян Михайлович, не спеша прихлебывая чай, вспомнил проводы брата. Петру не очень с руки было уезжать.

...У Киприяна в конце октября венчание. Петр стоял, затягиваясь трубкой, нервно прикрывал большим пальцем чубук. Его прищуренный правый глаз выжидающе глядел на старшего брата. Тот заметил редкую тоску в глазах Петра и почти у сходней парохода сказал:

– Не кручинься, Петр! У тебя дела поважнее моих... Езжай спокойно. Люди поймут – не осудят. К Рождеству жду тебя с добрыми вестями. Как Енисей вверху схватится – отправь весточку о банковских делах да о налогах. Вернешься, видно, не раньше января... Не забудь в Уголье соль заказать. Пудов с тыщу хватит. Да помол нулевой и второй. Половина – на половину...

Петр слушал, но думал о другом. Киприян Михайлович почувствовал, что брат встревожен его венчанием. Он уже однажды намекнул Киприяну, что теперь будет выгеснен из его братниного сердца, что его место займет Ксюша. Он не понимал, что любовь Киприяна к Ксюше совсем иная, чем любовь к нему, брату. Киприян Михайлович тогда объяснил ему:

– Петруха, родной мой! Мы с тобой братья по крови, и любовь между нами кровная, а с Ксюшей породнимся по душе... Может, я невнятно говорю, поскольку сам плаваю в этом улье. Ты был и останешься моим любимым братом, а она – любее...

Петр наклонился, выбил трубку о сапог. Не убедил его брат, может, впервые, не убедил.

Киприян стоял перед ним и виновато моргал глазами. Чтобы как-то спрятать свою растерянность, он крепко об-

нял Петра и трижды поцеловал в мягкие, уже несбритые на зиму усы.

– Ты так не убивайся, Петруха! Моя женитьба не порушит ни наше дело, ни наше родство... Я без тебя, что купец без товара, а уха без навару. Через год-другой и ты приведешь в дом туруханскую или енисейскую казачку. И пойдет род Сотниковых в рост... Благо земли на Таймыре на всех хватит.

– Так-то оно так... Но сейчас душа болит. Я же без тебя сиротой себя ведаю. Ты для меня и матушка, и батюшка, и брат... Моя голова от тебя кормится.

– Ну, а Ксюша-то как? Ты что-то о ней ни слова...

– Женись... Лучшей, Кипа, не выждешь... Люба она мне, как и тебе... А может, еще шибче... Твой верх – ты старше. Таких молодок во всей губернии с огнем не сыщешь. Всякая невеста для своего жениха родится. Жизнь мне хмурой стала казаться... Но ты, братец, не сердчай. Все выполню, как наказал. В работе подвоха не жди. А вот с Ксюшей – душа не на месте...

– Да ослобонись ты от нее в мою пользу – сразу легче станет. Будто долг отдай – и забудь...

– Тебе легко судачить... Вот если бы ты на моем месте был, то по-другому бы запел. Как же от нее ослобониться, ежели всю душу заполонила. А души лишиться я не могу, пока жив...

– Боронь Боже тебя, Петруха... Лишать себя жизни – грех неискупимый. Она ведь у тебя только сил набирается.

Киприян сочувственно смотрел на брата.

– Угроздило же тебя, Петруха, в самое сердце... А я думал, только меня.

– Все лето прокрутился в делах, вроде боль стала утихать. А вернулся сюда, снова увидел ее – и заныло в груди. Она ведь не знает, что мне люба. А тут ты с венчанием... По живому резанул, а крови нет. Она уже вся запеклась там, в душе...

– Тут я тебе не помощник... Не могу найти нужных слов, поскольку сам бессилён перед ее чарами. Свою душу легче очернить, чем очистить. Даже от светлых дум. Тут воля становится мягче пчелиного воска. Тает от душевного огня... Я сам уже год маюсь. Говорю тебе, а сам плохо разумею... Чую, что сердце с умом не в ладах.

На Енисее штормило. Волны окатывали белыми бурюнами привальный брус судна. Стая чаек, покачиваемая ветром, сиротливо сидела на берегу, рядом с пароходом, и при порывах ветра взмахивала крыльями, опираясь о воздух, чтобы удержаться на скользком снегу.

Матросы сновали по палубе, ныряли в «машину», увязывали на корме двадцатипудовые бочки с соленой рыбой. Крепкий морозец на лету схватывал легкие водяные брызги и приклеивал их к судну, серебра голубой борт.

Капитан, стоя в рулевой рубке, хозяйским взглядом окинул судно, убедился, что подготовка к отходу завершена, спустился по сходням к Сотниковым.

– Озябли, небось, на ветру беседовать. Зашли бы в каюту, коль разговор долгий.

– Да уже наворковались, – ответил Киприян Михайло-

вич. – Я заметил, при расставаниях всегда возникает то да се... Бывает, что не все успел сказать. А сегодня выговорился... А ты, Петр, как?

– Я тоже несколько камней с души сбросил... А налегке легче плыть...

Капитан протянул руку Киприяну Михайловичу:

– Ну что ж, до будущей навигации. А брата вашего с племянном доставлю в целостности и сохранности. Надо быстрее уходить из шторма...

Он пропустил вперед Петра Михайловича и за ним поднялся на судно по скользким сходням.

– При случае, кланяйтесь Кыгмановым! Я, вероятно, весной буду в Енисейске! – вдогонку им крикнул Сотников.

Капитан, опершись о поручни, повернул голову на голос:

– Передам!... Братья Кыгмановы каждый рейс встречают...

На палубе стояли десятка два продрогших на ветру рыбаков и засольщиков. Бородатые и хмельные, они грустно смотрели на покрытое снегом взгорье, где оставались зимовать ставшие родными многие из дудинцев.

– Убрать трап, отдать швартовы! – скомандовал в рупор капитан.

Ветер подхватил его слова и донес до стоявших на уголке селян. Они дружно замахали руками.

Двое дюжих вахтенных потянули сходни на борт. Лесенка прогнулась дугой, затрепетала над водой и вмиг исчезла на палубе.

– Отдать концы!

И два каната маутом взметнулись в воздухе и шмякнулись на берегу, у покрытых инеем кнехтов. Судно нехотя отшатнулось от берега.

– Малый вперед! – пронеслось над водой. – Право руля!

Зачихала, запыхтела машина, раскручивая колесо. Из трубы повалил густой темно-серый дым. Залопотало плечами весельное весло-колесо, нагоняя темноватые, с белыми хвостами, волны. Пароход длинными силловатыми гудками прощался с дудинцами, уходя как-то боком на середину реки. Достигнув стрежня, выпрямился, дал еще гудок и, натужно стуча, пошел вверх против течения.

Киприян Михайлович, в собольей шапке, в коротком, с оборками, овчинном тулупе, постоял еще немного у самой кромки припая, помахал обогнувшему уже Кабацкий судну и медленно направился домой. Шел и на ходу подводил итоги. Все главные дела в этом году завершены: товары в лабазах, рыба и пушнина ушли в Енисейск, сезонники отправлены домой. Осталось только обвенчаться с Ксюшей, снарядить торговые аргиши в Хатангское да время от времени навещать к норильским горам.

...Тридцать три года прожил один и, вроде, не задумывался о женитьбе. Сам со всем справлялся да брата в помощниках держал. Говорил сам себе, мол, рано, да и не был уверен, что это ему необходимо. И к молодкам у него тяги не было. Правда, бывало, что просыпался среди ночи от какого-то буйства во всем теле. Казалось, что какая-то неведомая сила будоражила его кровь, наполняла все нутро непонятным желанием и искала выхода из его молодого тела. Потом наступало блаженство, и он снова засыпал

в радостном упоении происшедшим. И вот год назад его взгляд зацепился на Ксюше. Да так зацепился, что оказался бессильным его отвести и начал терять бобыльный нрав. Потерял легко, жалея, что так долго упрямялся с женьбой. Правда, в тундре не единожды тунгуски поднимали перед ним парки. Но не позволял себе Киприян по частям разбазаривать свое сердце, поскольку слышал, что утехи могут приручить его тело. Хотя родня из мужиков не чуралась тунгусок, и род Сотниковых, как корень ивняка, множился на обильной, но холодной земле...

Киприян Михайлович посмотрел на темные леса своего дома, перебрался глазами на крышу и увидел маковку церкви. Снизу, от Енисея, казалось, что она сидит на крыше его пятитенка. Сидит, как-то нелепо, нарушая вид его хормом. «Да, перекрыл я ее своей избой с этой стороны Енисея... Как-то раньше в суете не замечал, а сейчас, ну прямо в глаза лезет. Как наваждение какое-то... Как прямой укор накануне венчания. И начальство приезжало, и духовники. И никто не упрекнул... Может, считают, что я здесь сначала Бог, а затем Бог – церковь. Закрыв я торгом дух... Не совсем, но малость есть. Место для церкви, правда, не я выбирал. Или поморы, или мангазейцы. Да и давно это было: почти век... А вот место под мой дом освятил отец Никодим. Не учел, что он часть церкви с берега прикроет. Ему и отвечать перед Богом, коль ошибся и согрешил...»

Он открыл глаза, перекрестился, поглядывая в красный угол, где висела икона Пресвятой Богородицы.

– Засыпаете, что ли? – оторвалась от вышивки молодка. – Уже и глазонки слипаются. Неужто чай сон нагнал?

– Да нет! Брата вспомнил, Петруху... Последний пароход... И чайки... И люди на берегу... И церковь. Все прошло перед глазами, как будто вчера было... Как он там среди чужих людей?

– Он же не один... Он же с Димкой Сотниковым...

– С Димкой-то с Димкой... Да какая от него подмога? Он еще несмышленьш в торге. Одно дело – тундра, а другое – товар закупать. Тут не только голова нужна, но и глаз нужен... Наш брат, купец, на руку нечист. Уж кто кого надует... Все купечество на этом держится... Не даром царь Петр торг воровским делом обозвал.

– Так и вы, батюшка, грешите этим?

– Стараюсь грех на душу не брать. Меновая торговля честнее. Ты мне три песца – я тебе ружье... Да я с любимым тунгусом каждый сезон вижусь. Заплевали бы за обман... Ты, Ксюша, пойми. Я хоть и купец, но в душе остался казак. Что бы ты ни думала, но я не теряю честь урядника за какие-то гроши. Тем и живу...

Он вытер полотенцем лицо, шею, промокнул грудь.

– Сегодня воскресенье, – перелистнул он церковный календарь. – Большого праздника нет. Надо счета навести в ружейном лабазе. Сходи-ка за Алексеем Сидельниковым. Пусть бумаги возьмет, свериться надо. Справимся, то может на Опечек съездим, посмотрим, как рыба идет... Скажи Акиму, чтобы собак сытно накормил. Вдвоем поедим.

– С кем вдвоем?

– С тобою, Ксюшенька! Посмотришь наше хозяйство. Да и на собаках ездить учись.

Ксюша отложила в сторону свою вышивку, надела валенки, накинула на плечи овчину.

– Вам чайку обновить?

– Благодарствую... Уже семь потов сошло. Пора за дело...

Ксюша вынесла ведро корму Полкану, дремавшему, как всегда, на крыльце. В катухе зашевелились собаки, услышав голос Ксюши. Застучали лапами в дверцу, заскулили, уловив запах вкусной еды. Дверь чуть вышла наружу, напрягла деревянную задвижку. В щели повалил густой пар от согретых за ночь собачьих тел. В щелях виднелись их потные носы.

– Аким, ты где? – окликнула она сторожа.

Тот вышел из дровяника с охапкой заиндевшего швырка. Остановился, приподнял одной рукой сползшую на глаза шапку.

– Когда печи растопишь, собак покорми. Хозяин просил. Хочет, если удастся, пополудни на Опечек сгонять. Две упряжки подготовь, Акимушка... Я от Сидельникова вернусь – будем завтракать.

– Будь сделано, вот, после печек, снежок отбросаю...

Сидельников жил за ручьем, рядом с лабазами купцов, у накатанной собачьими упряжками дороги. По ней возили из складов товары и на собачьих, и на оленьих упряжках, а охотники уезжали на охоту. Даже во время сильных заносов дорогу по селу чистили лопатами или волокушами, впрягая в них не один десяток собак. Вот и сейчас, рядом со своим балокком чистил дорогу Андрей Бычов, горбоносый, с выпирающими из-под шапки ушами. Он поднял голову и оценивающе посмотрел на проходящую мимо молодку. «Эту бы молодку да в лодку.» – подумал он, сдвинув на лоб шапку.

Ксюша легко шла по укатанному снегу. Рядом, мягко переставляя лапы, бежал Полкан. Бежал, приносиваясь к собачьим следам, усыпавшим снежную дорогу. Из трубы сидельниковской избы шел свежий, еще холодноватый дым. «Значит, уже не спят, коль труба дымит», – обрадовалась Ксюша. Во дворе, отталкивая мордами друг друга и тихо рыча, собаки уминали из деревянного корыта теплую, парящую на морозе приправу из рыбы, оленьего мяса и отрубей.

– Коль собак кормит, значит перед дорогой, – предположила она.

Полкан жался к ее ноге, не вмешиваясь в завтрак нахрипавших собак. Из сеней вышел хозяин, уже одетый по охотничьи: в ненецком сокуе, бокарях, на поясе висел нож. Тускло поблескивала его рукоять, сделанная из бивня мамонта.

– Здравствуй, Алексей Митрофанович!

– Доброго здоровьица, Ксюша! С чем пожаловала? Как хозяин?

– Хозяин – жив-здоров! Тебя с бумагами кличет. Хочет приход подбить по твоему арсеналу.

– Жаль! А я ведь собрался на охоту... Пасти, капканы проверить... Вишь, собак кормлю.

– Ты с бумагами сходи, авось, сговоритесь. Он тоже с

обеда хотел сбежать на Опечек... Так что, я думаю, по рукам ударите.

– И то, правда, Ксюша! Зараз схожу. У меня с кремневками и порохом всегда порядок. Все сошлось тютелька в тютельку. Это не мануфактура, там аршин с тюка срезал – и не заметишь. А у меня ружьишко к ружьишку, патрон к патрону, порошинка к порошинке и картечь килограмм к килограмму – тут уж не обжулишь...

– Ладно тебе! Захочешь кого обжулить – обжулишь. Хоть пришлого, хоть тунгуса. И на порохе, и на шкурье, и на дробе... Только Киприян Михайлович больно строг к таким процелыгам. Попадешься – дня держать не будет.

– Да я знаю! Не первый год у него служу. Потому и молчу, если что не так... Надо чтоб каждая цифра, каждая копейка сошлись...

Он возвратился в избу и вскоре вынес оттуда свой сокуй, связанные между собой бокари и повесил в сенцах на вбитый деревянный крюк.

– Плакала сегодня моя охота... Счас я шапку в охапку...

Он появился во дворе в песцовой шапке и утепленном казакине с большой амбарной книгой и счетами.

– А счеты-то зачем взял? У Киприяна Михайловича их четыре. Даже костяные есть – мамонтовые. Ему Хвостов подарил.

Алексей Митрофанович чуть зло ответил Ксюше:

– На то он и купец, чтобы счеты иметь, а я приказчик. Счеты у меня главный струмент, как у охотника ружье. Поняла? Да и поверье у меня есть свое: и приход, и расход одними костяшками вести надо. Как только начинаю на других считать – обязательно что-то да не сойдется. Вроде, колесики разные. Потому, считаю только на своих...

Собаки доедали приправу, отталкивали телами друг друга, пытаясь ухватить полакомей кусок, и предупреждающе рычали. Полкан равнодушно слушал их собачий разговор. Зевал, лениво потягиваясь, и изредка лизал снег.

Сидельников протянул Ксюше свою приходно-расходную книгу:

– Подержи! Я собак загоню в сарай.

Он щелкнул бичом. Собаки приподняли головы, поглядывая на хозяина. Даже Полкан приподнялся.

– А ну-ка на место, шасть! Живо!

Шесть собак, одна за другой, неохотно нырнули в проем двери. Приказчик прикрыл дверь на защелку и сказал все понимающим животным:

– Отдохните чуток, может, прогуляемся на капканы...

И вместе с Ксюшей направился в сторону дома Согникова. Перешли наполовину занесенный снегом ручей и подошли к церкви. Возле бревенчатой избы отца Никодима им встретилась Мария Николаевна с детьми священника. Гувернантка в коротких кожаных сапожках, в длинной юбке и короткой цигейковой шубке. На голове, охватив аккуратно свернутую косу, сидела вязаная из разноцветных шерстяных ниток шапочка.

– Доброе утро, Мария Николаевна! Чой-то вы спозаранку гуляете?

– Здравствуйте, люди добрые! Гуляем, чай, погода поз-

воляет. Детям – на пользу... Не все же с книжками сидеть...

И она оттолкнула от себя санки с сидящими на них Кириком и Дотей. Полкан побежал рядом с катящимися по косоугору санками, а ребяташки подбадривали его:

– Быстрее, быстрее, Полканчик!... Не отставай!

Пес бежал вполсилы, чтобы позабавить детей. Когда санки остановились, он обнюхал со всех сторон и Кирика, и Дотю. Даже лизнул теплым языком их раскрасневшиеся щеки. Дотя визжала от восторга, а Кирик кричал:

– Мария Николаевна! Мария Николаевна, Полкан целуется!...

– Это хорошо, Кирик! Значит, любит он вас, – посмотрела вниз гувернантка.

А Ксюша требовательно позвала:

– Полкан, ко мне! Полкан, иди сюда!

Огромный пес лениво поднялся на горку, потерся боком о валенок хозяйки, поднял голову вверх, заискивающе заглядывая в глаза Ксюши, якобы извиняясь за участие в детских шалостях. А кухарка уже не обращала внимания на пса, говорила о том, о сем с гувернанткой. Сидельников малость постоял в стороне, не прислушиваясь к шепоту двух подруг. Закурил, встряхнул счетами и сказал:

– Ладно, Ксюша, я пошел, а то хозяин гневаться будет...

– Я тоже скоро подойду...

Она проводила его взглядом и уже громче сказала подруге:

– Мария Николаевна, я вам скоро открою секрет. У меня перемены. В субботу венчание... Киприян Михайлович...

Гувернантка, не дослушав Ксюшу, сказала:

– Слухи были, но от тебя слышу впервые... Я рада! Киприян Михайлович – такой чудесный человек! Счастья тебе, Ксюшенька!

И она поцеловала в щеку наклонившую к ней голову девушку. Ее вязаная шапочка сбилась набок, оголив покрасневшее на морозе ушко с маленькой серебряной сережкой, подарком отца Никодима к дню рождения.

– Мария Николаевна! Маша! Я прошу вас быть при мне... Вы единственная моя подруга...

У Ксюши выступили слезы. От волнения хотелось плакать. Першило в горле. Было жаль Марию Николаевну, как будто она теряла ее навсегда. Гувернантка заметила эту жалость в глазах подруги.

– Ксюша милая, не жалея меня... Ты боишься конца нашей дружбы? Все зависит от тебя. Я же остаюсь свободной... Свободной, как птица. А у тебя новые интересы... Ты станешь кунчихой... Богатство отгородит тебя от многих привязанностей.

– Машенька, все останется, как прежде... Я богатством не льщусь. А может и родней станем. Петра за вас со сватаю...

– Нет, нет, Ксюшенька... Петр – не для меня... Мне кажется, мы с ним разные люди. Я любви боюсь... Вернее, боюсь зависимости...

Они откровенничали и все время оглядывались по сто-

ронам, боясь, что легкий морозный ветерок разнесет их тайны по всей тундре.

Дети возвратились на горку, устало таща легкие саночки. Мария Николаевна, не закончив мысль, крикнула:

– А ну-ка, еще разок скатитесь!... Куда вас санки донесут? Небось, до берега Енисея...

– До реки еще далеко, – ответил старший, Кирик. – За два раза можно доехать...

– До реки не хочу, – запретила Дотя. – Идти назад – ножки болят...

– Ох, и лодырька ты, Дотя! Любишь кататься – люби и саночки возить.

– Снизу надо собаку запрячь... Пусть тянет санки на угор, – вступился за сестру Кирик.

– Ладно, обойдетесь без собаки... Катайтесь, пока не наскучит, – избавилась от продолжения разговора гувернантка.

– Ладно, Маша, я пошла. Заходите вечером вязать, поговорим о венчании... Надо все подготовить, ничего не упустить... Вы уж простите... Вас увидела – расстроилась... Сомнение меня гложет... Хотя я уже дала согласие Киприяну Михайловичу...

– Это тебе кажется, Ксюша. Тебя посетила любовь... Такое бывает раз в жизни. Сомнение – это хорошо. Ты ведь сейчас заканчиваешься сама в себе... После церкви суть твоя заполнится другим настоем... И растворится в нем твоя девичья наивность. А место наивности заменят хитрость и купеческая уозость. Ты, наверное, забросишь книги, лишишься девичьей надежды и станешь домовитой хозяйкой в деревянном дворце Сотникова... Может, это и есть твоя линия судьбы. Вот за это и мне тебя жаль. Я так хотела перевести тебя в свою веру... в веру гордого одиночества.

Она говорила, а по щекам медленно скатывались две слезы, густея на морозе. Покрасневшие нижние веки еле сдерживали нависшую на ресницах свежую волну слезной горечи.

Ксюша чувствовала себя виновницей ее слез, а как утешить подругу – не знала. Она смотрела ей в глаза и растерянно перебирала бахрому своего платка.

– Ой, что же я наделала! Я виновата во всем!

– Знаешь, есть слезы радости и слезы горести... А сейчас они слились вместе, как Дудинка с Енисеем... Горе пересилило... Сдерживать их не могу...

Маша поправила на голове шапочку, спрятав выбившиеся наружу волосы, вытерла слезы и добавила:

– Да полно об этом... Судьбы бы тебе благосклонной... Один раз ведь живем.

Ксюша посмотрела куда-то вдаль, за остров Кабацкий, где в снежном мареве почти сливался с горизонтом высокий берег Енисея. Смотрела, сузив веки, будто прослеживая свою будущую судьбу. Потом словно спохватилась:

– Ой, мне пора! Жду вечером... Пойдем, Полкан!

Пес, мягко ступая лапами, нехотя шел за своей хозяйкой.

В горнице за столом, обложившись бумагами, сидели Киприян Михайлович и Алексей Митрофанович. Над их головами висела обрамленная стеклярусовым ободком люстры керосиновая лампа с потрескивающим фитилем. Стучали, перебегая по оси, костяшки счетов. Сидельников открывал в своей амбарной книге сверенные товары.

– Сутяжничать с нами никто не будет? Особо по тульским ружьишкам... Там ушлый купчина сидит. С каждого ствола слупит по лишнему гривеннику. Этот Михайлов – еще тот хват...

– Насчет «Зауэра» я приценился... Не прогадали. Брал дешевле, чем в Томске. Двустволки, бескурковки – там одна насечка на прикладе чего стоит... Могут немцы ружья делать. А тулки – за милую душу тунгусы берут, так что сутяги не будет.

– Ну, дай Бог! А то эти суды да пересуды не один из нас рубль вытянут... Надеюсь на тебя, Алексей Митрофанович!

– Стараюсь, Киприян Михайлович!... Только по моему арсеналу прибыли будет тысяч пять.

Сотников пронзительно посмотрел в плутовские глаза приказчика. Тот сидел, не моргая, стараясь выдержать взгляд хозяина.

– А пороха бездымного в достатке?

– Хватает! Пудов десять даже лишку взял. Боялся, вдруг подмочут али еще что... Теперь все в амбарах, все описано.

– На Хатангское готовишь товар?

– Готовлю! Упряжек тридцать только под ружья да порох.

– Толково. Хвостов передал, что бескурковки там ждуг. Они, говорят, надежнее кремневок.

Сотников потянулся, затем поднялся из-за стола и убавил фитиль в лампе.

– На сегодня – шабаш... Езжай на свои капканы. Потом еще раз кое-какой товар сверим. Давай уж заодно и почаюем...

Часы пробили полдень.

– Ксюша! – окликнул кухарку Сотников. – Ты нам рыбки из тузлучка подай, кулебяку с муксуном да мадеры бутылочку за удачную сверку.

– У меня все готово! Даже самовар свистит, – ответила она из кухни.

– Тебе помочь, Ксюша? – вызвался Киприян Михайлович.

– Не надо... Я сама накрою споро.

Сидельников удивленно приподнял брови.

– Что-то я не понял, Киприян Михайлович! – наглова-то спросил он. – Не мужичье дело – на стол подавать...

– А тут и понимать нечего! Женюсь я на Ксюше – вот и все разумение... Ты уже детей кучу нарожал, а я все в бобылях хожу... Я что, по-твоему, не мужик?

– Не мужик, а казак... Не казак, а урядник.

– Вот-вот... Наследники нужны... Ксюша в этом деле поможет.

– Давно бы так! Дело большое держите, родней оброс-

ли, а своей семьи нет. Похвальная задумка... Отец Никодим благословит.

– Ладно, Алексей Митрофанович! Ты не учиняй мне здесь советы... Мне неловко будет перед Ксюшей за твою тарбарщину. Лучше ешь сытней да молчи мудрей. Проку больше будет...

– Я и так в амбаре – все один да один... Окромья собак на службе и поговорить не с кем... Все товары осматриваю да отсчитываю...

– По делу говори, а без дела – тут нишкни... В амбаре или на охоте сам с собой посудачь, – засмеялся Сотников.

Сидельников заерзал на стуле. Не такой он человек, чтобы молчать, тем более на досуге. Когда он увидел идущую с подносом будущую хозяйку, то ощутил, как какая-то неведомая сила подняла его со стула, выпрямила, а потом согнула в низком поклоне перед кухаркой. Ксюша от неожиданности остановилась и увидела лысеющее темя приказчика.

– Алексей Митрофанович, ты что рехнулся? – поставив поднос с кушаньями на стол, всплеснула она руками. – Перед хозяином шапку не ломаешь, а тут – поклон.

Киприян Михайлович захохотал, сложив руки на груди.

– Эка ты бестия, Сидельников! Даже учтивости приучен! Раньше за тобой такого не замечал... Холуйством от тебя веет. Вот сейчас я и думаю: казак ты или лакей? Или нос по ветру научился держать, как олень пугливый? Ой, бойся ты себя такого... Страшись таких деяний, – похлопал он приказчика по плечу. – Но коль кровь у тебя давно подпорчена, то поклонись Ксюше еще раз. Привыкай, душа холуйская... Но еще раз увижу – плетка походит по твоим бокам! Понял?

Сконфуженный Сидельников покрылся испариной, а на лице выступили капельки пота.

– Опять попал впросак! Прости, Киприян Михайлович! То со своим языком, то с учтивостью... А может, хозяйке это нравится? – заискивающе посмотрел он ей в глаза и снова сверкнул лысиной.

– Я пока еще не хозяйка, а кухарка, и поклоны твои, как сказал Киприян Михайлович, кроме мерзости к тебе, ничего не вызывают. Будешь служить исправно – без поклонов уважать и ценить будем. Всегда в доме привечать будем... Киприян Михайлович не любит бражников, бездельников и угольников, кроме святых. Запомни это, и больше не фордыбачь.

Сидельников испуганно смотрел на Ксюшу, а Сотников с любопытством наблюдал эту сцену и восхищался в душе рассуждениями своей будущей жены.

«Вот тебе и кухарка, – думал он. – Осадила бойкого приказчика, что тот язык от неожиданности проглотил! А как понятно и колко... Я бы так не смог. Эта никому не позволит перемывать косточки, почем зря, купцу Сотникову».

– Ты теперь понял, Алексей Митрофанович, что мы люди простые и барами никогда не будем ни по чину, ни по душе. Хоть и велика наша северная земля, а все мы кругимся друг около друга, как собаки у кормушки... Так что не

пристало одному казаку в баринах ходить, другому – поклоны бить. В поход призовут, под одной буркой спать будем... Потому казачье нутро на приказчиные не спешу менять... Этим можешь душу осквернить. А это большой грех!

Сидельников расстегнул ворот косоворотки. Было тяжело дышать от упреков Сотникова. Он горестно вздохнул:

– Вывернули вы меня с Ксюшей наизнанку... Просветили, как неразумного тунгуса... В таких делах бабе, вроде, не с руки тесто месить. Но она, смотрю я, месит его сноровисто, как заправская стряпуха. Отбрила так, что срам еще не скоро покинет меня... Сижу и думаю: то ли пить, то ли не пить мадеру... Стыд гложет... А может, меня подняла со стула, и правда, учтивость к женщине, как говорил ссыльный поручик Закревский. Когда он, бывало, опрокидывал в горло кварту водки, то становился на колени, протягивал вперед руку воображаемой даме и склонял перед ней голову. Он в запальчивости выкрикивал: «Я перед государем стоял навтыгжку, как перед Богом, а перед женщиной преклонял колени, потому что она выше Бога и царя... То-то же, брат мой, Сидельников!»... Может, и меня он приучил встречать даму, стоя... Правда, я до этого не пробовал, а тут опрофанился...

– Буде, буде, Алексей Митрофанович! Давай-ка выпьем за мою суженую. Ксюша, садись с нами... Хоть пригуби мадеры.

– Не бабье это дело с мужиками бражничать. Не привычная я к вину. У нас в роду нет пьющих. Бога почитают, постничают... Я чаю выпью с малиной. Он вкусней вашей иноземной мадеры.

Ксюша присела рядом с Киприяном Михайловичем. Чай пила маленькими глотками, вглядываясь в лицо хозяина. Тень от ее головы ложилась к нему то на плечо, то на грудь, то на руки, и ей казалось, что она сама лицом прижимается к своему хозяину. От этого восприятия ее лицо покрылось румянцем, а тот, выпив вина, почувствовал неловкость перед Сидельниковым. «Может, рано нарек я ее хозяйкой при приказчике. У того язык, как помело. Вся округа будет знать. Будут думать, что Сотников грех на душу взял без благословения церкви... Попробуй, докажи, что это не так».

А держать Ксюшу при людях за кухарку, не выдавая ни словом, ни видом своей любви к ней, он не может. Он не фарисей библейский, а казак... И не лицедей, чтобы комедию ломать. А греха-то у него по Ксюшиной линии нет, но совесть мучает. Не хочет он, чтобы люди скверно думали о них. Никто не хочет честь ронять.

– Ты, Алексей Митрофанович, закусьвай да долго не сиди, коль охота ждет... А ежели передумал, то я тебя не гоню – потчуйся, пока я добрый. А взбеленюсь, тогда уходи подобру-поздорову.

– Да ты меня не пужай... Ты другого норову... Добряга...

– Буде, не хвали... Всяк бываю, но наше дело от этого не болеет. Притерлись мы уже друг к другу.

Они чокнулись небольшими деревянными кружками.

– За тебя, Ксюша! А ты, Митрофаньч, – посмотрел Сотников на своего гостя, – не сердчай. Мне, тихому, вот такая и нужна хозяйка, с голосом да с характером, чтобы могла приструнить таких горластых, как ты.

– Я с виду нахрапистый, – ответил Сидельников, отправляя в рот кусок селедки, – на мужиков, а баб боюсь, как огня порох... Тут, на время, у меня все немеет... Особо язык.

– С твоим горлом только сотником быть да орать на полном скаку: «Шашки наголо!»... За версту слышать будет.

В трубе завыл ветер. Сыпанул по стеклам снежным песком.

– Неужто юго-восток пошел гулеванить? Пропала моя охота... Опять пасти занесет.

– Ладно, коль пурга, то и я на Опечек не поеду... Давай, еще бутылочку откроем. Мне последним рейсом пять ящиков к свадьбе привезли.

Сотников вышел из-за стола и вскоре вернулся с бутылкой вина.

– Вино заморское – не нашенское, – для пущей важности сказал он. – Пьется, как вода, без горчинки. Заметил, Митрофаньч?

Теперь он налил в большие стеклянные рюмки. Белое вино с желтоватым отливом искрилось при свете лампы.

– Ну, настоящий янтарь... Его, видно, надо пить только из стекла, а не из дерева. Цвет во вкус вводит. Его раньше пили только португальские короли... «Мальвазия» называется... А теперь и енисейские купцы пьют... Давай, Сидельников, и мы хоть чуток себя королями почувствуем. Ксюша, на попробуй... Хоть глоток... Благородные дамы его тоже пьют.

– Спасибо, но даже королевский напиток меня не манит. Простите меня, Киприян Михайлович, но хочу оставаться сама собой... Завистью я пока не страдаю да и в королевы не мечтаю. А то Алексей Митрофанович начнет снова поклоны бить.

Сидельников хмельно посмотрел на Ксюшу.

– У меня язык остер, как топор у енисейского сучкоруба, но у тебя, как бритва у справного брадобрея.

– То-то же... Смотри не порежься, – ответила ему с ехидцей Ксюша.

На улице начинало смеркаться. Разморенный вином Сидельников развалился на стуле и изредка икал. Киприян Михайлович ни себе, ни гостю уже не наливал. Он тяготился таким долгим застольем.

– Алексей Митрофаньч, пора тебе домой. Наверное, будет браниться твоя Катерина. Ты уж сошлись на метель... Скажи, распогодится – проверишь свои капканы... Мол, зима длинная...

– Уж ухвата мне не избежать... Или поленом отходит. У меня жена похлеще Ксюши... Да вы знаете ее! Тут уж надо язык прикусить – и спать. Спящего она не тронет – боится во сне напужать. А так она у меня добрая... По дому управляется за двоих. Я-то больше в амбаре да на зим-

нике... Она прыткая... Охотится лучше меня... А может, она удачливей...

Он поднялся со стула, разгладил сбившуюся за день бороду, взял подмышку счета, амбарную книгу и направился в теплые сенцы, где висела его волчья шуба и песцовая ушанка. Долго не мог попасть рукой в рукав.

– Вот тебе и мадера, – приговаривал он. – Короли, говорите, пьют... Обманное вино... Для утробы незаметное, а в голове туман начинается... Будто на Енисее перед заморозками, – приговаривал он, надевая шубу.

– Ты амбарную книгу оставь... Неровен час – потеряешь... Пурга ведь.

Сидельников вдруг на миг отрезвел и строго посмотрел на Сотникова:

– Никогда в жизни... Даже богу бы не доверил. Здесь весь амбар на бумаге. Тут десятки тысяч рублей! – потряс он книгой и прижал к себе. – Здесь жизнь моя и честь. Помните, что Алексей Сидельников – не мот и не вор...

Он сунул книгу за пазуху, потом застегнул на все пуговицы шубу и вышел из сеней в пуржистую темень ночи.

Киприян Михайлович закрыл дверь на засов, погасил в сенях керосинку и возвратился в горницу. Стол был свободен от закусок, стулья стояли вокруг него, как будто тут и не было недавней трапезы.

Ксюша поглядывала на часы. Они отбили шесть часов вечера. С минуты на минуту должна появиться Мария Николаевна. Она долила самовар, маленькой кочережкой пошевелила в поддувале угли и услышала нарастающий шум закипающей воды.

– Ты что, чайку захотела, Ксюша? Я дак все... После мадеры пить не хочется.

– Жду Марию Николаевну. Обещала прийти.

Она взглянула в незамерзший краешек окна в сторону темного пятна церкви. Размытые контуры храма будто ходили ходуном, то появляясь, то исчезая в вихре снега.

– Поземка сильная, видать, к пурге, – заключила она, накидывая на плечи цветастый платок.

Ей казалось, что уличная метель залетела на кухню, окутала ее тело слоем мягкого холода.

– Ты что, озябла? – спросил Киприян Михайлович. – А где Аким? Может, печи погасли?

– Нет, печи топят... Вон даже окошко начинает оттаивать. Это я мысленно озябла, взглянув в окно.

– Может, Мария Николаевна метели испугалась? – предположил хозяин. – Хотя она не из пугливых. Ссылных не боится, с тунгусами дружит. Умом всех завораживает... Ей бы жить в другом месте. Где она, там все вокруг оживает. Есть у нее в душе невидимый огонь... Даже в глазах вспыхивают искорки...

– Вы, Киприян Михайлович, даже глаза разглядели... А я думала, что вы девушек не замечали...

– Замечал... Мой взгляд сам двигался за такими, как будто оленя выслеживал на охоте. Только выстрелов не делал. В тебя первую выстрелил, а ранеными оказались оба...

Кто-то легонько постучал в окошко.

– По стуку слышу, что Маша пришла, – обрадовалась Ксюша, накидывая на себя безрукавку. – Я сейчас открою.

И она исчезла в темных сенях. Послышался скрип дверной задвижки, шум ветра и легкий топот ног. Киприян Михайлович поднялся навстречу гостье.

– Добрый вечер, Мария Николаевна! Проходите, а то уж заждались мы вас.

Маша стряхнула снег с шапки, щеточкой сняла с воротника и повесила куртку на крючок.

– А где же ваша галантность, Киприян Михайлович! Кавалер должен встречать даму согласно этикету. Эх, купцы вы, купцы! Вам бы чуть-чуть светских манер, и из казачков можно сразу в дворяне... Не вся еще у вас кровь порченая...

Киприян Михайлович стоял, переминаясь с ноги на ногу, из-за своей неловкости. Он только успел у нее взять шапку и положить на полку. Ксюша была рядом и выслушивала строгие замечания гувернантки. Нервничала, пытаясь вставить слово:

– Мария Николаевна, мы росли без гувернанток. Правилам хорошего тона нас не наставляли. Тятя с мамой учили домашним делам, – заступилась за Сотникова Ксюша. – Что его, что меня, хотя родители были разные. У нас, у казаков, своя выучка...

– Да я вас не виню... Я шучу, но даму встречать нужно хозяину. Так что запомните, Киприян Михайлович.

– Запомню... Но я застенчивый, особенно при таких дамах, как вы. Уж простите меня за мою купеческую неуклюжесть, – перевел в шутку разговор Киприян Михайлович.

Ксюша принесла из кухни свежесваренный чай, вазочку с вареньем и судок пряников. Молча пили чай, готовились к разговору о важном. Хозяйка стеснялась начинать первыми. Мария Николаевна уловила их замешательство и начала говорить.

– Я хочу вас поздравить с помолвкой. Хотя и поздно, но поздравляю.. А вот венчание – дело божественное. Отец Никодим измаялся весь в ожидании... Готовится... Весь ритуал дома репетирует. Церковь внутри уже вся блестит. Хочет венчание сделать академичным по всем церковным канонам. Чтобы вы на всю жизнь запомнили его.

Киприян Михайлович со смешинкой в глазах слушал рассказ Марии Николаевны. «Надо его в баню позвать, – подумал он. – Пусть и свои грехи смоем, да заодно и пожертвую сотню-другую на церковь». Ксюша сбоку смотрела на своего суженого, боясь вымолвить лишнее слово. Сидели, как нашкодившие дети отца Никодима, перед своим строгим воспитателем. А гостья продолжала:

– Да что вы так сникли? Чего испугались? Радоваться надо... Каждый человек когда-нибудь к этому приходит. Вас интимная сторона, наверное, смущает? Лично не знаю, но читала... Со временем, пишут, все смущения и стеснения проходят... Ну, а женская стыдливость остается. Это врожденное. Муж и жена сливаются друг с другом и становятся как бы единым организмом, с общими привычками и даже внешней похожестью.

Ксюша нашла первую.

– Мария Николаевна, как ни говорите, а стыд все-таки пробивает... Я вот перед вами, подружкой, сейчас робею. Чувствую, лицо огнем горит. А в других случаях подобно-го со мной не бывает. Я по натуре не из робких. А вот Киприян Михайлович... В прошлом году здоровенную волчицу уложил на Пясино – не испугался. Один на нее наткнулся... А женитьба для него, верно, страшнее волчицы.

Киприян Михайлович указательным пальцем пригладил усы и сказал:

– Дело это непривычное для меня... Многих женил за свою жизнь, даже Мотюмяку Хвостова. За всех волновался, чтобы семьи держались. А вот свой удел выбрал и скопился невидимыми путями, как кандалник в Туруханском... Ну скажу, Мария Николаевна, для венчания у нас все есть. Все припасли в навигацию. Даже венчальное платье спили... А кольца, свечи, ленты – все в сундуке. Кроме тройки лошадей да цыган...

– А души готовы?

– Готовы! Они уже год, как томятся ожиданием соития, – ответил Киприян Михайлович.

– А насчет троек – нет нужды! Собацьи упряжки – не хуже. Даже романтики больше. Представьте себе, полярная ночь, повисли в небе яркие звезды, то здесь, то там вспыхивает полярное сияние. А на земле горят огромные свечи, высветив дорогу двум, мчащимся навстречу друг другу упряжкам. Еще миг – и два любящих сердца соединятся в одно... И только луна и звезды будут вечно хранить родившуюся любовь.

Ксюша так увлеклась нарисованной Марией Николаевной картиной, что чуть прикрыла глаза и ощутила наяву ее буйную фантазию. Вот она в белом подвенечном платье, с развевающимся воздушным шарфом на шее, на четверке белых собак мчится по длинной снежной дороге, обставленной с двух сторон большими стеариновыми свечами. Горят свечи, скрипит снег, слышится тяжелое дыхание уставших собак. А где-то далеко, меж свечных огней она видит в полутьме бегущую ей навстречу упряжку серых собак Киприяна Михайловича, сидящего на нартах в черном фраке с белой манишкой. Каюр взмахивает бичом, кричит: «Тоба, тоба, серый!» и ведет упряжку прямо к ее белой четверке.

– Очаровали вы меня своим рассказом, Мария Николаевна! Как будто книгу прочитали нам с Киприяном Михайловичем... Сейчас прошел перед глазами весь ваш сказ: я видела себя невестой, а его, – повернула она голову на хозяина, – женихом.

Киприян Михайлович засмеялся.

– Хорошо хоть другого не видела... А венчание не показалось?

– Нет! Глаза открыла для того, чтобы проверить явь это или наваждение... До венчания не дошло.

– Венчание будет в субботу наяву, Аксинья Федоровна, – поправил Киприян Михайлович. – Да такое, что останется в памяти не только у нас, но и у всех дудинцев. Сотни-

ков женится один раз... Все село приглашу на свадьбу...
Осталась одна неделька.

Отец Никодим, блистая ризой, наперсным крестом и красноречием, вышел из алтаря через царские врата, держа в руках крест и Евангелие. Он окинул взглядом стоящих в притворе храма молодых, положил на аналой крест и святую книгу.

А в церкви тесно, прохладно, почти как на улице. Тепло от тел прихожан уходит вверх под купол. Отец Никодим, в теплой поддевке под рясой, прохладу не чувствует. Ему жарко от волнения. Старается он, чтобы обряд прошел без сучка и задоринки. Худо-бедно, а по большим праздникам купец Сотников жертвует церкви то деньгами, то новой рясой, то подсвечниками, то колоколами на звонницу.

У левого клироса почтовик Герасимов, как всегда, в форменном кителе, с женой Агрипиной да двумя детьми-погодками Мишей и Машей. Дети стоят впереди всех и непонимающе смотрят на огромного отца Никодима, размахивающего, как шаловливый ребенок, длинным кадиллом.

За ними – двое сродных племянников купцов Сотниковых, работающих у дядей по найму то на рыбалке, то на охоте. Почти впритык к ним ссыльные поляки: Сигизмунд и Збигнев. На их умных лицах даже в свете свечей видна печать задумчивости и сосредоточенности. Может, думают о своей родной вере или о родных местах, где-то далеко оставшихся за тысячеверстными снегами да лесами, а может, о своих невестах, оставшихся в поместьях под Краковом. Они хоть и католики, но в церковь ходят охотно, зная, что Бог один для всех. Отец Никодим любит беседовать с умными, начитанными и воспитанными людьми и не считает это крамолой. Их дворянская кровь дает о себе знать даже в этих захолустных местах. За участие в восстании Тадеуша Костюшко Сигизмунд и Збигнев уже побывали в иркутском остроге, потом – в енисейском, и вот теперь на вечном поселении в Дудинском. Рядом с ссыльными – Мария Николаевна, поглядывающая в притвор церкви, на молодую пару.

За ссыльными виднеются румяные лица казаков из питейного дома. Глаза у них горят интересом. Сами молодые да бравые и купеческое венчание видят впервые. Стоят, папахи в руках мнут, да иногда крестятся. На невесту поглядывают с жадностью.

– Хороша Даша, да не наша, – шепнул Спиридон своему напарнику Никите.

Отец Никодим услышал шепот, посмотрел на служивых и поднял правую бровь, мол, замолчите. Казаки смиренно отвели от невесты глаза.

Из-за спин казаков выглядывал Мотюмяку Хвостов с женой Варварой и двумя сыновьями. Он пытался глазами встретиться то с Сотниковым, то с отцом Никодимом, поддержать и подбодрить своих друзей в свершении божественного действия. За Хвостовым стояли бородатые охотники и рыбаки из Опечек.

У правого клироса – матушка Марфа Лукинична, ее дети: Алеша и Аня. За ними – туруханская родня Сотниковых:

тетка Домна Петровна, дядя Андрей Никитич, друг детства Николай Перепрыгин с женой Маланьей, приехавшие на оленях по зимнику. Далее семьи скорняков, кузнецов, плотников и башмачников. А ближе к молодым – приказчики: Иван Михайлов, Кирилл Зырянов, Тит Теткин да Алексей Сидельников. Все четверо в одинаковых темных поддевках, простоволосы, с коротко подстриженными бородами. Стоят, поглядывают на хозяйина, готовые по первому движению его брови кинуться сию минуту на подмогу, если она ему понадобится.

А Киприяну Михайловичу сейчас ничего не надо. И он, и Ксюша пребывают в каком-то непонятном таинстве среди сотен горящих свечей, ликов золоченых святых икон и легкого свечного дыма, заходящего в притвор. Они отсюда пока не видят ни лиц людей, ни отца Никодима. Они мыслями где-то далеко на небесах, и сам Бог совершает этот святой обряд.

Наконец, из дыма выплывает священник с двумя зажженными свечами в руках. Их огоньки колеблются от сквозняка, гнутся почти к стеариновым стержням, потом снова выпрямляются и горят ровным пламенем. Молодые смотрят на игру двух лепестков пламени, и каждый молча сравнивает свою судьбу с этими мечущимися на сквозняке огоньками. Поток пытается сорвать со свечей пламя, шатает его со стороны в сторону, будто хочет погасить этот хрупкий свет рождающейся любви.

Отец Никодим торжественным голосом благословляет брачующихся и вручает им свечи. Он вводит молодую пару внутрь храма. Теперь уже прихожане прильнули глазами к Киприяну Михайловичу и Ксюше.

Отец Никодим, помахивая кадиллом, начинает Великую ектенью: «Благослови Бог наш...»

Молодые почти не слышат его слова. Их взгляды остановились на иконе святой Матери-Богородицы. Они пытаются встретиться глаза в глаза с очаровавшей их иконой. Но неподвижен лик Богородицы, не хочет она взглянуть в души Ксюши и Киприяна Михайловича. И только слова «Обручается раб Божий Киприян рабе Божьей Ксении...» выводят их из оцепенения. Священник, держа в руках золотое кольцо, творит над головой жениха крестное знамение и надевает его на безымянный палец правой руки. Киприян Михайлович чувствует, как стынет его палец, будто схваченный морозом, от холода золотого ободка. Ксюша видит побледневшее лицо своего жениха, хочет губами улыбнуться ему, но неведомая сила сковывает их, и она успеваешь только мягким взглядом поддержать Киприяна Михайловича. А отец Никодим весь в ритуальной прострации! Он берет с подноса серебряное кольцо, трижды осеняет крестным знаменем невесту и громовым басом, долетающим до самого купола, говорит:

– Обручается раба Божия Ксения рабу Божию Киприяну... – и надевает ей кольцо на четвертый палец правой руки.

Тускло поблескивают кольца. С непривычки они стягивают пальцы. Хочется крутануть их, разглядеть сморщившуюся под ними кожу, потерять затекшее место. Отец Никодим доволен, что дело подходит к концу. Он теперь

озорно размахивает кадилом впереди себя, очищая путь молодым к супружеской жизни и выводит их на середину храма. Еще несколько напутствий дает им священник, а церковный хор выводит: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!»

Отец Никодим перед аналоем, подтянув к локтям широченные рукава рясы, берет венец, трижды крестит им Киприяна Михайловича и дает поцеловать образ Спасителя, прикрепленный к передней части венца. И снова зву-

чит голос священника:

– Венчается раб Божий Киприан...

Теперь уже Ксюша трижды прикладывается к образу Пресвятой Богородицы. И венец украшает ее голову.

Отец Никодим берет чашу с вином и осторожно, чтобы не расплескать, подносит ее молодым. Жених и невеста трижды испивают вино, осененное крестным знаменем.

Общая чаша – общая судьба!

Ирина ДУБОВИЦКАЯ

Родилась и выросла в Дудинке. По специальности – бухгалтер. Работает в администрации города. Ее первые рассказы печатались в коллективных сборниках крымского издательства. В альманахе «Полярное сияние» публикуется с 2001 года.

ВЕРНИКА

Рассказ

Вероника быстро шла через виноградник и пыталась справиться с рыданиями, которые бились в горле. Только бы не заплакать! Тропинка свернула от виноградного изобилия в овраг, заросший полынью и чабрецом. Широко открытые глаза еще справлялись со слезами, но Вероника споткнулась. С трудом сохранила равновесие. Не упала. На секунду оставшись без контроля, слезы полились по напряженному лицу, болезненный спазм скрутил горло и вытолкнул рыдание.

О, Боже, да в конце концов, поплакать она хоть может??? Прикинув, что до шоссе еще далеко, никто не увидит ее перекошенного от обиды и слез лица, она перестала себя сдерживать и разрыдалась в голос.

Да, да, все как всегда, утром на одну работу, сейчас, вечером, на другую, а в короткие сорок пять минут между ними... Нет, не отдых. Дикие выбрыки пьяного мужа. Похоже, он взял на себя обязательство опуститься до нечеловеческого облика еще в этой пятилетке... И перевыполняет обязательства на пятьсот процентов. Собственно, уже перевыполнил...

Вероника во всем винила себя. Наверняка именно в ней была причина. Корень зла. Иначе как за неполных пять лет можно стать алкоголиком?... Правда, отец у него пил. Но это еще ни о чем не говорит, она ведь пыталась помочь ему. Настоящему, тому, кто ее любил... Ника горько усмехнулась, вспомнив: "здоровый образ жизни". Как же. Она стала врагом номер один. Иначе откуда эта его ненависть, причем не спонтанная, а какая-то до ужаса спокойная, рассудочная? Но сегодня – предел. Край. Грудь еще ломило от ударов. Щеки горели от унижения. Так больше продолжаться не может. А если вина именно в ней, ее не будет рядом. Она вырвется из этого заколдованного круга. Рано или поздно.

Очередной спазм сжал горло, Вероника безнадежно вскинула голову и, глядя на бесстыдно сияющее лазурное небо, с вызывающе белоснежными облаками, остановилась... Это небо, облака, эта зелень с дурманящим запахом, даже кузнечики, то и дело перелетающие, как птицы, через тропинку – все вокруг как будто смеялось. Над ней. Она была здесь не к месту со своим лицом, опухшим от

слез, со своим маленьким личным горем. Глядя прямо в зенит, куда-то сквозь эту синеву, почти чувствуя обращенное на нее Нечто, она прорыдала:

– Ну, посмотри на меня! Я здесь. Сделай же что-нибудь... – и, через паузу, стыдясь своего порыва, уже почти беззвучно: – Пожалуйста...

Кому она бросала вызов? Небу, судьбе? Кого просила так наивно? Бога?

Осознав всю нелепость происходящего, Ника отерла мокрые щеки, шире раскрыла глаза, чтобы сдержать не пролитые еще слезы, и быстро пошла дальше, постепенно успокаиваясь. В конце концов, она торопится на работу, а не гуляет по холмам от нечего делать.

Тир. Не правда ли, сразу вспоминаются при этом слове игрушки-призы, жестяные зайцы и птицы, самолеты-мишени. Мальчишки, толпящиеся перед стойкой. Их руки, с трепетом прижимающиеся к оружию. Но это дневная картинка. Вечером – взрослые игры...

Вероника подошла как раз вовремя. Дневную выручку забрали, бетонный пол чисто, с водой, выметен. Осталось немного. Заменить фитили на установке, которая потом загорится десятками живых огней. Поправить все механические мишени, приготовить бумажные, а главное – оружие. Это Вероника не доверяла никому. Внимательно осматривая винтовки, пистолеты, проверила стальные цепочки, которыми все крепилось к внутренней части стойки. Все в порядке. Можно работать. Включила магнитофон и распахнула двери тира. Welcome!

К полуночи тир всегда наполнялся клиентами. Весь секрет в дислокации – конец набережной, рядом с приморскими открытыми кафе, ресторанами. Небольшой тир почти не виден из-под раскидистого старого клена днем, только босые вездесущие пацаны забегали с пляжа, держа в потных кулачках счастливые монетки. Ночью же он освещался иллюминацией, вкрадчивыми тарантинскими переходами завораживала музыка... Ну как пройти празднующимся отдыхающим мимо, когда так мало развлечений, а в ресторане уже погуляли? Если девушка уш-

ла с другим – расстреляем пару жестяных кроликов и самоутвердимся. Если девчонки с нами – тем лучше. За символическую плату с пистолетом в руке выглядишь очень серьезно... А попал «в молоко», что ж, всегда можно заявить со знающим видом, что оружие не пристреляно и работают в тире дилетанты. Короче, беспронгрышная для клиента ситуация. И за такие деньги... Позвольте, в автобусе дорожке берут...

Но курочка по зернышку... На эти «зерна» владелец тира уже выучил в московском вузе сына, построил дом, устроил свою жизнь так, что когда ему предложили пополнить ряды южнобережных ротарианцев, он нисколько не удивился. К тому времени он уже стал владельцем нескольких фирм. А в центре финансовой пирамиды, на почетном месте ветерана – маленький невзрачный тир на набережной, который в курортный сезон всегда оказывался в нужное время на нужном месте для того, чтобы принять в обмен на мелкие иллюзии мелкие денежные знаки. Все сходится в хозяйстве.

Выдалась тяжелая ночь. К стойке прибывало все новые и новые волны клиентов. Ника еле успевала их рассчитывать, менять мишени, зажигать огоньки, погашенные метким выстрелом. Вообще-то ночью было довольно опасно работать. И даже не потому, что она оставалась периодически совсем одна. Как раз наоборот. Именно в такие моменты как сейчас, когда тир бурлил от клиентов, и этот народ был уже не вполне трезвым, именно тогда Ника чувствовала, что хотя и просила поднять стволы заряженных винтовок вверх, какой-нибудь кретин вполне мог в азарте выстрелить, пока она была у мишеней. Такое уже было, и рикошетом попало по руке. Багровый болезненный синяк слишком долго ее «украшал».

Много позже, когда основной поток клиентов схлынул, усталая Ника наконец-то поняла, что «весь вечер на арене» была не одна. Еще один человек провел в тире почти всю ночь. Стрелял, выходил ненадолго, опять заходил. И наблюдал за ней.

Она незаметно просмотрела квитанции и, дождавшись, когда он отвернется к мишеням, отложила в тайник стола неучтенную часть выручки для хозяина. Это были те самые «зерна», не засвеченные для налоговой, которые позволяли ее шефу постепенно наполнять «закрома». «Налоговый инспектор» поймал ее взгляд и подошел ближе. Похоже, это не местный, всех «своих» налоговиков она знала в лицо. Одет по-летнему, но дорого, и выглядел вполне на уровне... Значит симферопольский, или хуже – столичный, из Киева. Если хозяин его не унянчит, в случае большого скандала, крайней оставят именно Вику, кого же еще? Похоже, она может остаться без приработка. И черт с ними, она и так все лето как каторжная, две работы, за-

была уже что такое нормально выспаться. А сегодня, после слез на пустыре, вообще работала как автомат... Хотя нет, в тире это слово для нее имело совсем другое значение. Ну, значит, как робот. В душе заевшей пластинкой проигрывались безнадежные варианты развода, отъезда... куда-нибудь...

Она ошибалась. К налоговой он не имел никакого отношения. Москвич. Привез отдохнуть к морю трех сыновей. Вот, кстати, их лица Ника запомнила. Высокие, как и отец, парни. Старший ее возраста, один – студент-первокурсник, младший – старшекласник. Веселой компанией они часто заходили в тир и на спор поражали огненные мишени. Симпатичные, загорелые, добродушные и, что особенно тронуло Вику, обожавшие отца. Болезненной струной отозвалось сердце. Вспомнила мужа, свои слезы. Как ей хотелось такого взаимопонимания в семье. Как не хватало обыкновенной банальной доброй улыбки утром.

Игорь давно (с точки зрения отпускника) обратил внимание на Веронику. Впервые зайдя в тир вечером несколько дней назад, увидел над стойкой золотистую копну рыжеватых выющихся волос, собранных в хвост. В электрическом свете простенького светильника каждый волосок переливался, казался драгоценной нитью. Да это же настоящее «венецианское золото»! В этот цвет богатые венецианки средневековья окрашивали свои волосы, а для придания им блеска и светлого оттенка долго сидели на балконах, разглядывая плывущих по каналам гондольеров, демонстрируя жемчуга на нежных шеях.

Он подошел к стойке ближе и довольно хмыкнул – эта шейка была не хуже и без жемчугов. Девушка оторвала взгляд от квитанций, и тут Игорь совсем пропал. Под золотистой челкой, окруженные длинными светлыми ресницами сияли улыбкой глаза. Цвета его любимого выдержанного коньяка, но с разноцветными крапинками. Его просто покорило то, что ресницы не были испорчены тушью. Такие золотые ресницы и должны осенять эти глаза. Янтарь в золотой оправе. Короткий прямой нос был украшен россыпью веснушек, мелких, точно нанесенных острием иглы. Да, ее они испортить не могли. Объективно она не была красавицей, но нежность лица без макияжа, с этим легким ровным загаром, просто заворожили Игоря.

Знал он, знал, старый лис, почему был покорен – естественность здоровой чистой молодости. Это и притянуло сразу, как к родниковой воде.

Трое сыновей были итогом его двух удачных браков. Именно так. Удачных. Это могло показаться невероятным, но он любил своих женщин и детей. При расставании отношения не переходили трагическую грань. Они оставались друзьями. Обе уже устроили свою личную жизнь, но всегда звонили Игорю, ценили его советы. Сыновья, конечно, предпочли бы жить с отцом, но и новые семьи матерей были вполне благополучны. Почему разводы? Бог его зна-

ет... Возможно, он был одиночкой по сути? Хотя нет... Лев по гороскопу, он и в жизни походил на льва, довольно возлежащего на возвышенности и благосклонно наблюдающего за своим сытым и жизнерадостным прайдом. Он любил своих детей. Уважал своих жен. Своих Бывших. Они были красивы, удачно сочетали карьеру, семью и были не обидчивы. Так сложилась жизнь. Игорь был их достойным Прошлым. Настоящим он был для сыновей. И теперь, неожиданно для себя, рядом с этой девочкой со светлыми ресницами, захотел стать Настоящим и, возможно, Будущим для нее. Интересно, какие на вкус ее губы?..

Сегодня ее глаза, он это заметил сразу, были невыразимо печальны. Что-то случилось у этого славного ребенка дома. Более грустных глаз он в жизни не видел. Весь вечер она двигалась и реагировала, как заведенная игрушка, дежурно улыбалась, занималась квитанциями, мишенями, винтовками, но голова ее занята совсем не работой, это очевидно. Кто обидел эту девочку? Сможет ли он помочь? Вероника отвернулась, переключая кнопки магнитофона, он увидел светло-рыжий завиток на высокой шейке и пожалел, что не умел рисовать.

Игорь все-таки заговорил с ней и, хотя не узнал причину печали, довольно скоро смог развеять тень в глазах. Он очень этого хотел, и у него получилось. Был у него такой дар. Сначала робко, потом уверенней она стала улыбаться его безобидным шуткам. А когда подошли сыновья и стали, перебивая друг друга, рассказывать отцу о своих курортных подружках, Вика совсем оттаяла, с удовольствием наблюдала за этой славной семейкой. Позже Игорь со старшими ненадолго отлучился, а младший сын, симпатичный длинноногий тинэйджер, наклонился к Веронике и с интонацией заговорщика удивил:

– Папа в вас влюблен, Вероника. Правда-правда...

Волна краски залила ее от челки до груди. На лице ярче проступили мелкие веснушки. Ника поспешила перевести все в шутку, но подросток настаивал на своем. Вероника выручили клиенты, опять наполнившие тир. Работа позволяла уйти от этого неловкого разговора.

После смены, пробегая по тропинке через овраг, Ника вспомнила свое отчаянное обращение, направленное в зенит, и всем существом почувствовала: *Игорь – возможно и есть ответ на ее крик*. С куста барбариса сорвалась в ночное небо летучая мышь, до озноба испугав Веронику, и она тут же забыла о своих возмутительных предположениях.

Прошла неделя, и ничего не изменилось к лучшему у Ники дома. Муж не работал. Где-то пропал целыми днями, а когда она возвращалась из тира, боялась потревожить его сон в пьяном бреду. Тихонько устраиваясь на стульях или на полу, радовалась, что разборки не будет, и ей удастся заснуть на пару-тройку часов.

В субботу в тир забежала ее подруга. Наталья – един-

ственная, кто поддерживал ее эти годы. Только с ней Ника оттаивала душой. Мир не казался сплошной мрачной страницей. Наталья давно уже собиралась в Москву, где гораздо дешевле, чем в их курортном городке, можно было закупить вещи к осенне-зимнему сезону. Она радостно поделилась с Никой новостями. Совсем недалеко от Москвы (всего-то три часа на электричке) жила мать их общей знакомой.

– Это же замечательно! Представляешь, доедем на электричке до Москвы, скушимся – и обратно. Матери Ленка уже позвонила, та рада нас принять: хоть продуктов деревенских потом ее донечке захватим. А какие у нее пироги... Эх, гори моя диета синим пламенем...

Вероника совсем не возражала. Что-то сломалось в ней, все тяжелее было выдерживать прежний ритм: утром бежать на одну работу, вечером в тир, домой – заполночь. С одной стороны, она была теперь даже рада реже бывать дома, но силы иссякали, слишком мало оставалось на сон, на восстановление. И она сдалась.

– Хорошо, я возьму отпуск на основной работе, а из тира просто уйду. Шеф вряд ли будет против. На мое место давно напрашивалась его дальняя родственница.

Договорившись о встрече назавтра, Наталья ушла. А Ника в предвкушении поездки, смены декораций, весь вечер работала с мечтательной улыбкой на лице.

Игорь сразу отметил перемены. Но, осторожно выяснив причину, возмутился. Как будто он имел какие-то права на Веронику! И все же сдержаться не мог. Долго он доказывал ей, что просто абсурдно каждое утро ехать три часа на электричке в Москву и три – позже, из столицы, ради нескольких тряпок. А когда Ника, смеясь, возражала, что не в тряпках дело, с новой силой убеждал, что таким способом – ни отдохнуть, ни город посмотреть.

– Ника, я живу в центре Москвы. Один. Я хочу убедить тебя взять ключи от моей квартиры. Тогда у вас все получится. Сделаете необходимые покупки, походите по Москве, отдохнете, наконец...

Ника подняла на него удивленные глаза.

– Но я вас совсем не знаю... Да и вы меня... В конце концов, может быть, я квартирная аферистка?

Более абсурдного довода она выдумать не могла. Ему что, двадцать лет? Уж в свои сорок девять он мог разобрататься в людях.

Целый вечер понадобился ему, чтобы убедить Нику хотя бы подумать над его предложением.

Когда Наталья узнала об этом, возмущению ее не было предела. Опять эти интеллигентские Вероничкины реверансы! Надо ухватиться за ключи двумя, нет, четырьмя руками и не мотаться по электричкам в те несколько дней, что они будут в столице.

Ника смотрела на загоревшуюся Наташку и не могла оборвать крылья ее фантазиям. «А, будь, что будет...» Хотя чувствовала она, не надо бы идти у них на поводу...

Как любила Вероника здание железнодорожного вокзала в Симферополе! Он казался ей воплощением самой идеи юга. Светло-песочного цвета, с часами на башне и открытыми «итальянскими» галереями, легкой высокой белой аркадой переходов. Он был вне времени. Вполне уместно смотрелись бы рядом дамы в шляпках, с детьми, няньками, боннами. Саквояжи, сундучки, шляпные коробки, похожие на белые хризантемы болонки и твякающие маленькие мопсы на цепочках... Она вернулась к реальности и с удовольствием остановила взгляд на группе студентов-туристов в рваных выгоревших джинсах. Дочерна загоревшие девчонки, только с намеком на одежду, весело распевали что-то под гитарный перебор. Ёлки, вот кто действительно отдыхал в это лето! Она глубже вдохнула теплый южный ветер свободы.

Гулкий высокий голос равнодушно объявил посадку на их поезд...

...Наталья обстоятельно устраивалась, оглядывала соседней по старенькому плацкартному вагону. Соседи ее не радовали – шумной толпой ввалились студенты, стали пристраивать свои огромные туристические рюкзаки, вагон наполнился смехом, звонкими голосами. А она так хотела уютно устроиться и поболтать с Вероничкой! Ната недовольно покосилась на веселый студенческий беспредел и подняла голову, чтобы окликнуть Нику с верхней полки напротив. Ба!... Да эта красавица СПАЛА!.. Кинула ее на этих шумных бродяг и нагло уснула! Натка вскочила и уже было хотела будить подругу, но на лице спящей Ники блуждала такая умиротворенная улыбка, так спокойно и счастливо было ее лицо, что она оторопела. Только у ее бездельницы-кошки, когда та пригрелась на солнечном балконе, также безмятежно выглядела мордочка. Да ладно, пусть отоспится. С ее мужем и двумя работами... Наталья взяла кроссворд и, периодически зажимая ладонями уши от песен и криков студенческой ватаги, попыталась хоть чем-то заняться в этом бедламе.

Поезд подъезжал к Москве, когда Вероника проснулась. Подруга скептически посмотрела на ее порозовевшее лицо с еще не вполне проснувшимися глазами и покачала головой:

– Всю дорогу диву давалась – как можно так сладко спать при этих криках?

– Криках? А что-то случилось? Я что-то пропустила?

Наталья ушам не могла поверить. Неужели ее подруга действительно не слышала этой какофонии? Она приняла уже пару таблеток от головной боли, вся разбита, раздражена, а эта розовая довольная свинка с пороссячьими белыми ресницами сладко проспала все?

– Эй, спящая красавица! Спускайся и достань, наконец, план, который рисовал твой престарелый Казанова!

– Наташ... Ну ты даешь... В сорок девять престаре-

лый? И вообще, человек доверил нам квартиру, а ты...

– Все думаю, что он в тебе нашел, ты ведь так запустила себя, что даже не красишься. Эти твои пороссячьи ресницы... Благо, что длинные, но разве так можно, ты позорись весь женский род, подруга! Ладно, давай план.

Они развернули тетрадную страничку, на которой Игорь подробно нарисовал, как дойти от метро до его дома. Ориентиром была маленькая церквушка, от которой надо было пройти совсем недалеко. Они очень надеялись, что не заблудятся. Еще немного, и стемнеет. Что тогда делать?

Выйдя на нужной станции метро, Вероника действительно сразу увидела хорошенькую нарядную маленькую церковь, на куполах которой ярко горели блики вечерней зари. Теперь направо или налево? Она начала паниковать. Большой город пугал ее. Свернув по подсказке плана, они вышли на улицу, где должен быть дом Игоря. Впереди остановилась машина, вышел солидный мужчина в строгом костюме и неторопливо направился в переулок. Наталья чуть с ног его не сбила:

– Вы не скажете, как нам найти дом 24Б?

Мужчина как-то странно на них покосился и поднял руку – на фасаде дома рядом с ними метровыми цифрами стояло: 24Б. У Вероники загорелись щеки. Ну да, провинциалки. Хуто-хуторянки... А самим поискать слабо. Впрочем, неловкость быстро прошла, главным было то, что они на месте.

У этого дома была достойная старость... Все было отремонтировано и свежеекрашено. Игорь предупреждал, что отъезд решился в два дня и в квартире все перевернуто. Но никакого хаоса не оказалось. Вполне пристойно. А высокие потолки просто поражали. Добрались!!!

Напившись чаю с домашними припасами, почистив и приняв ванну, усталые и разомлевшие подружки, посоветовавшись, решили проверить все окна. Все-таки второй этаж, деревья совсем рядом. Мало ли. Пройдя по квартире, они методично закрыли все форточки. Проверили все рамы. Ну, все, они в полной безопасности. Все закрыто. Достав чистый комплект белья, застелили широкую кровать и со стоном блаженства нырнули в эту прохладную, свежую белизну. Спать-спать-спать...

Наутро, когда, позавтракав, подружки собрались поехать на московские вещевые рынки, оказалось, что двери квартиры были *не заперты*. Наталья и Вероника посмотрели друг на друга... Получается, что вечером они как дурочки закрывали все форточки, проверяли оконные рамы, а дверь была не закрыта на замок... Они одновременно покачали головами... Разни, что скажешь, и это в двадцать два года?!...

Следующие несколько дней они ездили за покупками, бродили по центру, объехали на метро весь город, с независимым видом мерили в дорогих бутиках баснословной

цены шубы. А холодильник ломился от всяческой московской снеди: малюсенькие упаковочки паштетов с различными добавками, расфасованная нарезка мяскопченостей. И еще много-много всяких вкусных бесполезных глупостей, до которых никогда не доходили руки дома.

Накануне отъезда Вероника, смущаясь и краснея, призналась Наталье, что Игорь умолял дождаться его приезда.

– Ника... Это на тебя так не похоже... Ты ему ничего не должна!

– При чем здесь должна? Наташ, я себя буду всю жизнь корить, что судьба приоткрыла дверь на моей дороге, а я не заглянула, даже не узнала, мой ли это шанс... Если бы хоть что-то еще нас с мужем связывало, я не позволила бы себе даже подумать о подобном... Хотя... мне ужасно страшно, признаюсь...

– Ну, вряд ли он тебя на органы, как донора, разберет. Для этого ты уже старовата, Вероничка...

– Да ну, опять шуточки... Значит, ты не против вернуться одна?

– Дурочка, при чем я? Это твоя жизнь, твое решение. Буду за тебя держать пальцы крестом, пока не приедешь!

– Ага, представляю тебя со скрещенными пальцами, печатающей на машинке!

Они расхохотались, утопив в смехе беспокойство и волнение. Решение было неожиданным. И это пугало обеих.

Вероника медленно шла через тихий московский дворик. Прохладное осеннее утро встретило ее мягким солнечным светом, ворохом желтых листьев у скамейки, грибным влажным запахом земли и травы. В прозрачном воздухе летали паутинки запоздалого бабьего лета. Да полно, Москва ли это?

Ребенком она была в столице с родителями и до сих пор помнила грязные вокзалы и брзжащих высокомерных москвичей.

А сейчас она тихо шла по аллейке к маленькой уютной кондитерской, любовалась ярко-желтым узором кленовой листвы под ногами и заново открывала для себя этот город. Ее нынешняя Москва была спокойной и домашней. Это опять было неправдой, она как бы смотрела на грани, не видя кристалла в целом. Но именно это и было сейчас ей нужно. Этот тихий московский дворик, старый генеральский дом на два подъезда, эти высокие потолки в светлой квартире с золотыми кленами за окном и красивой церковкой рядом.

Ночью приехал Игорь. Игорь Сергеевич, как называла его Вероника. Она не находила себе места, ожидая звонка. Ждала, кусая губы, и все равно пронзительная трель заставила вздрогнуть. Она повернула ключ...

Игорь вошел, держа в руках огромный букет темных бархатных роз на высоких стеблях. Он видел, что Вероника была растеряна и испугана. Господи, *его боялись*... Ну

же, Игорь, с каких пор женщины приходят от тебя в ужас!?! Рановато сдаешься...

Вспоминая позже этот момент, Игорь заслуженно считал себя Дипломатом. Именно так, с большой буквы. Не обольстителем, а дипломатом. Боясь спугнуть Нику, он заговорил, словами выкладывая тропинку на минном поле ее сознания, понимая, что каждое слово могло быть последним. Все может закончиться, не начавшись. Как будто от этого зависела сама его жизнь.

Дмитрий Сергеевич стоял на балконе с братом и недоуменно пожимал плечами. Только что Игорь познакомил его с гостьей. Ну да, славная девочка, но не более. Превидные женщины брата были яркими личностями, настоящими бизнес-леди, уверенность и осанка цариц. Что нашел он в этой провинциальной тихой простушке, Бог ведает. Дмитрия Сергеевича почему-то все в ней раздражало. И особенно – этот ее спокойный взгляд. Похоже, она себя чувствовала здесь вполне уместно...

О своих чувствах Вероника затруднилась бы ответить. Эти дни прошли для нее как в полусне. Игорь Сергеевич уезжал утром на черной «Волге» по делам. Во второй половине дня он появлялся дома уже на своей новой «парадной» «Волге» последней модели, забирал Вику и вез обедать, а потом... Знакомил ее с Москвой. Городом его детства и юности. Чем опровергал сам себя. Ведь еще совсем недавно на юге он говорил Веронике, что Москва – жестокий мегаполис, не прощающий ошибок, жернов, подминающий под себя людей и судьбы.

Вечерняя Москва сияла неонам, жила, дышала, мерцала сетью огней на кронах деревьев. Правительственные здания и памятники архитектуры, фонтаны и водяные каскады, набережная Москвы-реки – все было искусно подсвечено. Агрессивно яркими красками бесцеремонно врывались в эту картину рекламные экраны, но, как ни странно, они не разрушали иллюзии Золотого Города, а дополняли, одни – своей отрезвляющей утилитарностью, другие – гламурным блеском.

Столица переливалась, как бриллиант, нет – как витрина ювелирного магазина с сотнями тысяч бриллиантов. После дождя широкие ленты проспектов, шоссе, переполненные автомашинами, казались реками огня. Количество именно здесь переходило в качество – гигантский десяти-миллионный муравейник был пронизан этим цветным огненным ритмом. Мощный пульс единого живого организма, созданного и одушевленного людьми, пульс Столицы, подчинял себе все и всех. Ритм этого города захватывал, все вне его казалось пресным.

Игорь поглядывал на Нику, замечая, как глаза ее распахнулись навстречу новым впечатлениям, как она вся подобралась, напряженная, подавшись гипнозу огней.

Именно поэтому, чтобы расслабить тугую струну, натянутую ночной феерией, по Арбату они гуляли, забыв о времени. Поддерживая хрупкую спину Ники, Игорь медленно пробирался среди толпы, картин художников, мимо поэтов, читающих свои и чужие строки, упоенных звучанием своего голоса, ритмикой слова, мягко направлял ее среди этого людского лабиринта.

Нагнувшись, тронув губами пушистые рыжеватые завитки, он шепнул:

– Оглянись, Верника!

Из-за высоты показался нереально большой нежно-лимонный диск луны с жемчужными тенями морей. Его размеры поражали в сравнении с теми несколькими этажами здания, из-за которых он выплывал. Эта огромная луна над Арбатом, яркая в черном небе, просто завораживала взгляд. Только через несколько минут до Ники дошло и другое:

– Как вы меня называли?

– Верника...

– Меня так дед называл, сто лет назад, кажется, в другой жизни...

Назавтра Игорь решил навестить отца. Вырвавшись из города, они долго ехали по трассе. У ног Вики лежал большой полосатый арбуз. Его выбрал Игорь, долго и со вкусом добродушно торгуясь, к удовольствию седого крымчака, соскучившегося по общению. Вообще она заметила, что Игорь мгновенно очаровывает людей, не прикладывая к этому никаких усилий.

Наконец, съехав с трассы у небольшого поселка, пробравшись по грунтовой разбитой дороге вдоль заросших палисадников, машина остановилась у старенького деревенского дома, дачи, где летом жил Отец со своей Подругой.

Их ждали. Калитку открыл высокий, как и Игорь, старик, следом вышла женщина в длинном летнем сафане. поприветствовав гостей, она пригласила в дом.

То, что Вика увидела, приятно удивило. Теплый цвет дерева стен, яркие половички и занавески, а главное, ветки рябины с красными гроздьями ягод стояли на подоконниках, висели на стенах. На низком старом сундуке дозревали груши, наполняя тонким ароматом прихожую и комнаты.

– Нравится? – в дверном проеме стояла хозяйка, черноглазая, с белой прядью седины в коротких помальчишечьих волосах. Сухое породистое лицо не скрывало любопытства – кого же привез отцов любимчик, вечный повеса Игорь?

– О да, у вас красиво.

– Знаю, – спокойно отозвалась та, – это я тут все переделала... У вас такое редкое, даже экзотическое, я бы сказала, имя – Верника...

Вероника ответила только улыбкой.

Вдвоем они быстро накрыли стол и пригласили мужчин.

Позже, когда последняя чашка была донита, хозяин предложил выйти на воздух. Марина Евгеньевна повела Игоря в пристройку, заполненную банками с вареньем, маринадами, увешанную грибной сушкой. А Вика прошла дальше...

Вечернее солнце хорошо освещало старый запущенный сад. Раскидистые яблони утопали в высокой, до пояса, некошеной траве. Жерди с развилками подпирали тяжелые ветви.

Что-то прошуршало у нее за спиной, она резко обернулась – ничего. Чуть погодя, справа... Приглядевшись, она поняла – это яблоки, спелые яблоки с тихим шелестом падают в высокую густую траву. Крупные, с алыми крапинками на светлых боках. Падают, катятся, шурша по траве, и звонко бьются о бока упавших раньше. Где-то высоко теплый ветер играл верхушками придорожных тополей, а здесь – только шорох и шелест травы и бело-розовые бока больших спелых яблок... Вероника подняла одно и поразилась невесомости при таких «немагазинных» размерах. На снежно-белом разломе сердцевины выступила мелкая роса сока. Вкус и запах подмосковной осени. Такой и запомнит она ее. Осень Верники. Ответ на крик. Лекарство от боли.

К ночи вернулись в Москву. На следующий день к обеду Ника, отказавшись от очередного «парадного» выезда, приготовила, как хотела давно, на первое – украинский борщ. Игорь, увидев, что она чистит свеклу, не удержался и заметил:

– Верника, я с детства не люблю бревен свеклы и моркови в тарелке...

– Я тоже, – кивнула та, продолжая чистить.

Она действительно готовила по-своему, не нарезаая, а натирая свеклу и морковь на крупиной терке, делая потрясающую поджарку. Да мало ли секретов у каждой женщины?

Когда стол был уже накрыт, а яркий наваристый борщ с зеленью и сметаной дразнил ароматом, Вика достала из холодильника маленький графинчик. Игорь был удивлен:

– Есть повод?

– Да, чуть позже скажу какой.

Она едва попробовала приготовленное. Просто убедилась – все вкусно. Игорь же ел, постанывая от наслаждения.

В какой-то момент Вика почти увидела, как в глазах его, как в игровом автомате, что-то защелкало, замелькало – удобно будет иметь такую подружку. Много не требует, готовит отлично, к тому же молода...

Игорь действительно думал о ней. Он пытался посмотреть на Нику глазами брата. Дмитрий не оставлял попыток привести его в чувство. Но золотисто-рыжая, тепло-розовая Вероника притягивала взгляд и его сердце, как

солнечный зайчик. Он буквально постелил ей под ноги лучшее, что имел, открыл свою душу. Однако впервые не был уверен в силе своего обаяния.

Лицо Вероники покрылось пятнистым румянцем от волнения.

– Налейте по чуть-чуть... Я хочу вам сказать... волнуясь... Я должна вам сказать... – она запнулась.

Игорь упивался моментом. Сейчас, сейчас она скажет, что жить без него не может... Вот его приз, его награда...

– Я завтра собираюсь взять билет и уехать домой.

– Что? Я ослышался?

– Спасибо за все, Игорь Сергеевич. Это было сказочно хорошо. Москва, прогулки, поездка на дачу, эти фонтаны на площадях вечерами... Но... Это – все.

Игорю застило глаза. Хватив, не почувствовав вкуса, водки, он решил:

– Тебе было плохо со мной в постели? Не заметил...

– Вы удивительный. Я уже завидую женщине, которой вы составите счастье.

– Верника... (Все его сорок девять лет тяжелым свинцовым пульсом, оглушая, колотились в висках.)

– Нет, я поняла именно здесь, что мне действительно необходимо. Я поняла это в саду, на даче. Точно открылось второе дыхание. Я просто должна побыть одна. Разобраться в своей жизни.

– Верника... (А как же его дар очаровывать? Это же абсурд! Его отшивает простушка с периферии!?!)

– Мне надо понять, что я сейчас, кто я, чего хочу? Простите...

Через день Ника стояла в купе симферопольского состава и смотрела сквозь стекло на Игоря.

– Я позвоню! Я напишу! Я приеду! – кричал он, провожая отъезжающий поезд.

Геннадий МЕДВЕДЕВ

В этом номере альманаха «Полярное сияние» напечатаны его стихи. Предлагаем читателям познакомиться с прозой этого автора.

ЛЮБКА

Рассказ

В середине июля, когда в тундре бушующее пламя цветов, наверное, видно с других планет, я ухожу к Енисею, подальше от городского шума.

На этот раз я облюбовал живописное место в часе ходьбы от города, у поросшего лиственницами холма. К его подножию склонились, вперемежку с кустами красной смородины, заросли ольхи. Забытый за зиму аромат свежей зелени нежно плыл по песчаной косе. На прибрежной гальке тихо всплескивали волны от проходивших мотогорок и катеров. Точно сонная улитка, почуявшая тепло, медленно выползала моя душа, оттаивая и раскрываясь навстречу покою и тишине. Редкие комары, казалось, завязли в жарком воздухе, как в патоке. Я задремал.

Неожиданно неподалеку, за раскидистым кустом ольховника, послышались негромкие голоса. Я выглянул из своего убежища и увидел, что рядом расположились две довольно симпатичные девушки, судя по всему, долганки. Они лежали на песке, рядом – небрежно брошенной пестрой кучкой – одежда.

– Чем ты сейчас занимаешься? – послышался голос одной из них.

– Да так, шатаюсь по городу с ребятами. На Енисей ходим, иногда выпиваем. Работы нет. После интерната год уже живу на пособие по безработице. Скучища – сил нет! Тетка ворчит. Надо где-то квартиру другую искать...

– А чего не едешь к родителям, в тундру? Там сейчас здорово!

– Что я дура, из города ехать, комаров кормить?! Мне и здесь неплохо. Деньги платят. Работу все равно найдут. Куда они денутся, мы же местные. А там, в поселке, скоро все окончательно развалится.

– А как же Вовка? Вы же дружили, вроде, в школе?

– Да ну его... Уцепился за свою Волочанку: рыбалку, охоту ему подавай. Не захотел здесь оставаться – не надо. Пусть сидит в своей дыре, без него обойдусь. И тут парней хватает...

Они еще о чем-то говорили, но я уже не слушал. Я вспомнил вдруг Любку...

Стояла весна. Мы готовились к выпускным экзаменам в школе и обычно засиживались в поселковом саду до заката. Расходились поодиночке, но все знали, что, если ис-

чезла Ленка Городничая, значит вот-вот засобирается Сережка Зыкин. И впрямь: он вдруг вспоминал, что обещал дома натаскать в бочку воды для полива, и уходил.

Однажды получилось так, что мы с Любкой уходили последними. Солнце погружалось в гору, рядом кипел белой пеной яблоневый сад. Вдали слышалось мычание коров – возвращалось деревенское стадо.

Я начал собирать тетради, когда услышал откуда-то сверху Любкин голос:

– Глянь, какая туча! Она как будто ползет вслед за солнцем! Дракон, настоящий дракон! Чудовище допотопное!

Любка забралась почти на верхушку цветущей, ветвистой яблони. Я подошел к стволу и снизу, впервые, увидел ее всю... Увидел розовые ступни с тонкими длинными пальцами, как на картинах Боттичелли, и ободочки мозолей на пятках, просвечивающие янтарной желтизной, и крепкие, начинающие округляться колени, и выширяющие из-под ситцевого платяшка груди, и...

– Слезай вниз, разобьешься, – прерывающимся почему-то голосом сказал я.

Она зажала платяще меж колен, смотрела, улыбаясь, на меня и молчала. Тогда, с бешено колотящимся сердцем, я, сбивая сучки, полез вверх.левой рукой она держалась за тонкий ствол, а правой прикрывала глаза от низкого, слепящего вечернего солнца.

– Любка, – потерянно произнес я и снял лепесток с ее русых, с завитками у висков, волос.

– Ой, у тебя кровь на ключице, давай вылечу, – прошептала она.

Я видел, как влажно блеснули ее зубы, как кончиком розового языка она послунывила палец. Прикосновение меня обожгло. Неожиданно ветка под ногой хрустнула, подломилась, и я, невольно обняв ее свободной рукой за талию, вдруг почувствовал ее всю. Я целовал плечи, родинку ниже уха, завитки волос, трепещущие крылья носа, губы... Наша яблоня тихо приподнялась над звенящим садом и плавно поплыла по вечернему небу. И сыпались, сыпались на траву, на плечи розовые лепестки, и лунная река затопила уменьшающуюся Землю, и от нестерпимого ее блеска я не мог открыть глаз.

– Что ты делаешь, ну что ты делаешь? – вздрагиваю-

щим голосом шептала Любка.

– Ничего... Ничего... – задыхаясь, бормотал я.

А наутро, придя в школу, я увидел, что губы у нее были словно намазаны черникой. Целовалась она впервые в жизни...

Сейчас Любка где-то далеко, за тридевять земель. Возможно, вспоминает иногда обо мне...

Обо мне, которого она ждала пять лет. О человеке, предавшем ее, яблоневый сад, и обмелевшую речку Уй, и деревню, где уже редко мычат коровы и не горланят петухи. Где не слышно детских голосов и пустеют, пустеют дома. А я, оставив за порогом родного дома юность, родителей, променял все на романтику дальних странствий, жажду увидеть новые края. Променил на таинственный Север, городскую жизнь. Жизнь сложную, по-своему счастливую, но чуждую и непонятную там, в деревне.

Оставил отца, мать, о которых думал, что они будут жить вечно. Но ошибся. И после декабрьской пурги на кладбище, после суматохи поминок, забившись в дальний угол заваленного снегом двора, скулил, как щенок, вымаливая чуда...

Любка вышла замуж за нескладного, но доброго и работающего парня и уехала в город.

А меня что-то тянет, тянет каждую весну, как перелетную птицу, туда – Домой, в родные места. И приезжаю, и страдаю от запустения, и с каждым годом все горше и беспрощетнее чувство. И когда наступает пора возвращения

из отпуска, преследует мысль: а куда ты спешешь, бежишь от чего? От родного дома и могил предков? От звенящих, любимых лесов у журчащей реки? А что, если мелеют реки, пустеют дома, редуют леса и не слышно в деревне детского смеха и по твоей вине тоже? Кто в ответе за все? Время, обстоятельства?

И что я мог бы сказать этим девчонкам на берегу Енисея?... Не все ошибки можно исправить. Сколько таких «перекати-поле» мечется по необъятной земле? Стойбище и поселок опустеют, а тундра будет бушевать весенним гомоном без вас. И город, даже маленький, может навсегда остаться чужим. Оттого, что вырваны неокрепшие корни ваши, перенесены на другую землю. Не укрепились они на новом месте, не разрослись золотыми побегами и тянутся, тянутся туда, где родились. Но нет на прежнем месте уже той земли, изменилась, а лучшие годы прожиты. И приезжая, всегда будешь чувствовать себя гостем. А однажды, на земле предков своих, со стороны, нечаянно, услышишь в свой адрес обидное слово «дачник». И вольется в душу тоска...

Мог бы сказать, но нет у меня сегодня права на такие слова. Да и зачем? Каждый должен сам пройти свой путь. И не одна на свете правда: своя у каждого...

Вечерело. Жара спала, и в кустах назойливо зазвенели голодные комары. Девчонки ушли. С севера, под стать настроению, потянулись тяжелые, мрачные тучи. Пора было возвращаться домой и мне.

Николай ОДИНЦОВ

Родился в 1923 году в Ивановской области. В 40-е годы был репрессирован. В Дудинку прибыл, как политзаключенный в 1946 году. Закончил Ленинградский лесотехнический институт. В настоящее время работает директором Дудинского лесозавода. Писать свои воспоминания начал в 1994 году. Публиковался в газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние». Автор книг «Святые берега» (1999), «На таймырских перекрестках» (2002). Лауреат литературной премии имени О.Аксеновой в 1996 году. Живет в Дудинке.

КРУГ БЕЗЫСХОДНОСТИ

Зима в последнем году уходящего тысячелетия выдалась на Таймыре суровой. Морозы начались с осени, а в декабре достигли нетерпимой лютости. В редкие дни ртутный столбик поднимался выше 40 градусов. Случалось, целыми неделями, особенно в ночную пору, опускался за 50 градусов, а то и ниже. Тяжело в такую погоду людям. Холод обжигает лицо, перехватывает дыхание, а вокруг только стужа да непроглядная темень. Еще терпимо, когда нет ветра. А если задует с севера или востока пусть небольшой ветерок, то жизни не рад, очутись ненароком в пути или даже небольшом переходе. Трудно непривычному человеку работать в таких условиях на открытых местах. Но жизнь не прекращается ни в какое время.

На причалах дудинского порта работы ведутся непрерывно. По-иному нельзя: надо постоянно отгружать товары в Норильск. Заводы, где выплавляют металлы, работают без всяких перерывов: такова технология. Потому никаких срывов в обеспечении нужными материалами металлургических производств не допускается. Приходится докерам приспособливаться. Во время работы в такие холода рабочие следят друг за другом, при малейшем обморожении оттирают прихваченные места. Через каждые полчаса идут в теплые курилки для обогрева. Больше всех хлопот и неприятностей в такое время выпадает на долю начальников грузовых подразделений и участков. Им приходится всегда находиться на местах погрузки: не приведи бог, кто-нибудь обморозится, да еще серьезно. Весь спрос будет с них. Вот и торчат они на погрузочных площадках возле рабочих, свои же служебные да бумажные дела решают по вечерам, иногда допоздна.

Однажды начальник лесобиржи надолго задержался в своем рабочем кабинете после окончания рабочего дня. Впрочем, никакого дня (светлого времени) в третьей декаде декабря на Таймыре не бывает. Так, проклонется в середине смены короткий серый рассвет, с растворившей-

ся снежной пылью, в могильном холоде, и тут же все затянется беспросветной темнотой. Контора давно опустела. Служащие разошлись по домам.

Управившись с делами, начальник участка тоже собрался уходить. Но в это время услышал, как кто-то прошел по коридору в соседнюю с его кабинетом бытовую комнату. «Кто бы это мог быть?» – подумал он и, немного помешкав, пошел узнать. В открытую дверь он увидел: склонившись к водопроводному крану, стоял человек и пил воду. Подошел поближе. Но рассмотреть лицо человека не смог. Оно было закрыто башлыком.

– Ты зачем здесь? – спросил начальник.

Незнакомец выпрямился, чуть повернувшись.

– Попить зашел. Можно? – спросил незнакомец.

– Пей сколько хочешь, – сказал начальник.

Когда тот снова наклонился к крану, начальник обратил внимание на небольшой рюкзак, закрепленный на спине. Так обычно делали рыбаки, возвращаясь с рыбалки. Подумал: «Неужели в такую погоду этот смельчак отважился сходить на Енисей проверить рыболовные сети?» От этих мыслей мороз прошел по коже. Он хорошо знал, что ловилась рыба далеко от причалов. Поблизости рыбалка не удавалась: рыбы не было, ее отпугивали шум пароходных винтов да треск ломаемых ледоколами льдин.

Своих он знал всех. А этого, тем более с закрытым лицом, опознать не мог. Когда незнакомец утолил жажду и повернулся, начальник спросил его:

– Неужели ты ходил сети проверять в такую пору? Ведь замерзнуть недолго.

Незнакомец отстегнул пуговицу на башлыке и отвел от лица отворот. Стало заметно, что у него приморожен кончик носа.

– Да нет. Не рыбачил я. А иду от Потапово. Там мы с напарником, Иваном звать, в местечке Никифорово вдвоем живем. Он остался, а я вот пошел проведать свой дом

да брата навестить, – сказал незнакомец.

– Так ты что, пешком прошел больше 90 километров? – спросил начальник.

Он бывал в Потапово и знал, где оно находится.

– Не пешком, а на лыжах, – ответил незнакомец и кивнул головой в сторону.

Начальник увидел, что к стене были приставлены короткие, приспособленные для хождения по снегу лыжи. Услыхав от незнакомца о его «безумном марафоне» (иное определение трудно подобрать) начальник был просто обескуражен. «Возможно ли такое? – подумал он. – Пройти от Потапово, а тем более Никифорово, которое где-то еще в стороне (про него начальник вообще не слышал), до Дудинки в такой мороз?» И он решил более подробно расспросить пришельца.

– Как тебя зовут? Расскажи про свое хождение да житье-бытье в вашем Никифорове, – попросил начальник. – Да заодно и обогреешься.

– Зовут меня Андрей, а по фамилии Григорьев. Иду я сейчас в Норильск на «пятнашку» (так в простонародье прозвали исправительно-трудовую колонию № 15 в Норильске). Там мой брат в заключении. День рождения у него, несю подарок – несколько рыбок – плохо там их кормят, – сказал Андрей и замолк.

Начальник много видел самоотверженных поступков, но такого... Пройти по лютому морозу в сплошной темноте такую даль, как-то не укладывалось в голове.

– Руки, ноги ты не обморозил? – первое, что мелькнуло в голове начальника.

– Да вроде бы нет, устал только, – ответил Андрей.

– Снимай быстро унты, – сказал начальник и тут же подумал: «Придется вызывать «скорую помощь». Не верилось, что можно пройти столько верст по такому холоду и отделаться только обмороженным носом. Андрей разулся. К великому удивлению обоих ноги оказались целы. Только во время раздевания начальник увидел на мизинце левой руки большой волдырь. От навалившейся усталости Андрей заметно обмяк.

– Ну, куда ты сейчас пойдешь? – сочувственно спросил начальник.

– Мне бы до Кайеркана добраться, там мое постоянное место жительства, гостинка есть, – ответил Андрей.

– Ты хоть что-нибудь ел сегодня? – поинтересовался начальник.

– Утром уху похлебал, – сказал Андрей и проглотил слюну.

Видно было, что он очень проголодался. После небольшого раздумья начальник предложил:

– Вот что, Андрей! Ты сегодня никуда не ходи. Замерзнешь по дороге. Сейчас раздевайся и до утра пережди здесь, в нашей конторе. А утром будешь добираться до Кайеркана. Мешочек с рыбой положи между рамами. При

таком морозе она не растает.

Сказавши это, ушел к себе в кабинет и, позвав дежурного мастера, попросил:

– Слушай, дорогой. Сбегай в магазин, тут он недалеко, знаешь где, купи булку хлеба да какую-нибудь банку консервов. Человек совсем голодный и обмороженный. Надо покормить. Бери вот деньги и беги. Молодой. Быстро обернешься. А я пока за тебя поруковожу.

Когда Андрею принесли снедь, от удивления его глаза заблестели и он произнес:

– Хлебушко, как давно я не ел хлебушка.

История Андрея до глубины души заинтересовала начальника, и он решил прийти на следующий день пораньше, чтобы до прихода рабочих и служащих расспросить его в спокойной обстановке. Рано утром, когда в конторе еще никого не было, начальник сразу же зашел в комнату, где ночевал Андрей. Тот уже сидел на стуле и доседал остатки ужина.

– Как поспал? – спросил Андрея.

– Спасибо, хорошо выспался, – ответил тот.

– Заходи ко мне, как поешь, – сказал начальник.

Когда Андрей на негнущихся ногах (пройти почти сто километров на лыжах по такому «звериному морозу» – это не фунт изюма съесть) еле зашел, первое что подумал и тут же спросил начальника:

– Как же ты пойдешь, ведь еле ноги передвигаешь?

– Ничего, мне только немного поразмяться, и все будет в норме, – ответил Андрей.

«Далеко тебе до нормы», – подумал начальник и обратился к Андрею:

– Расскажи хоть вкратце, как вы туда попали, как живете и почему решил отправиться в такой путь, ведь на это может толкнуть только безысходность? – И, чтобы как-то вызвать Андрея на откровенность, добавил: – Зовут меня Алексей Николаевич! Можешь разговаривать со мной попростому.

Горькая история жизни Андрея была не длинной.

– Живем мы, – начал повествование Андрей, – в местечке Никифорово, в десяти километрах от Потапово, вдвоем с Иваном скоро уж два года. Как только он освободился из заключения из «пятнашки», пришел ко мне – некуда ему было податься. В «общагу» не пускают. На работу нигде не берут. Мы с ним много лет были знакомы. В коммуналке на Кайеркане раньше работали.

– А за что его на «пятнашку» загнали? – спросил Алексей Николаевич.

Насмотрелся он в подобных «пятнашках» на разного рода «посидельцев». И спросил об Иване ради любопытства.

– По пьяной лавочке, – ответил Андрей. – В забегаловке к нему трое «ухморей» пристали, ну он и двинул одному по морде. Всю скулу разворотил, да еще голову повредил.

Силища у Ивана непомерная. Тот пролежал три месяца в больнице, а Ивану два с половиной года вкатили. А как пошла пора ему выходить на свободу, моего брата засадила жена на целый пятерик. И сидит мой Никола уже третий год. Иван как ко мне пришел, обо всем рассказал по порядку. Я тоже к этому времени оказался безработным. Сократили. И работы нет нигде. Много нас таких. Посоветовались мы с ним и решили податься куда-нибудь в тундру, чтобы обосноваться где-то возле озера или самого Енисея. Заняться рыбалкой или охотой. Время было теплое. Приобрели пилы, топоры, еще кое-какие инструменты и, не раздумывая, двинулись. Доехали до Дудинки, а оттуда подались на Потапово. Недалеко от поселка нашли заброшенную заимку, а потом из плавника срубили избушку, а рядом баньку. И хоть неважно, но жить стало можно. Рыба ловилась хорошо. Сдавали ее в потаповский магазин за хлеб, соль, спички и прочее. Через полгода я съездил в Кайеркан, договорился со скупщиками, и дело совсем наладилось. Они нам продукты, кое-какие товары. Мы им рыбу. Скучная жизнь. Но зато никто не тревожил, да и голода не чувствовали. Только вот последний раз нас здорово обманули. Месяца четыре назад приехали знакомые (много раз у нас бывали) перекупщики, забрали все, что было, а нам ничего не дали. Сказали, что через три дня рассчитаются. Да так до сих пор ни слуху, ни духу. А у нас ни хлеба, ни спичек. Я терпел, терпел, мочи не стало. А тут еще вспомнил, что брату Николе день рождения подоспел и решил пойти. Уговаривал Ивана. Отказался он. Буду, говорит, тебя дожидаться, только возвращайся скорее. Вот и весь сказ мой, — закончил Андрей.

Наступила тишина. Нарушил ее Алексей Николаевич:

— Ну, а дальше что будешь делать?

— Побуду денек в Кайеркане, а там пойду к брату на «пятнашку». Гостинчик передам, плохо там.

Алексей Николаевич был хорошо знаком с подобными «пятнашками» и потому переспрашивать об этом не стал. Поинтересовался только:

— Ну, а как твоя гостинка в Кайеркане? Ведь из-за долгого отсутствия и неуплаты могут заселить?

— Не должны отобрать. Там живет в ней племянник, сын моего брата. От матери ушел. Пьет она беспробудно. И брату жизнь сломала. Из-за нее, стервы, попал он в тюрьму, — ответил Андрей.

Спрашивать дальше было не о чем. И этого было достаточно, чтобы понять: Андрей — один из тех миллионов горемык, которых выбросила из жизни волна «демократического» разгула. «Тяжелая жизнь, — подумал Алексей Николаевич, — но есть люди, которым еще хуже. Знал он об этом очень хорошо: на городской свалке, недалеко от Дудинки, нашла свой «приют» целая группа «бомжей». Распределили свалку на участки каждому и никаких новых

пришельцев не принимают. Стоят и дерутся за свою — собственность — намертво. Порой возникают скандалы и промеж них, обычно при дележе отбросов. Но быстро стихают: свой же. Настроили лачуг от ветра и, пока летняя пора, обитают там. Когда же наступают холода, перебираются в город, в коллекторы или на чердаки домов. Недолго тянется такая жизнь. Многие умирают. И хоронят их как бездомных бродяг, разоряя и без того небогатый городской бюджет (хотя Дудинка и Норильск являются наиболее благополучными городами нашей разорившейся республики). А сколько таких бедолаг по всей нашей стране: беспризорников, бездомных стариков, потерявших собственные квартиры за неуплату или по другим причинам. И никому до них нет никакого дела, тем более заботы. Алексей Николаевич, испытавший в давние годы много неприятностей и похлебавший немало лагерной баланды, хорошо понимал представителей этой категории. Сам бывал таким. Выбрался. В те времена бродяг и тундядцев «отлавливали» (хлопотное это дело) и предоставляли им хоть какую-то работу, ну а кто уж совсем не хотел работать, заставляли и принудительно. Как рассудить? Хорошо это или плохо? Только с голоду и на морозе не умирали. Сейчас прежнюю постановку дел «демократическая» пресса считает грубейшим нарушением прав человека: «Пусть каждый живет, как хочет (и те, что роются в помойках или побираются), это их законное право. И не мешайте им». Впрочем, что бы кто ни написал о реальной жизни, она все равно будет страшнее.

Глядя в лицо умолкшего Андрея, Алексей Николаевич думал: «Не вырваться тебе из этого круга безысходности, потому что помогать никто не будет. Никаким властям ты не нужен. Пока есть силенки, днями будете с Иваном рыбачить, а ночи коротать в своей избушке при свечах или лучине, а уж как смерть придет — и хоронить-то некому будет. Звери сожрут».

После некоторого молчания Андрей робко попросил:

— Алексей Николаевич, может, у вас найдется местечко, чтобы лыжи положить. До Кайеркана все равно придется идти пешком. Тащить же их на себе тяжело, да и нет надобности. А на обратном пути я их заберу.

— Ладно, — сказал Алексей Николаевич, — лыжи твои мы сохраним. Отдашь их кладовщице, она скоро придет. А когда вернешься, возьмешь их в любое время. Только дойдешь ли ты до Кайеркана? Ведь это 70 километров. Ты сейчас здесь-то по полу еле ноги передвигаешь. Может, тебе на автобусе доехать? Деньги на билет у тебя найдутся?

— Нет у меня ни копейки, пойду пешком, — сказал Андрей.

«И чего зря спрашивал, ведь и так видно, что у Андрея гроша ломаного нет», — укорил себя Алексей Николаевич.

– Ну, вот что! Не пропадать же тебе, – сказал Алексей Николаевич и, достав из кармана сторублевую купюру, протянул Андрею со словами: – До автобусной остановки тебя довезут на КРАЗе (я сейчас скажу, ребята наши тебя подбросят), а оттуда на автобусе доберешься до Кайеркана. На билет этих денег хватит, а дальше – уж как судьба к тебе обернется. Ступай себе с Богом, – закончил Алексей Николаевич.

Ему до невозможности стало жалко этого совсем еще не старого бедолагу. Так уж создан человек: чужая боль сильнее ранит душу. Андрей взял деньги и, немного оправившись от неожиданности, тихо произнес:

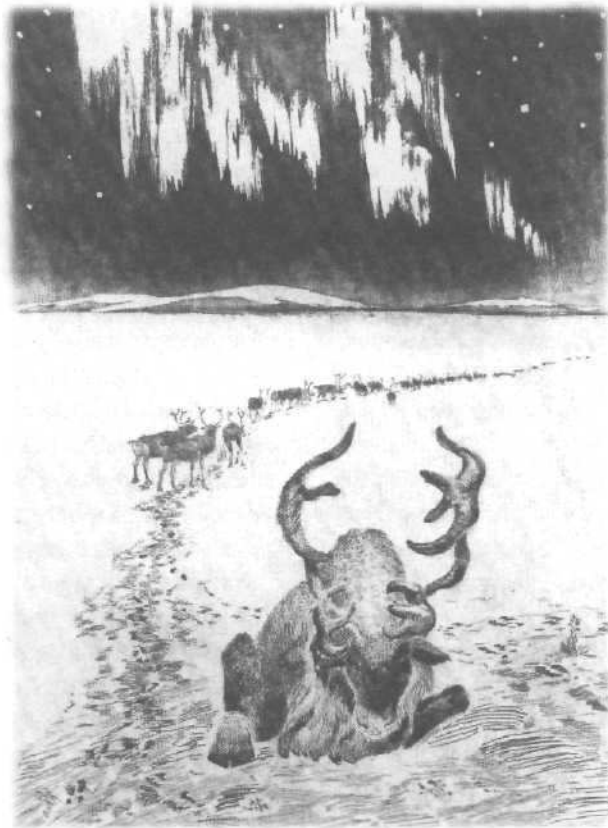
– Я отдам долг, как вернусь. А если что, то возьми лыжи.

Алексей Николаевич усмехнулся. Он сорок лет, а может и больше, никаким видом спорта не занимался. Сказал Андрею:

– Не надо! Не возвращай долг. И лыжи, как вернешься, забирай без всякого выкупа.

В конторских кабинетах на втором этаже и в бытовке внизу становилось все шумнее. Работники приходили на работу. Андрей вышел в коридор. К нему подошел звеньевой грузчиков и подал сверток с едой. Еще с вечера рабочие узнали про Андрея, голодного и обмороженного, про его почти стокилометровый переход по безлюдной тундре и утром принесли один хлеба, другой кусок мяса, еще что-то (лесники – народ душевный). Андрей не находил слов для благодарности и только прослезился. Через полчаса на грузовике его увезли к автобусной остановке.

Прошло больше четырех месяцев, но Андрей так и не появился. Стоят его лыжи. Широкие, короткие, изготовленные для хождения по снегу, ждут хозяина. Вернется ли только? Как сложилась у него жизнь, добрался ли он до брата, что отбывает срок на «пятнашке»? Жив ли в затерянной избушке его приятель Иван, оставшийся в одиночестве без всякого пропитания? Можно только мысленно догадываться да пожалеть...

Константин САЛЬНИКОВ

Родился в Москве. В одиннадцать лет впервые попал на Диксон, где и живет до сих пор. Работает инженером на телефонной станции. Увлекается видеосъемкой и музыкой. Его стихи публиковались в газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние – 2002». Предлагаем читателям прозу этого автора.

ТАЙНА СТАРОГО ЧЕРДАКА

Историческая повесть

Маленький провинциальный городок, каких много по всей России, но этот какой-то особенный, чем-то неуловимо отличающийся от других, от тысяч и тысяч его собратьев. Может, тем, что он ощущает дыхание близкого Севера, и это накладывает на него особую печать суровости и строгости, а может, и тем, что стоит на берегу реки, воды которой устремлены, как дела и мысли горожан, к холодному океану. Городок всегда славился хорошими мореходами, многие дома, если бы умели говорить, могли бы похвастаться, что в них жили такие-то и такие-то знаменитости.

Старый потрескавшийся кирпичный дом, уже на пол-окна вросший в землю, тоже мог бы многое рассказать. Он мог бы рассказать и о тайне, вот уже много десятилетий хранящейся в недрах его чердака. Там, в самом темном углу, среди сломанных стульев и ящиков, под грудой старых газет и журналов лежит потрепанный парусиновый портфель. Вездесущие мыши уже давно прогрызли в нем дыры и даже попробовали на вкус лежащий в нем кожаный переплет толстой тетради. Но, видимо, из-за старости и жесткости он не пришелся им по вкусу, и это сохранило тетрадь от уничтожения. Если бы мыши умели читать, как много интересного они могли бы узнать из этой тетради, но, увы, тайна старого чердака будет, видимо, еще долго недоступна людям.

...Тяжелые серые тучи медленно плыли над крышами Петрограда. Если верить календарю, то весна в полном разгаре – еще день, и март уступит апрелю. Но из-за сугробов снега, дворников, старательно посыпающих расчищенные дорожки песком, из-за скованной льдом Фонтанки не очень-то верилось, что уже весна 1915 года.

Весна – это всегда радость, это чувство обновления, праздника. Но почему сейчас так мутно на душе? Может быть, потому, что идет первый год войны в Европе, и Россия в ней увязает все больше и больше. Как ни упирайся, а фронтальная жизнь неизбежна. Все эти мысли вертелись в голове человека, быстро идущего по набережной, в длинной шубе, уместной скорее в Архангельске, чем в

столице. Повернув у Обуховского моста направо, он дошел до высокого, из темно-серого камня здания. То, что это не частный дом с квартирами, внимательный пешеход мог бы догадаться по одинаковым – казенным – портьерам на окнах. Человек уверенно поднялся по крутым ступеням крыльца, спрятанного в глубоком выступе стены. За спиной хлопнула тяжелая дубовая дверь, и по коридорам, завешанным различными картами, разнеслось гулкое эхо. В кабинете начальника Гидрографического управления его уже ждали.

За широким столом сидел сам начальник управления генерал-лейтенант Жданко, напротив, в одном из кресел, его заместитель, начальник геодезической части Максимов.

– Здравствуйте, Павел Григорьевич, – сказал, вставая, генерал и, пожимая руку вошедшему, продолжил. – Весьма рад, весьма рад нашей встрече, и ради бога, Павел Григорьевич, оставьте вы эту военную субординацию, не стойте, садитесь, голубчик...

– Геннадий Трофимович, – обратился Жданко к своему заместителю, – вы, как главный разработчик плана, объясните, пожалуйста, Павлу Григорьевичу, зачем мы его вызвали.

Подполковник Максимов встал, подошел к огромной, во всю стену, карте Российской империи и, глядя в глаза посетителю, сказал:

– Господин Кушаков...

При этих официальных, сухо сказанных словах, по лицу генерала пробежала тень досады: он знал, что его заместитель неприязненно относится к этому, как он выражался, «конскому костолому». Дело в том, что Кушаков, будучи уволенным за ложный донос со службы ветеринара конно-полицейской стражи несколько лет назад, все-таки сумел втереться в доверие нужным людям и получить рекомендации для участия в полярной экспедиции лейтенанта Седова. В том злополучном путешествии Седов погиб где-то во льдах Арктики, а его судно благополучно вернулось в Архангельск уже под руководством Кушакова (так распорядился Седов перед трагическим выходом к

Северному полюсу). Отчитавшись о пройденном маршруте и приписав заслуги Седова себе, Кушаков прослыл в высших кругах опытным полярником. Знали Жданко и Максимов и то, что Кушаков обвинил матросов, бывших с Седовым до конца, в убийстве лейтенанта. Но созданная комиссия, конечно же, не подтвердила бредовость этого заявления. Но, что делать, в военном министерстве Кушакова знают как удачливого руководителя, чья экспедиция, пока единственная из всех ранее посланных в высокие широты, благополучно вернулась назад...

– Господин Кушаков, вы знаете, что уже четыре года во льдах Северного Ледовитого океана на двух специально для этой цели построенных судах «Таймыр» и «Вайгач» продолжается российская гидрографическая экспедиция под началом капитана второго ранга Бориса Вилькицкого, – продолжал тем временем Максимов. – Вы также знаете, что сейчас на судах испытывают тяжелую зимовку у берегов Таймыра и, к нашему великому сожалению, там не обошлось без жертв. Существует реальная угроза второй зимовки и даже гибели судов. Идет война. Если мы не в состоянии спасти «Таймыр» и «Вайгач», то мы просто обязаны спасти хотя бы их экипажи. На это есть приказ Морского министра. Из него следует, что вы, господин Кушаков, отправляетесь из Красноярска пароходом по Енисею сюда, – подполковник указкой показал на западный берег Таймыра, – на остров Диксон, для устройства там зимовья на 54 человека. Вот приказ и план спасения людей. Ознакомьтесь.

Кушаков молча взял протянутую ему папку, тисненную золотым двуглавым орлом, так же, не проронив ни слова, прочитал длинный, на нескольких листах, приказ, медленно закрыл папку и положил ее на стол. Встал, оправил мундир коллежского асессора и, глядя на портрет императора за спиной Жданко, боясь, что в глазах прочтут его радость, сказал:

– Господин генерал-лейтенант, я рад, что в это трудное для Родины военное время, могу оказать ей хоть какую-то помощь. Готов отправиться в Красноярск для подготовки к экспедиции немедленно!

– Ну что ж, Павел Григорьевич, – не вставая, произнес Жданко, – вам даны полномочия начальника строительства. Наверху надеются на ваш полярный опыт и верят в благополучный исход дела. В этом я тоже не сомневаюсь. Все дальнейшие распоряжения вам следует получить в Морском министерстве, там вас уже ждут. Желаю успеха и не смею больше задерживать.

– Вы ему верите, Виктор Илларионыч? – тихо спросил Максимов, когда за посетителем закрылась дверь.

Жданко встал, расстегивая верхнюю пуговицу кителя, подошел к окну и, глядя на спящий под окном народ – рядом был рынок, – сказал:

– Пройдоха, конечно. Не сомневаюсь, что он сам при-

ложил немало усилий, чтобы попасть в эту экспедицию: кому ж хочется на фронт. Но именно там, в Арктике, он действительно будет работать. Уж лучше свист пурги, чем немецких пуль. Ну да бог с ним, батенька, давайте лучше еще раз обсудим письмо к бывшему боцману экспедиции барона Толля, как там бишь его... кажется, Никифор Бегичев? Насколько сложно будет ему вывести берегом людей Вилькицкого?..

Три месяца спустя пароход «Туруханск», рискуя своими бортами, протиснулся в бухту острова Диксон. Низкий бас пароходного гудка выгнал из палаток людей, прибывших сюда неделей раньше по льду, с этого же парохода. Преодолев расстояние от Красноярска до Диксона за 12 дней, он потратил еще семь, чтобы пройти последние 15 километров.

Константин Александрович Мецайк, капитан «Туруханска», несмотря на ранний час, уже стоял на мостике.

– Вахтенный! – негромко позвал капитан, прекрасно зная, что вахтенный матрос стоит рядом, за спиной. – Пожалуйста, спуститесь в каюту начальника экспедиции и доложите о прибытии на место, и еще – скажите, что его люди уже бегут по льду к пароходу. Не ровен час – провалятся.

– Спасибо, голубчик, но будить уже никого не надо, – раздался веселый голос Кушакова. – Ваша Иерихонская труба и мертвого разбудит, дорогой Константин Александрович... Ну-с, господа, кажется, прибыли. Господин капитан, прикажите, пожалуйста, опустить трап и объявите общий сбор для распределения разгрузочных работ.

Через несколько часов тихая, спокойная гавань была заполнена звуками, которых еще не слышала эта земля. Конечно, здесь и раньше высаживались люди и чего-то строили, по крайней мере, об этом свидетельствует склад, построенный еще 15 лет назад бароном Толлем, да на противоположной стороне бухты – еще более древний, уже покосившийся сарай. Но что б все сразу... Такого еще не было: здесь и стук многочисленных топоров; скрип грузовых лебедок; грохот скатываемых на припайный лед бревен; громкие команды бригадиров; лай возбужденных всеобщей суматохой собак; и все это сдобривалось крепким русским словом.

Павел Григорьевич, несмотря на усталость, чувствовал себя в приподнятом настроении. Пользуясь тем, что сейчас ночь такая же светлая, как и день, он разбил людей на несколько бригад, в результате чего строительство велось круглосуточно. К нему поминутно обращались то с вопросом, с какой стороны будет вход в строящихся домах, то как далеко от них ставить баню, то где разместить собачек, разгрузить или нет запас продуктов, и с множеством других разных вопросов, всегда возникающих при создании чего-то нового.

Достав из внутреннего кармана часы на серебряной цепочке, Кушаков поразился тому, что он не спал уже почти сутки. Ступив на лед, он направился к «Туруханску» в свою каюту и, уже поднимаясь по трапу, услышал:

– Павел Григорьевич!.. Павел Григорьевич!.. Господин начальник!..

Поднявшись на палубу, Кушаков остановился, глядя на подбегающих к борту инженера Леске и его помощника.

– Павел Григорьевич, смотрите, что мы нашли!

– Господи, я устал, что у вас там? – раздраженно спросил Кушаков, беря в руки толстую тетрадь в мягком кожаном переплете. – Где вы это нашли?

– В сарае Толля, за мешками с углем, она была в ящике для инструментов, завернутая в холстину.

Открыв тетрадь, Кушаков прочитал: «Историческая тетрадь отзывов и пожеланий острову Диксон, начатая в августе 1912 года».

И ниже:

«Пароход «Лена» прибыл с Енисея 23 августа в 7 часов вечера. При осмотре амбара оказалось, что в нем находятся уголь, тачки, лопаты, ящики, порванные сакуи».

– Бог, ты мой, да ведь я узнаю этот почерк! – воскликнул подошедший Мецайк. – Ведь это рука Александра Суцихина, в детстве мы частенько играли на старом, обитом железом, маминим сундуке. А теперь он помощник капитана «Лены», я сам его вызвал на службу в Красноярск.

– Константин Александрович, вы как-то рассказывали, что встречались с Фритьофом Нансенем, – произнес Кушаков, переворачивая страницу, – а не знакома ли вам и эта рука?

Кушаков с улыбкой протянул тетрадь капитану.

– Но позвольте! Ведь это действительно Нансен, – удивленно протянул Мецайк. – Я, правда, мало понимаю, хотя и знаю норвежский, но с письменностью знаком слабо. Кажется, речь идет о том, что они высадились на остров 24 августа 1913 года; что-то про уголь; какой-то ящик спичек; про охоту на оленей, неудачную... Странно, что ни Суцихин, ни Нансен при встрече со мной даже не обмолвились об этой тетради, хотя знали, что я хожу сюда регулярно вот уже восемь лет.

– Дорогой Константин Александрович! Вот вам и карты в руки – сама судьба велит вам поставить свою подпись рядом с друзьями! – воскликнул Леске.

– Нет, нет, что вы, как-то не скромно. Вот если Павел Григорьевич – как начальник экспедиции – это будет более справедливо.

– Ну, что ж, господа, я не против, – самодовольно произнес Кушаков, – давайте пройдем в кают-компанию.

Через некоторое время в «Исторической тетради» по-

**Выделенное курсивом является цитатами из этой тетради (по описанию свидетелей).*

явилась написанная крупными буквами напыщенная надпись:

«21 июля, 1915 г.

Основатель поселка, начальник экспедиции для оказания помощи Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, коллежский асессор П. Кушаков».

Скоротечно арктическое лето. Казалось, вот только недавно из-под снега выглядывали первые рыжие пятна прошлогодней травы, и вот опять зеленый цвет тундры меняется на рыжий. Все чаще в воздухе появляются белые мухи.

Строительство самого северного в России форпоста практически закончилось. Да и что тут строить: два дома – жилой и радиостанция, баня, склад и питомник для собак. Трудности, правда, возникли с установкой 106-метровой радиомачты, но и с ней все закончилось благополучно. Уже 23 августа диксонская радиостанция передала несколько официальных радиogramм на Югорский Шар. Среди них и сообщение командира Вилькицкого о том, что еще 17 августа «Таймыр» и «Вайгач» благополучно достигли бухты Диксон.

Павел Григорьевич Кушаков сидел за столом, напротив окна, в маленькой тесной комнатке жилого дома. Он задумчиво смотрел на стоящие на рейде пароходы, их было как никогда много: «Таймыр», «Вайгач», «Эклипс», «Туруханск», приведенный им лихтер, а сегодня, 8 сентября, пришел с углем пароход «Кит».

Вчера, седьмого, получено предписание о закрытии спасательной базы на Диксоне, так как спасать теперь некого. Наблюдая за начавшейся перегрузкой угля, Кушаков с грустью думал о будущем. Он уже отдал распоряжение о разборке радиооборудования и погрузке на судно и думал о дальнейших событиях. Его взгляд упал на небрежно брошенную на стол ту самую – «Историческую» – тетрадь, и мысли невольно вернулись к событиям недавних дней.

... 3 августа на горизонте заметили верхушки мачт. Мецайк вывел свой «Туруханск» навстречу неизвестному судну. Им оказался барк «Эклипс», год назад нанятый российским правительством для поисков пропавшей экспедиции Русанова. Через несколько часов барк бросил якорь в гавани Диксон, а Кушаков пожимал руку его капитану Отто Свердрупу.

– Господин капитан, – обратился Кушаков к Свердрупу, – я рад, что вам понравилось место, где мы строим радиостанцию. Но вы сами видите, до запуска рации еще далеко, а мы совершенно ничего не знаем о судах Вилькицкого, в то время как вы регулярно поддерживаете с ними радиосвязь. Скажите, как у них дела?

Не отличавшийся разговорчивостью 63-летний норвежец, облокотившись на штабель досок у строящегося дома, сказал, набивая табаком трубку:

– Зима в этом году была более мягкая, чем, скажем, во времена Толля. И я не сомневаюсь, что не сегодня-завтра льды выпустят их. Думаю, что зря вы строите свою станцию как спасательную – не понадобится.

Опытный полярник, бывший капитан легендарного «Фрама», оказался прав. Суда Гидрографической экспедиции, освободившись от ледового плена, благополучно достигли острова Диксон. Строители и моряки приветствовали входящие на рейд гавани «Таймыр» и «Вайгач» криками «Ура!» и ружейными выстрелами. С «Туруханска», в честь моряков-героев, дали несколько паровых гудков. Кушаков распорядился вытопить баню, чем очень растрогал вновь прибывших. И они, не щадя ни себя, ни соседа, с наслаждением хлестались настоящими березовыми вениками. А вечером их ждал еще один сюрприз: торжественный обед из «настоящей», как они потом говорили, пищи. Свежие овощи, фрукты, говядина и домашняя птица, а не надоевшая за зиму медвежатина и консервы. Особенно по душе всем пришла простая яичница, ведь свежих яиц они не видели почти год...

После столь приятного ужина экипажи разошлись кто на отдых, кто на вахту, многие ушли просто побродить по острову с ружьем. И хотя солнце уже зашло за горизонт, ночи еще оставались такими же светлыми, как и день.

У стены жилого дома на завалинке, устроенной из нескольких бревен, сидели командиры и офицеры экспедиционных судов – Вилькицкий, Мецайк, Кушаков, Лавров, Старокадомский, Неупокоев, Евгенов и другие. На небольшом столике стоял коньяк, лежали мелко нарезанный сыр и аппетитно пахнущие дольки лимона.

– Господа! – торжественно произнес Борис Андреевич Вилькицкий. – Позвольте поздравить вас с завершением зимовки. Я несколько не сомневаюсь в благополучном исходе нашего предприятия. Небольшой отдых, почта, общение с новыми людьми и радушный прием, устроенный Павлом Григорьевичем, несомненно, благотворно повлияют на самочувствие и настроение вверенных нам людей, испытывавших за последние полгода не только ужасы ледовых сжатий, смерть товарищей, тяжесть пеших переходов, холод и голод, но и радость открытия новых земель.

Наши прадеды издревле, на деревянных кочках, смело заходили в высокие широты, – продолжал Вилькицкий. – Продираясь сквозь льды, они завоевывали себе славу, а Отечеству – земли. Наша экспедиция тоже внесла скромную лепту в дело освоения Арктики. Открытые нами острова, севернее мыса Челюскина, требуют закрепления приоритета России, что возможно только при появлении таких станций, как Малые Кармакулы на Новой Земле, Маре-Сале на Ямале и Югорский Шар на острове Вайгач. Очень жаль, что Морское министерство решило закрыть станцию на Диксоне. Но я не сомневаюсь, что по прибытии в Петербург, – простите, никак все не могу привык-

нуть к новому названию – Петроград, – нам удастся убедить министерство в необходимости устройства здесь научной станции. Тем более, остров расположен на пересечении речных и морских путей.

– Господа, господа! – воскликнул Леонид Михайлович Старокадомский, врач «Таймыра». – Давайте оставим в той тетради, что показывал нам уважаемый Павел Григорьевич, свои пожелания этому гостеприимному острову и его будущей полярной станции!..

«Таймыр» и «Вайгач» закончили перегрузку угля с парохода «Кит» и уже разводили пары, чтобы покинуть бухту. Их путь дальше на запад, в Архангельск, а Кушаков все так же сидел в задумчивости за столом. Перед ним лежала тетрадь. Помимо уже известных записей, там появились и новые за подписью Вилькицкого, Старокадомского, молодых лейтенантов Лаврова, Неупокоева, Евгенова. Бросалась в глаза странная запись туруханского пристава Кибирова о том, что на острове в политическом смысле все спокойно. Кушаков смотрел на тетрадь и еще не знал, что через год вновь выведет на странице своими крупными буквами:

«Начальник Гидрометеорологической радиостанции коллежский асессор П. Кушаков».

Борис Вилькицкий сдержал свое слово – по ходатайству Главной геофизической обсерватории и Полярной комиссии Академии наук с 19 августа 1916 года на острове Диксон открылась научная станция. На первую зимовку, вместе с начальником, остались рижанин Александр Яковлев – заведующий рацией и старший механик; из Петрограда Алексей Голубков – радиотелеграфист, почтово-телеграфный чиновник 3-го разряда; Шунько – тоже радиотелеграфист, военный моряк, уже бывавший на Диксоне с экспедицией Вилькицкого; Франц Цельм – военный моряк-моторист; Степан Лемберов – плотник и каюр из Тобольской губернии, участник американской экспедиции Болдуина на Землю Франца-Иосифа. Следующий зимовщик – Иван Пищухин – был знаком Кушакову по экспедиции Седова, как и там на него возлагались обязанности повара; и, наконец, Петр Володин – разнорабочий, еще в прошлом году, при строительстве, изъявивший желание здесь остаться. Именно благодаря ему появилась в тетради запись туруханского пристава Кибирова, так как Володин – политический ссыльный из Иркутска.

Жизнь зимовщиков определялась строгим распорядком, введенным Кушаковым: подъем в шесть утра, завтрак. С восьми до полудня наружные работы: заготовка снега для воды, подвозка плавника, пила дров, очистка домов и метеоплощадки от снега. В двенадцать часов обед. После обеда внутренние работы. В семь часов вечера ужин. Затем гимнастические игры, охота, катание на собаках.

По инициативе Степана Лемберова полярники в свободное время занимались промыслом песка. Для этого достаточно было подремонтировать старинные кулемы и пасты, которые во множестве находили на материке и на самом острове. Район промысла доходил до построенной летом избушки у мыса Исаченко, в 15 километрах от острова. Возвращаясь оттуда, диксонцы в метель не раз сбивались с дороги, попадая в губу, севернее реки Лемберова (реку они стали называть так с тех пор, когда у ее устья, рядом с развалинами старинного зимовья, Лемберов построил вторую промысловую избушку). Приходилось объезжать эту губу, делая лишние 10 верст. За это залив, а потом и река получили нелестное название Чертовой.

Мало-помалу быт налажился, велись регулярные метеонаблюдения, но политические волнения семнадцатого года захватили и их маленький островок.

Февральскую революцию и последующие события они перенесли по-разному. Консервативный Кушаков резко осуждал происходящее в России и не скрывал своих взглядов от подчиненных. Володина же, как политссыльного, эти события наоборот радовали. Все чаще и жарче были стычки между этими полярными, в буквальном и переносном смысле, лидерами станции. К сожалению, разброд в умах принес хаос и в уклад жизни полярников: техническое состояние радио- и метеостанции становилось все хуже и хуже.

Летом 1917 года зимовщикам прибыла смена: радиотелеграфист Павел Лакашин и фельдшер Николай Глазов. Поваром зачислили Марину Николаевну Колесникову. Она стала первой женщиной-полярницей Диксона. Кушаков с облегчением покинул Диксон, уехав в Архангельск, а оттуда в эмиграцию в Лондон. Судьба Володина неизвестна, скорее всего, он с головой окунулся в революционную деятельность.

Шло время, революция перешла в гражданскую войну. Старая власть, не желая уступать, призвала на помощь иностранцев. Захватив Архангельск в 1918 году, белое правительство предложило Вилькицкому восстановить радиостанцию на острове Диксон для того, чтобы в дальнейшем использовать ее для радиосвязи с правительством Колчака в Сибири.

Со смешанным чувством Вилькицкий наблюдал с мостика, как его суда входят в знакомую гавань. С одной стороны он рад, что вновь занимается своей любимой работой, но огорчает то, что делает он это для иностранцев, рвущих его Родину на куски.

В «Исторической тетради» вновь появляется запись, сделанная рукой Бориса Вилькицкого, но на этот раз трагическая: сменив персонал полярной станции, суда отправились в Дудинку, но у мыса Ефремов Камень «Вайгач» наткнулся на неизвестную подводную скалу, снять его не

удалось. Экипаж и груз не пострадали, а вот судно погибло.

В том же году, 31 августа, диксонскую гавань посетила норвежская шхуна «Мод». На ней собирался дрейфовать в Центральном полярном бассейне норвежский арктический исследователь Руаль Амундсен. Еще с 1916 года на Диксоне хранилось для него 105 бочек дизельного топлива. Диксонцы выделили норвежцам 10 ездовых собак, а единственного русского в экспедиции – радиста Григория Олонкина снабдили книгами. На прощание зимовщики устроили для норвежцев вечер. Амундсен был весьма доволен оказанным ему приемом, о чем и оставил запись в тетради.

Закончилась гражданская война, иностранному капиталу не удалось отрезать Россию от Севера, но страсти не закончились – на западе развернулась целая компания за то, как выжать деньги, уже не военным путем, из полярных российских областей. Любопытно, что и Кушаков, там, в Лондоне, составил на это счет свой «меморандум». По его замыслу, иностранный капитал привлекался не только для эксплуатации Северного морского пути, но и для разработки естественных богатств Севера: лесов, угольных и нефтяных месторождений и др.

В дни, когда в Лондоне шли разговоры о Российском Севере, на севере Сибири сами русские развернули подготовительные работы. Созданный в 1920 году Комитет Северного морского пути послал из Красноярска в Енисейский залив гидрографическую партию на пароходе «Север» под командованием капитана Мецайка.

В это время на Диксоне уже находился гидрографический отряд Неупокоева. Он завершал черновую работу над картой участка моря к западу от Диксона. Константин Александрович заинтересовался этой картой, внимательно ее разглядывал, узнавая знакомые очертания берегов и островов.

– Вот здесь вы пропустили маленький островок, – показал Мецайк.

– Не может быть!

Неупокоев подскочил, схватил свои записи, порылся в них...

– Да, вы правы. Но перед вами черновик, при проверке мы бы обнаружили пропажу.

– Не сомневаюсь, – ответил Мецайк.

А Неупокоев вдруг предложил:

– Остров безымянный, назовем его вашим именем.

– Что вы, что вы!

– Константин Александрович, ведь вы уже 15 лет здесь ходите! Больше вас здесь еще никто не бывал, лучше эти места никто не знает, – уже увлекся своей идеей Неупокоев.

– Нет, нет... Ни в коем случае, – заволновался Мецайк.

– Нескромно, некрасиво.

– Хорошо, – вдруг согласился Неупокоев. – В честь вашего парохода назовем островок Север, но уж теперь-то, в память об этом событии, вы оставите свой автограф в диксонской тетради?

– Ну, мой друг, – сказал прославленный енисейский капитан, смеясь, – поймали-таки меня, аж до слез рассмешили. Так и быть – поставлю свою закорючку, пойдёмте на берег к Тимофеевскому.

В то время начальником станции был гидрограф Тимофеевский. Человек с юмором, никогда не унывающий, влюбленный в свой остров. На одной из страниц «Исторической тетради» есть странный рисунок: нечто вроде выпученного, вылезавшего из орбиты глаза, и пояснение:

«Дифракционная корона вокруг луны, наблюдаемая 1 октября 1920 года. Сопровождалась идиотски глупым, безнадежно-унылым вытьем собак, часть коих упряталась в конуры. Я же вынужден был сменить белье, так как явление это было весьма страшно.

Н. Тимофеевский».

А строчкой ниже грустная запись о том, что в декабре умер плотник Степан Лемберов, проживший здесь более четырех лет. Похоронили его полярники среди камней в северной части бухты Диксон, на мысе, позже названном его именем.

В истории острова, начиная с гибели «Вайгача», наступила какая-то черная полоса. Смерть Лемберова зафиксирована первой, но на самом деле еще в 1919 году в районе Диксона уже было двое погибших: норвежцы из экспедиции Амундсена – Тессем и Кнутсен с почтой шли на Диксон. Где погиб Кнутсен, никто не знает: единственный свидетель, его попугайчик, сам умер, не дойдя до станции четырех километров. На их поиски Норвегия в 1921 году отправила экспедицию. Об этом свидетельствует запись в тетради на норвежском языке, тут же перевод:

«Хеймен» вышел в экспедицию из Тромсе на мыс Вильда в Сибирь узнать положение Кнутсена и Тессема. Ледовый мичман Оле Гансен из Хаммерфеста.

Но останки Тессема нашли не норвежцы, а Бегичев в 1922 году, о чем и была сделана запись в «Исторической тетради» начальником экспедиции Урванцевым, будущим основателем города Норильска.

Улеглись политические страсти, жизнь в Советской России налаживалась. С восстановлением экономики Совету все больше и больше уделяли внимание Крайнему Северу. Об этом можно судить по той же «Исторической тетради отзывов и пожеланий».

С 1929 года в Арктике стали применять авиацию при проводке судов во льдах, и в диксонской тетради появляется запись:

«Верим, что в ближайшие годы Диксон станет не

только морским, но и воздушным портом. Летчики Чухновский, Алексеев».

В 1931 году состоялось обследование северных морских путей, а в 1932 принято решение о создании его комитета. И вновь на страницах тетради знакомый автограф:

«Отсюда пойдет продвижение на Север. Председатель комитета Севморпути Борис Лавров».

Год 1932, совсем короткая запись:

«Сибиряков», Шмидт, Визе, Воронин.

Это легендарный пароход, проходя трассу Северного морского пути за одну навигацию, оставил свою визитную карточку.

Начиная с 1934 года, Диксон превращается в экспериментальную площадку. Именно здесь возводится самый мощный в Арктике радиоцентр, в последующем такие центры будут построены и в других местах, но этот – первый. За строительством следит вся страна, сюда приезжают не только строители-специалисты, но и писатели, композиторы, артисты и даже целые театры и иностранные корреспонденты. О чем свидетельствует все та же, теперь уже знаменитая, тетрадь. Перелистывая ее, можно найти автографы Василия Ходова (участника первой зимовки на Северной Земле, открытой экспедицией Вилькицкого); Ивана Папанина (еще не известного, но через год о нем заговорит весь мир); Бориса Горбатова (прилетел как корреспондент на пару дней, а остался на полгода, в результате – знаменитая книга «Обыкновенная Арктика»); Петра Парфенова (автора текста песни «По долинам и по взгорьям», в 30-е годы – редактора диксонской многотиражки); народной артистки Веры Николаевны Пашенной; артистов гастрольной бригады Большого театра (поставивших первую театральную постановку на Диксоне известной пьесы Мольера «Тартюф»); Рут Грубер, американской журналистки, автора книги «Моя поездка в Советскую Арктику».

В годы Великой Отечественной войны было не до тетради, хотя о ней вспоминали, доставали, показывали гостям. Лишь один гость не удостоился тетради – немецкий линкор «Адмирал Шеер». Он пришел незванный, с целью уничтожить поселок, но просчитался. Полярники дали врагу достойный отпор. Созданный еще до памятного боя с фашистами штаб обороны Диксона принял решение эвакуировать женщин, детей и особо ценные документы в глубь тундры.

С особой тщательностью упаковал диксонскую реликвию Михаил Сомов, молодой гидролог. Он не оставил в тетради след своего пера, считая себя слишком молодым, недостойным быть в одном ряду со знаменитостями. Но

пройдут годы, и мир узнает о нем как о начальнике «Северного полюса-2», руководителе первой советской арктической экспедиции. А пока он вместе со своими коллегами готовится к обороне...

Трудна зимовка в Арктике, но еще труднее, когда в стране идет война. Любая ошибка может обернуться чьей-то смертью и не обязательно на фронте. Ареф Иванович Минеев, начальник штаба морских операций в западном секторе Арктики и диксонской зимовки в 1943 году, это прекрасно понимал. Потому и принял решение, утвержденное Комитетом обороны: оставить на Диксоне, на зиму, 17 судов (в их число входил и уже известный нам «Таймыр»), не успевших выйти из Арктики. Дело в том, что немцы активизировали действия своих подводных лодок, к тому же крайне обострилась ледовая обстановка. Впервые за историю Арктики оставалось на зимовку, в одной точке, такое количество судов. На оставшихся судах груза было незначительное количество и не могло принести значительный ущерб обороне страны.

В течение зимы моряки организовали посильный ремонт судов. По инициативе капитанов зазимовавших кораблей организовали учебный комбинат для подготовки штурманов, механиков и радиосвязистов.

Все время было посвящено работе. Лишь изредка удавалось летом порыбачить, но настоящая разрядка получалась только в банные дни. К такому дню все готовилось тщательно, особенно истые парильщики, они заранее припасали веники. В тот день разрешалось сто граммов, которые пили после бани, кое-кто, из молодого озорства, прямо за обедом, глядя в глаза Арефу Ивановичу. Минеев же, в воспитательных целях, демонстративно поднимал стакан молока и вел разговор о нарушениях в печени алкоголиков.

В суровых условиях Арктики и военного времени жизнь шла по обычным человеческим законам. Вот что рассказывает в своем письме капитан одного из судов Снисаренко:

«Жили в деревянных двух- и одноэтажных домах, отапливали их углем, недостатка в котором не испытывали. Водой снабжались также неплохо, а кому ее не хватало, скажем, для стирки белья, тот принимал участие в таянии снега в котельной. Мытье в бане обеспечивалось не менее одного раза в неделю. Питание в столовой и на дому хорошее. В хлебе и сале никто не нуждался. Правда, плоховато было с овощами и картошкой.

Зимой работали кружки техминимума по разным специальностям. Мне приходилось, как руководителю, часто бывать среди моряков, беседовать с ними, и ни разу не помню случая, чтобы кто-нибудь жаловался или обижался на быт. В порту зимовало много судов, команды которых совместно с жителями Диксона по вечерам слушали лек-

ции, выступали в концертах.

С жадностью мы следили за сообщениями о событиях на фронтах и всегда искренне радовались успехам и победам наших войск».

Вечерами Давид Гольдгубер, радист высочайшей квалификации и руководитель коллектива приемной станции, когда выпадали свободные минуты, садился к пианино, и начинались танцы. Суровый оттенок носило это веселье. И не только потому, что не сверкали белизной и не были накрахмалены рубашки мужчин, в простеньких платьях были женщины, а кое-кто из них и в ватных брюках, летом в высоких сапогах, а зимой – в валенках...

А когда замирал мотив последнего танца, Гольдгубер начинал импровизировать. Трогательно, на выдавшем виды инструменте, звучали мотивы из старинных русских и цыганских романсов и песен, вальсы Штрауса, песни времен гражданской войны, песни, родившиеся уже в эту войну. У людей, слушающих их, светлели лица, разглаживались морщины...

Весной 1944 года одной из главных задач, стоящих перед штабом морских операций, был вывод зимовавших судов из бухты Диксон. Лед был прочным, полтора метра толщиной. Некоторые из судов, развернутые на север, оказались в очень трудном положении, так как зимние ветры нанесли перед ними большие массы льда, толщина которого достигала трех метров. Ледоколы отсутствовали, и в распоряжении штаба оставались лишь самодеятельные средства, изобретать и проверять которые было поручено Михаилу Сомову, руководителю ледовой авиаразведки.

В Самолетной бухте была образована целая лаборатория: гидрологи с добровольными помощниками из экипажей посылали лед шлаком, пилили его продольными пилами, дырявили пешнями на различном расстоянии, взрывали. Результаты исследований проверяли уже на объектах. В конце концов, была обеспечена свобода ледокольному пароходу «Георгий Седов», который выколочил все остальные суда и ввел их в эксплуатацию.

Ареф Иванович Минеев не спал несколько суток: отправляли караваны освободившихся судов на запад. Вместе с начальником порта Бондаренко и начальником политотдела Сергеем Шатовым он посетил все отходящие суда. Прощались с первыми за войну отпускниками. По возвращении на остров Минеев зашел к Владимиру Матюшкину, начальнику радиоцентра, справиться о поступившей информации. Интересовался у радистов – как на станциях, не слышны ли немецкие рации. Немцев хоть и гонят, но расслабляться нельзя. Совершив таким образом плановый обход, он повернулся к Матюшкину и спросил:

– Послушай, Володя, а почему бы нам не записать об

* Из книги Леонида Шипко «Защитники Карского моря».

этом, я считаю, значительном событии. Как-никак, зимовка прошла выше всяких похвал – столько специалистов подготовили. А?

– Ареф Иванович, тетрадь в Красном уголке: были желающие оставить свои пожелания острову, и чтобы не бегать за ней каждый раз, мы оставили ее там.

В Красном уголке никого не было, а ведь еще вчера он был полон народа: упаковывали на материк почту, обменивались адресами и фотографиями, давали друг другу напутствия. Не было нигде и тетради. Позвонили начальнику смены на радио, в бюро погоды, опросили свободных от вахт – в надежде, что тетрадь у кого-то на руках. Безрезультатно.

Минеев и Матюшкин сидели в кабинете последнего.

– Ну, что будем делать? – спросил Ареф Иванович. – Запросить корабли мы не можем: ответ все равно получим только после прихода судов в порт. Сам знаешь, судовая рация, дабы себя не раскрыть, в море работает только на прием.

– Мне кажется, зря мы думаем, что кто-то взял тетрадь, – ответил Матюшкин. – Хотя всяко бывает, но мне не хочется так думать, ведь вместе, можно сказать, парходы ломали ото льда окальвали. Ты вспомни – суматоха-

то какая стояла в Красном уголке. Мешки с почтой, документацией, отчетами, перепиской. Вполне допускаю возможность, что кто-то впопыхах, не глядя, что в руках, сунул тетрадь в один из мешков с бумагами. Рано или поздно эта ошибка обнаружится.

– Да, если это действительно так, – угрюмо произнес Минеев. – А то может, совершил человек грех, чтобы похвастать, где, дескать, был. А пройдет время – осознает проступок, а вернуть – духу не хватает, стыдно. Вот и осядет наша тетрадошка в каком-нибудь старом сундуке, подалее от любопытных глаз.

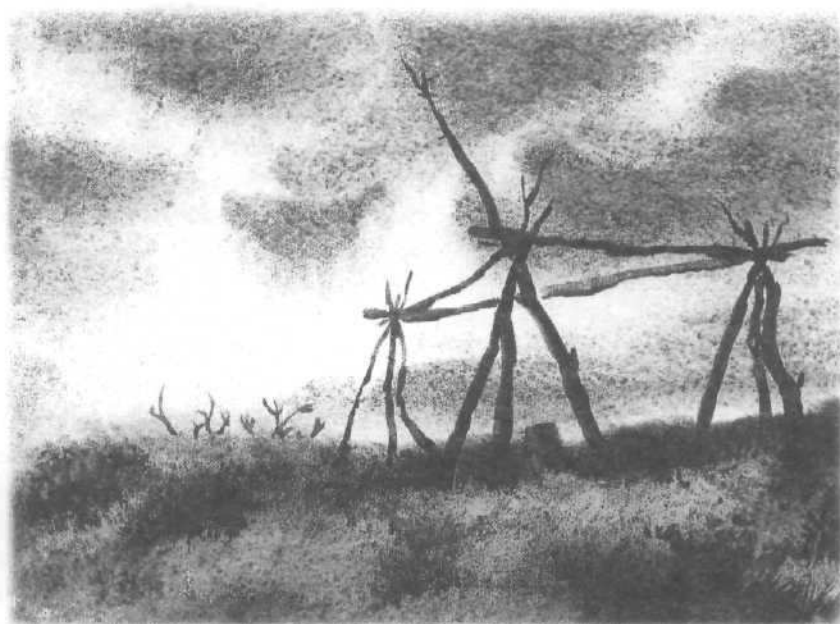
Вздыхнув, Владимир Петрович буркнул невесело:

– Спасибо, умеешь ты утешить.

Начальники замолчали: Минеев сердито пыхтел трубкой, а Матюшкин бесцельно вращал в руках пустой стакан. Сообщать об этом в руководство они не стали: война же кругом, смерть на каждом шагу, а тут пропажа какой-то тетрадошки – не поймут.

Где-то в России есть покосившийся ветхий дом, и на его захлапленном чердаке, среди ненужных вещей и старых газет лежит тетрадь с автографами знаменитых полярников...

Остров Диксон, сентябрь – декабрь 2001 г.

Виктор САМУЙЛОВ

Родился в 1951 году. По профессии – военный вертолетчик. Вышел в отставку и приехал на Север. Кем только ни пришлось в жизни работать! Все это нашло отражение в его прозе. Печатался в газете «Заполярный вестник», в альманахе «Полярное сияние». В 2001 году в Красноярске вышла его книга «Обузленные миражи». В 2000 году удостоен литературной премии имени Ю. Бариева.

ЗНАК РАВЕНСТВА.

Повесть*

21.

Гошка успешно сдал зимнюю сессию. На сэкономленные деньги съездил в Хабаровск к Гале. Прожил у нее три дня и вернулся во Владик. Сестра затуркана двумя детьми, муж – не помощник, готовится защищать кандидатскую: психовал, нервничал, закрывался вечером в комнате... Галя работала и прирабатывать успевала. Посмотрел Гошка на этот содом, буркнул на прощание сестре, что с Васей Лосевым она явно промашку сделала. Та заревела, чего и в детстве не бывало. Гошка, оказавшись на полголовы выше всегда высокой Гали, обнял ее, та, уткнувшись носом в плечо, притихла.

– Все обойдется, – погладил он ее по худой спине.

Поездка оставила на душе неприятный осадок. Как-то все не по-умному. Галя для Гошки являлась непрерываемым авторитетом во всем. И как-то не вязалась вдруг неожиданная ее незащищенность и женская слабость по сравнению с той, уверенной и неприступной красавицей, Галей Ореховой.

У Лосевых ему не особенно обрадовались, не считая Светки. Вернулся Вася, привез подарков дочке, супруге. Впервые Гошка увидел японский кассетный магнитофон «SONY». Тут же отирался Клим. Лосев, явно против своей воли, вручил ему тайландские наручные часы с будильником, годом, месяцем, днем недели. Клим поблагодарил, но косил глаз он, конечно, на магнитофон. Гошка получил шикарные плавки в виде штатовского, звёздно-полосатого флага. Клим с Гошкой посидели на кухне, но, чувствуя, что мешают, пошли гулять. В небольшом кафе, куда зашли погреться, выпили портвейна.

В голове у Гошки приятно зашумело, появилось желание совершить поступок, куда-то идти.

– Идем к морячкам, – предложил Клим.

И Гошка легко согласился.

Они подошли к двухэтажному деревянному барраку. Поднялись по широкой, скрипящей ступенями лестнице. Пахло кошками, мочой, кислой капустой и еще непонятно чем, вязко и плотно сбивающим дыхание.

– Да... букет! – крикнул Клим.

Из морячек присутствовала лишь одна, небольшого роста, обстоятельная, черноглазая Галя, как она представилась, подав лодочкой согнутую ладошку.

– Раздевайтесь, проходите, садитесь. Я одна домовничаю, галушки готовлю.

– Мы, кажется, вовремя, – Клим выставил вино.

– Девчата за вином пишли. Мы никого не ждали.... Сейчас я.

Она исчезла в другой комнате. Пискнул ребенок, раздался скрип кровати-качалки. «Ши... ши...», – успокаивающий шепот.

Галя ребенка успокоила, хлопнула дверью шкафа. Клим подмигнул: прихорашивается. Вышла она к ним в легком, бежевом платье, рукава фонариком, юбка колоколом, талия рюмочкой, смоляные волосы блестят, по плечам рассыпались. Глаза подведены тушью, ресницами – хлоп, хлоп... как кукла. Гошка поежился. Ему вдруг стало очень тревожно и отчего-то стыдно. Захотелось уйти, он испугался пытливого вопроса, вдруг сверкнувшего в глубине темного зрачка. Гошка чувствовал, какая боль, надежда, отчаяние кроются за этой кукольной внешностью. Он всегда лучше, чем свои, понимал чужие боли и тревоги. Всегда пугался своей беспомощности, своего желания искренне помочь и невозможности это сделать. Галя понимающе улыбнулась, прислушалась.

– Кажется, бегут.

По лестнице застучали быстрые шаги. Стремительно распахнулась дверь.

– Ух, ух... едрит, едрит... ой, извините! – Ворвалась веснушчатая, раскрасневшаяся дивчина, светлые волосы челкой спадали ей на глаза. Она отбросила их, прищурила голубые глаза.

– Так, ба... знакомые почти нам лица. Катя... Комбриг, опять мне мальчика привел? – она хлопнула холодной ладошкой Гошку по щеке. – Нецелованный... Или ты, не боевой потомок, уже развратил дитя?

– Успокойся!

За ней стояла очень похожая на Галио девушка. Она аккуратно закрыла дверь, поставила тяжелую сумку на ку-

* Окончание. Начало в альманахе «Полярное сияние» – 2001 и 2002.

хонный стол, покосилась на вино.

– Мы сегодня, не сговариваясь, гуляем почему-то, вроде и праздника нет.

Гошке пить вино очень не хотелось. Но все же, поддавшись на уговоры и выпив с полфужера, избавился от тревоги и неловкости. Сестры в свое время научили Гошку танцевать. И теперь он оказался желанным кавалером. Чаще он танцевал с Галей, но крепко вцепилась в парня и Катя: она подливала ему вина, потчевала галушками, и когда у Гошки голова пошла кругом, утащила его в другую комнату.

– Ух ты, мой сладенький! – тормошила она парня, повалив его на кровать.

Катя руководила действиями Гошки: руки его расстегнули ей бюстгальтер, сняли кофточку, справились с юбкой и трусиками...

Проснулся он в Васиной квартире. Как попал домой, и что предшествовало этому, как ни пытался вспомнить, не смог. Ему казалось, что дома нет никого: Света уже в саду, Вика в институте. Но, оказывается, спал в большой комнате Вася. Гошка заглянул, Вася приподнял голову.

– Ну, как, боец?! Голова болит?

– Не то чтоб, плоховато вообще...

– Не без этого. Мы вас случайно перехватили. В кабаке ходили, стоим, ловим мотор, смотрим, наши хлопцы – в драбадан. – Кивнул головой, ойкнул. – На столе деньги лежат – Клим в лапе держал – вы водки хотели взять?

– Ну да.

Они сидели с Лосевым на кухне. Гошка пил кофе, Вася после рюмочки коньяка повеселел.

– Ты помнишь, где деньги взял? У кого?

– У кого, помню. А вот найти, ни за что не найду.

– Повспоминай. Издалека вы не могли до кабака добраться, значит, рядом где-то.

– Мы по длинной лестнице поднимались. Дома, свай, лишь на самом верху несколько двухэтажных общаг.

– Ну... это-то место мне знакомо. В каком из них забурились?

Гошка задумался.

– А... вспомнил, там безногий грузчик живет, Митрич.

– Понятно, – хлопнул по столу Лосев. – Валя, Катя и недавно приехала к ним Галя. Знаю я этих девчат. Хорошие девчонки, я с ними в кабаке года два назад познакомился, приехали по вербовке денюжат подзаработать, на рыбзаводе вкальвают. Так и осели. Как вы попали к ним? Неужто Клим у бабки деньги снер?

– Нет, он их адрес знает, мы вина взяли и к ним поехали.

Вася внимательно посмотрел на Гошку.

– Как девчонки?

– Галя ничего, но я плохо помню...

– Бывает, но деньги отдать желательно сейчас, вечером нам не с руки, Вика дома будет. Ну ладно... – Вася достал записную книжку, полистал ее, что-то прикинул. – У них ведь девочка на руках, Валина, работают поэтому в две смены, кто-то должен быть дома, собирайся и поехали.

– Может, я останусь?

– Ну, молодец! Будь мужиком, девчонки тоже не железные, возьмем бутылочку, посидим. Полгода сушу не топтал.

Дверь им открыла Катя...

22.

И на следующий день – он и ночью думал об этом, и утром, и в обед – Гошка решил поехать к Кате. Вася уже вернулся, когда... он и не заметил. Ни Вики, ни Светы, лишь раскинувшийся Лосев, сразу видеть, что пьян в стельку. Гошка почистил зубы, пощипал, потрогал темный пушок над верхней губой. «Может, побриться, всё повзрослей покажусь...» Он с трепетом и тяжестью в ногах поднимался по лестнице. Вот и общага. Осторожно поднялся на второй этаж. Остановился у двери. Перевел дыхание. Только протянул руку, дверь распахнулась, больно стукнув ручкой по пальцам.

– Ну, чего затих. Я ведь в окошко тебя увидела. Идешь, коленки подгибаются, ну, думаю, назад студент повернет...

Они попили чаю, поговорили о том, о сем. И неловкость, скованность вводила их глаза в сторону. Катя подошла к Гошке, прижалась тугим животом к его лицу. Перебирала его волосы. Пахло от нее его далекими сестренками, мылом, утюгом, духами, и еще чем-то неуловимо будоражащим. Гошка поднял руки. Осторожно положил их Кате на талию, крепко прижался лицом, встал. Обнял ее, поцеловал. Они медленно отступили в комнату. Гошке ужасно неловко было из-за того, что светло. Окно хоть и плотно занавешено, солнечные лучи пробивались, рассеиваясь по комнате золотистой пылью. Запрокинутое лицо Кати с темными подглазьями, с трепещущими ресницами прикрытых глаз, несло печать отчаяния и стыда. «Чего это она?» – мелькнула растерянная мысль.

Катя долго не отпускала Гошку, гладила его лицо шершавой, сильной ладошкой, у большого пальца он заметил маленькую синенькую букву «л».

– Это что у тебя?

– Любовь это, Гошечка, заговор... Вот видишь, все правда! Нашла я свою любовь, нашла...

Гошке Катя нравилась. О серьезности отношений как-то не думалось... Лосев однажды усадил его на кухне, сам сел напротив.

– Знаешь, что я тебе скажу. Только выслушай спокойно. Давай я тебя познакомлю с хорошей девчонкой, твоей ровесницей... Катюха все трубы прошла. Мне ее жалко, не тебя. Я не уверен в искренности чувства с твоей стороны. Сперматозоиды руководят, батенька, тобой, и не спорь. Все мы проходим через это.

– И ты прошел?

– Это называется, удар ниже пояса, – Вася встал, – да, парень, я прошел, и вот что я имею. – Он обвел руками. – Мечта советского человека. И тридцати нет, я старпом на приличной посудине, в загранку хожу. Жена умница, дочка, квартира, достаток. А меня, парень, ноги сюда не не-

сут. Так сладко с ней в постели было, не сейчас, тогда... Чуть постарше тебя был. Что любовь не между ног гнездышко вьет, понял, да поздно.

Когда открылась путина, Катя сообщила Гошке, как она сама сказала, пренеприятнейшее известие: добровольно-обязательно они отправляются на плавбазе куда-то к берегам Антарктиды.

– Шанс один из тысячи! Заработаем денег, подадимся до мест обетованных.

– Катя! Ты никогда не рассказывала о себе. Мне кажется, ты где-то училась.

– Миленький ты мой! Возьми меня с собой, там, в краю далеком... – в общем, Гошенька, осенью я тебе все обо всем расскажу. Привезу с путины денег огромную кучу, закатим пир на весь мир.

...Скрылся вдали огромный корабль, растворился в знойном, голубом мареве. Гошка постоял на пирсе, помахал рукой и отправился договариваться о месте в общежитии.

Скоро Гошка переселился в общежитие в общество трех очень серьезных парней.

...Первое время Гошка скучал по Кате, и снилась она ему часто. Почти всегда голая, горячая, зовущая, он тянулся к ней, бежал, летел, но она на неуловимый миг оказывалась чуть дальше вытянутой его руки. Он просыпался, долго лежал, замирая сердцем, не понимая, что творится с ним, утром вставал разбитым, нехотя пил чай.

Позже Гошка узнал у Васи, что плавбаза, на которой работает Катя, остается на зиму в южных морях и в порт не придет...

Закончив второй курс, Гошка думал, куда направить в каникулы стопы. Захотелось съездить в гарнизон.

...Но поездка эта удовлетворения не принесла, только растревожила... Два года минуло всего, а мир как будто перевернулся.

...Зачем поехал в гарнизон? А куда? К отцу съездить, так ведь не зовут. В Москву, к сестренкам... так ведь тоже не зовут. К бабушке? И она молчит. Придется с ребятами на калым податься, предлагали: подзаработаем, приоденемся... Гошка слушал их вечерние умствования и думал. Думал о том, что так жить нельзя, что обыденность, кусок хлеба становится главным стимулом существования человека на земле. А это неправильно, не может быть, что такое умное существо лишь для этого живет. Огромный мир, земля, вода... Неужели мы в нем только, чтоб брюхо набить...

Когда Гошка заговорил об этом в комнате, один из парней, Олег, внимательно посмотрел на него:

– Сакраментальный вопрос: в чем смысл жизни. Навряд ли кто-то ответит на него. Козьма Прутков – «Нельзя объять необъятное...» – подразумевал, что для человека думающего, смысл жизни в поиске смысла жизни. Так что, юный философ, можешь и ты принять эту прагматическую установку.

И задумчиво повторил: «Смысл жизни в поиске смысла жизни...»

23.

...Орехов страшно боялся зимы, он ее ненавидел. А она вот, рукой подать, вон за теми насупленными облаками, нависшими над большим городом, портом, гремящим и гукающим, над свинцовым морем. Сейчас сожмутся серые бока, и посыплет белым, и закрутит поземка. А Гошке идти некуда, никто его не ждет, как и не ждал его никто двадцать лет назад. Что изменилось? Лишь то, что Гошка жизни наелся по самые уши, а так все похоже. Море, город, и он в раздумье у кромки воды. Но море это далеко на севере, город этот портовый, шумный и бедовый, но суровый своими ветрами и непогодами к таким, как Гошка. А Гошке некуда укрыться от непогоды лишь потому, что прошло двадцать лет, и смысла жизни он не нашел. И не найдет... А пока, пока...

Он поднял большую матерчатую сумку, там звякнуло, повернулся и пошел в город. Он проходил по притихшим вечерним улицам, шел мимо домов, весело подмигивающих бесшабашной, разноцветной жизнью окон. Шел мимо спешащих, озабоченных завтрашними проблемами прохожих. Остановился у покосившихся створок старой котельной, пролез сквозь узкую щель, стараясь не коснуться курткой копченых стен, прошел в глубину на неяркий отблеск огня. Повернул раз, еще раз, пролез под трубами, и вот он на месте. В топке яростно гудит пламя. Худой, обросший мужик прикрыл чугунную створку, выпрямился.

– Ого! Какие у нас люди!.. Знать, зима на дворе, если Гошка объявился. Я уж думал, ты на юга подался.

– Надо, никак с силами не соберусь.

– Собирайся, а то сгинешь тут. Ну, что там у тебя? – мужик поднял сумку. – Живем!

Мужика звали Лесик, был он относительно молод, начитан, не особенно жулик, не особенно честен, по обстоятельствам. Местных бичей гнал из кочегарки пудовым ломом. Несмотря на худобу, обладал недюжинной силой, водку пил шивными кружками и не пьянел. Воспитывал двух дочерей, супругу Ленку и мать, Марфу Семеновну. Орехова он не гнал, но и особенно не привечал, считая, что мужику надо хоть немного шевелиться. Гошка и сам понимал, что его надо держать в тонусе, и Лесику в друзья не набивался. Лишь когда тоска и кручина сдавит душу так, что и дышать невозможно, идет сюда, в кочегарку.

Лесик собрал со стола книги, сунул их в тумбочку. Из сумки достал две бутылки водки, хлеб, колбасу. Из стола выставил стаканы, развернул газету, на ней ломтиками исходил жиром нарезанный палтус.

– Картошку греть?

– Подогрей, замерз.

– Работаете или бичуете?

– Бичую, на станции вагоны разгружал, неделю продержался.

– И все спустил? – Лесик заглянул в сумку.

– Не смотри, десять штук взял.

Кочегар покачал головой:

– Не откачаю я тебя.

– Да и хрен с ним. Сунешь в топку, и все дела.

– Я не пойму, – Лесик помешивал картошку в кастрюле, стоявшей на плитке. – Я не пойму твои мытарства. Осядь где-нибудь, сторожем, в конце концов, устройся, сиди и мысли. – Он покачал головой. – Такая башка и дураку дана.

– Ты читал Прицкера?

– Это кто такой?

– Казахский ученый, философ, медиум, экстрасенс.

– Э!.. Гоша! Меня эта эзотерическая чепуха мало интересует. Я вот Стаута приемлю, Чейни, можно и Маринину полистать, от Пронина я не торчу, но читаю. Веллера уважаю, Довлатова люблю.

– Все это и я читаю. Но дело в том, что ни одна мысль, возникшая в твоей голове, как и в любой другой, не пропадает. Она обладает энергией, несет в себе весовой, информационный посыл, все это перерабатывается на неведомых нам вселенских уровнях. Вполне возможно, чтоб находиться в равновесии и развиваться, нам требуется больше мысленных усилий, чем физических. Я даже в этом уверен. Наша осознанная жизнь всего лишь ничтожная частица скрытого действия нашего духа, неподвластно восприятию чувств человека.

Лесик поставил исходящую паром картошку. Гошка повел носом.

– Ох, вкусно!

– Интересно ты мыслишь, Гоша. Мне кажется, я даже понимать кое-что начал. Ладно, разговорами сыт не будешь. Давай по стакашку, и мысли. И ешь, главное, что-то ты худ стал. Не болсешь?

– Вроде нет.

Они выпили.

– Как я понял из твоих слов, можно вполне обходиться минимумом наших цивилизованных наворотов и, тем не менее, активно участвовать в жизнедеятельности вселенной.

– В общем, верно понимаешь. Век прогресса отбросил человечество назад в духовном развитии. И это, конечно, нужно пройти, и это зачем-то нужно.

– Ты хочешь сказать, что все, творящееся на Земле, нам во благо. А с другой стороны, это совершенно не нужно.

– По большому счету, да...

– Вообще, где ты этого набрался? На зоне?

– И там, конечно.

Они еще выпили.

– Жизнь у тебя, что кино. Два высших образования. Никак не пойму, для чего после института в военное училище поступил, да еще в танковое?

– Институт закончил в двадцать лет. Вундеркиндство мое, по-видимому, в школе осталось. Сессии сдавал еле-еле. Отец призвал к смертному одру, напутствовал. Ну я, как чадо почитаемое, выполнил наказ отца. Служил в Поволжье, потом Афган: ранение, госпиталь. Здоровья нет, занялся коммерцией, сам знаешь, какие льготы нашему союзу. Пошла рубка за эти льготы...

– И тебя на семь лет рубанули...

– Получается, так.

– Могли бы и пристроить, где потеплее.

Гошка вспыхнул:

– Нет у меня охоты после всего, что видел, пристраиваться!

– Успокойся. Слушай, Гоша! Думал я тут крепко. И надумал. Попьешь ты сейчас, душеньку отведешь. И сдам я тебя в наркологию. Как ты на это смотришь? Перезимуеть, подправишься здоровьем. Народ там философствующий, скучно не будет.

Гошка покрутил в руках стакан.

– Ладно! По-хорошему, я, конечно, не согласен. Но ты у меня не спрашивай, вызывай бригаду, и все дела.

– По рукам!

Они чокнулись стаканами.

24.

Гошка вышагивал по коридору, совсем отупев от болезненности во всем теле. Двое суток пролежал под капельницей. Как попал сюда, помнил с трудом. Двигался вроде сам, раздевался, даже в душе помылся, правда, с чьей-то помощью. А вот как уколы сделали, и иглу капельницы воткнули в вену, так и вырубился. Сейчас ломота в каждой клеточке тела, голова чугунно разламывается. Он иногда присаживался на койку, но тело не могло, не хотело покоя. Его опять несло по коридору: туалет, палата, пост сестры. Нелепая фигура в свете ночника: светлые волосы, челка на глаза... Что-то шевельнулось в затуманенном мозгу, но боль, но душа – все ноет, стонет, просит покоя, а его нет. Ласковый, участливый голос остановил Гошку:

– Больной, давайте, я вам укольчик сделаю. Хороший укольчик.

Гошка покачал головой: «Нет, нет!» И опять – шарк, шарк тапочками. Он боялся неведения: он так долго был в нем, только б не отключиться, не провалиться в темноту. Он боялся себя, боялся этой женщины с ласковым, участливым голосом. И упорно шаркал теперь на небольшом участке, не приближаясь к столу. Наверное, сестре надоело нудное шарканье Гошки. Она встала, подошла к нему, взяла за руку, усадила на стул. Достала из стола две таблетки, налила из графина воды, подала. У Орехова так прыгали руки, что он не смог забросить в рот пилюли.

– Ну, совсем мужик дошел, – осторожно придержала ему голову, влила в рот воды. Потом бросила таблетки, опять влила воды. – Пей, пей!

Гошка судорожно, кашляя и содрогаясь, все же проглотил таблетки, попытался встать. Сестра придержала его. Рука у нее небольшая, крепкая, пальцы все в белых шрамах. У большого пальца увидел кусочек синей черточки. Что-то опять ворохнулось в памяти.

Сестра откинулась на стуле. Круг света от лампы позволял рассмотреть лишь грудь да подбородок. Чувствовалось, что женщина в возрасте, широкие плечи, мощная грудь, соответствующий торс. Шея складками, белая, чистая. Крепкий подбородок, белесые волосики торчат.

– Большой Орехов Григорий. Поступил с острой алкогольной интоксикацией. Адрес отсутствует. Бичуешь, значит. Ну, ладно, будем знакомы, Екатерина Петровна.

Гошка кивнул головой:

– Да, да... Я – Гошка.

Рука с синей черточкой подпрыгнула. Екатерина Петровна подняла лампу к лицу Гошки.

– Боже мой! Это ты?!.. Гоша! Как же ты сюда попал? Ах, что ж я спрашиваю? Целая жизнь прошла...

Орехову казалось, что он теряет сознание. Он ничего не испытывал: ни радости, ни стыда, ни горечи от встречи, лишь желание прилечь. Катя отвела его в палату. Он лежал в смотровой напротив поста, тяжелых, кроме Гошки, никого не было. Катя принесла капельницу. Орехов замотал головой.

– Не бойся, милый, никаких лекарств нет, магния, глюкоза и витаминчики.

Она сидела у кровати, всматриваясь в лицо лежащего.

– Встреть я тебя на улице, а может и встречала, ни за что б не узнала. Сейчас тебе за сорок. Седой весь, шрам большой на груди, ожог? Откуда это у тебя?

Гошка приоткрыл глаза, веки наливались свинцовой тяжестью: кажется, он начинал засыпать.

– От верблюда, – с трудом улынулся он.

– О... ну, если шутишь, жить будешь.

– В Афгане это...

– Гошенька, – она наклонилась к нему, – ведь и я там побывала. Ты в каком году?

– С восемьдесят третьего по восемьдесят пятый.

– А я с восемьдесят пятого по восемьдесят седьмой. Вот и не встретились. С такой раной ты нас не миновал бы. Ну, лежи, пойду покурю. Может, закуришь? Но ты не курил.

– Курю, водку пью.

– Что пьешь, это видать.

– Скажи! – Гоша напрягся. – Ты замужем?

– Не довелось, Гошенька, и детишек нет. Одна!

Орехов, уже закрывая глаза, прошептал:

– И я один...

Через месяц его выписали. Конечно, раньше срока, это уж Катя постаралась. Можно было б и раньше, но Орехов воспротивился:

– Чтоб без баловства. Плохо себя чувствую, хочу во всеоружии предстать.

Катя смеялась.

– Ты меня своим оружием не испугаешь. Не забыла.

– И я помню. Всю до капельки помню.

– Ох, Орехов, я тебя так иногда буду звать. Ты посмотри, на кого я похожа: кобыла, корова.

– Ничуть, ты почти не изменилась.

– Ну, пусть, пусть. И хотелось бы по-другому, да никак.

Катя жила в однокомнатной квартире, дом в центре города, новой планировки. Гошка, как вошел в квартиру, так и опешил. Давно не приходилось ему посещать нормального жилища. Все больше бичевники, общаги, теплоцент-

рالی, котельные, насосные. Орехов устался на шикарно сервированный стол. В центре возвышалась бутылка коньяка. Он недоуменно перевел взгляд на Катю.

– Мне ведь нельзя. Да и ты работаешь в таком заведении, что, я считал, и на дух это зелье не переносишь.

– По поводу, что тебе нельзя, не волнуйся. Будем вместе попивать вот эту настоечку, и никакие нам запои не страшны. Если б не возможность как-то душу согреть, я бы давно с ума сошла.

...Орехов искоса поглядывал на Катю. Они лежали в постели, курили.

– Ну, как я тебе? – она повернулась к нему лицом. Большая грудь закрыла Гошке плечо. Она похлопала по ней ладошкой. – Во, вымя! С десяток могла бы выкормить, не дал бог счастья. Как же я хотела ребеночка, как хотела! Мечтала, что будет он похож на тебя, с ясенюшками глазами, такой же лобастенький, косолапый. Я его буду любить. И жить мы будем обязательно одни.

Орехов молчал, о многом уже было переговорено, но осталось самое главное, самое больное и ранимое... двадцать лет. Лишь Катя начала о самом сокровенном, больном. «Смелая, – подумал Гошка, – смелая...» А она, попыхая сигаретой и стряхивая через Орехова пепел в перламутровую раковину, стоящую на стуле, продолжала:

– Надорвалась в ту путину. Хорошо рыба шла: минтай, селедка, треска. И денег заработала... Я бы тебя нашла. Но меня сняли проходящим теплоходом, и так я появилась перед своими родственниками, то есть в городе, ныне Петербурге. Мама обрадовалась, Верка на дыбы встала. Она глаз на мамину квартиру положила. Селиверстов умер, и по завещанию мама все получила, о чем и шла речь когда-то. Я устроилась работать, мама меня прописала. Все, вроде бы, хорошо. Но Верка начала скандалить, мол, не жирно ли вам будет, жить в двухкомнатной квартире. Таньку привезла специально из нашего городишки, к себе прописала. А у Таньки и дите. Терпела я, терпела, да и подалась в Афган. Работала в центральном госпитале, в отделении нейрохирургии, черепно-мозговые травмы... Обычное дело: валяются без движения, под себя ходят, в любви клянутся. И здоровые уже, опять клянутся. Но уехал и забыл. И любить мне случалось, хотя такая любовь больше на жалость похожа. Ну вот... Кончился контракт, и получила я приглашение сюда. А как тут жила, рассказывать не хочу, скучно и совсем неинтересно. Для кого – алкаши, для меня – люди, их поле боя – жизнь. И она их не пощадила. Кто и смертельные раны получил, а кто вот так, как ты...

– Жалеешь?

– И люблю!

25.

На все лето Катя пообещала отвезти Орехова к себе на родину:

– Отпуск у меня длинный, плюс пенсионный.

– Ты уже пенсионерка?

– Летит времечко, Гоша, летит. В сорок пять ушла,

специальность у меня очень социально ранимая: психонаркологическая среда.

...В отпуск они собрались основательно. Катя имела свойство очень умно распоряжаться финансами. Она приодела Гошку. Набрали рыбы, только копченого палтуса килограммов двадцать. Собрались заехать в Питер за мамой Нюрой. Ей сильно нездоровилось. Неожиданно умер Ленка, любимый сын. Осталось от него двое детей, взрослых. Мама Нюра очень горевала. И частичная парализация уложила ее в постель. Написала письмо Таня, как ни странно, не Вера, а Таня. Не скрывая, переживала, что Верка с мужем пьют направо, над матерью издеваются, и неплохо б Катерине во всем этом разобраться.

В северной столице они задержались всего на три дня. Остановились в гостинице. Мама Нюра с трудом передвигалась, хотела говорить, но разобрать ее речь было невозможно даже и при великом желании. При встрече родственные души посидели за столом, поплакали, разбираться ни в чем не стали...

Ни Катя, ни Вера детей не имели, уже это говорило о многом... несли они наказание божье. Гошка смотрел на сестер, таких разных и внешне, и характерами совершенно несхожих, и видел трагическую, единую руку, которая не давала им семье расправить плечи. Не давала им возможности жить по желанию, пойти туда, где, как ему казалось, они были бы счастливы, и где они, наверное, будут востребованы жизнью просто: без страха и веры в провидение, в рок, в высший разум, в бога, — о чем они сейчас и горевали. Но и в горе они упорно сопротивлялись этой жизни. Не мирились с несчастьями, сыпавшимися на их семью, выискивали их причины... Наперекор всему и всем творили себя. Но не они ли сами своим упорством мостят себе ухабы по жизни, даже и с благими намерениями. Не легче ли со смирением и покорностью внимать глазу божьему?

26.

Вечером они сели в поезд, взяли купе, а утром подъехали к вокзалу районного города. Катя проснулась засветло. Она умылась, убрала постель. Мама и Гошка так сладко спали, что будить не стала. Села у окошка, посмотрела на мужа. Да, муж, она в это верила, она этим жила.

От города сорок верст до деревни они ехали на такси. Дорога ныряла то в дремучий часток кол осин и берез, то взлетала на горушку, виляла, кажется, прямо на самую пахоту и опять бежала, ровно стелясь по равнине. Катя с беспокойством посматривала на Орехова: нравятся ли ему их места, может, нет, серовато пока кругом, неприглядно. Но Гошка безучастно следил за дорогой, и мысли его, по видимому, плавали где-то далеко. Оживился он, когда машина из темного, заросшего кустарником лога, вывернулась к озеру. Солнце поднялось высоко, выстрелило яркими лучами сквозь редкие облака, серебристая изморось ударила по глазам.

— Уу... как здорово! — обрадовался Орехов. — Лодочку же можно достать? Или с берега ловится?

— Лодку достанем, берега вязкие, болотистые, ивой да всяким деревом заросли и не пройти. Вон, видишь, лодки чернеют, попросим у кого-нибудь.

Катя довольно посматривала на Гошку, который с неподдельным любопытством крутил головой. Машина проурчала по подсохшему, песчаному проселку, свернула на старую, травянистую колею. Шофер с сомнением всматривался.

— Проеду ли?

— Проедешь, рули, — подгоняла его Катя.

Остановились у самой калитки. На окнах ставни, кругом ни души. Никто их не встретил, не приветил. Вымерла деревня. Катя расплакалась. Орехов с таксистом выставили из багажника узлы, коробки, сумки.

— Ну вот, смотри!... Вот и природа. В деревне четыре старухи да два мужика-забудыги. Раз в неделю приезжает автолавка, заказывай... Ну, о чем я говорю!... — Катя всплеснула руками. — Надо же, разволновалась.

Часов пять они приводили запустелое хозяйство в порядок. Смахнули по углам паутину, Катя помыла полы. Потрескивали в печке дрова, пахло дымком, застоявшийся, нежилой дух уходил. Мама Нюра шаркала из комнаты в комнату, перекладывала белье, гремела посудой.

— Все на месте, — шепелявила она, — ничего не взято.

Уже когда сидели за столом, Катя предложила испить баню.

— Я тебя отдраю, отмою, отпарю по нашему, по-русски!

— Ты меня баней не удивишь.

— Постараюсь, — лукаво улыбнулась она.

По поводу бани Катя не лукавила. Гошка несказанно удивился странному, темному приземистому строению, еле видневшемуся среди кустов бузины, вишни. Бревенчатые стены, потолок, пол закопчены до мрачной черноты. В углу низкая печка, каменка. Она выглядела так нелепо, что Гошка усомнился в ее функциональных способностях. Катя засмеялась:

— Гошенька, она так сейчас зафункционирует, что смотри, не зареви в три ручья.

Возле маленького окошка здоровенная, широкая лавка, потолок позволял Орехову стоять, касаясь его макушкой. Пахло горечью, плесенью, прелым венником. Запахов столько, что чувствительный нос Гошки страшно зачесался, и, отчаянно расчихавшись, он выскочил наружу.

— Невозможно! Не могу представить, как это сооружение все же функционирует.

— Скоро узнаешь. Бери ведра, носи воду в чугуны. Кадку замочим, сейчас она воду держать не будет, рассохлась. Ты ее отнеси в прудку, наложи камней, чтоб не всплывала, а я растоплять начну.

Поднимаясь во второй раз с ведрами, Гошка растерянно застыл: «Горит она, что ли?». Дым валил со всех щелей. Катя выскочила из бани, отчаянно трясла головой и вытирая глаза.

— Ага, вижу воочию слезы в три ручья. Как же ее топить? А воду как налить?

— Берешь ведро, набираешь воздуха и вперед!

Гошка наносил воды. Принес несколько охапок дров. Они присели на старое, дырявое, обомшелое корыто у родника.

– Откуда такой большой камень?

– Не знаю, лежит себе и лежит. Гоша, тебе хорошо?

– Даже очень.

Катя обняла его, прижалась, в глазах ее стояли слезы.

– Гош, мне страшно. Я не верю, что так бывает, все так здорово.... Так не бывает.

– Бывает, Катя, бывает. Только... не обмирала бы ты душой, а принимала бы все это как должное. Не страшилась бы будущего, не загадывала наперед....

– А если, Гошенька, сердечко ноет, страх по утрам спать не дает....

– Ничего, пройдет, отдохнешь, целое лето впереди. Нервы это, жизнь тебя не баловала пряниками. Ты же медик, страх – это нервишки сдают, депрессия.

– Наверное, Гоша, наверное. Набери воды в ведро, поставь у родника. Я веник уже замочила в холодной. Пойдем. Покажу, как мы воду греем.

В бане горчило, щипало глаза, но терпеть, присев, можно было. Катя взяла ржавые, кованые, с длинными ручками щипцы, подцепила ими камень с печки, опустила его в чугунок: пар, шипенье.

– Как от паровоза, – заметила она, – не пужайся, не сгорим.

Подержала, опять положила на печку, взяла другой, и так несколько раз. Проверила пальцем воду.

– Все!

Таким же образом она нагрела воду и в двух остальных чугунах. В один чугунок сунула веник, накрыла крышкой:

– Пусть запарится. Потом я стенки и потолок промахну старым голиком, обдам кипятком, немного постоит, и готово....

Гошка признался, что такой бани ему принимать не приходилось. Они взапуски гонялись друг за другом, обливались холодной водой, Гошка даже в прудку залез, поплекался на прогревом песчаном мыску.

– Красота, – приговаривал он, – красота!

– Ну, что!? Ну, что!? – кричала Катя. – Съел, рыба кровь. Разве можно все это принимать как должное, не обмирать душой?!..

...Лето пролетело, как один день. К страхам и предчувствиям Катя больше не возвращалась. В сентябре они собрали урожай, часть картошки зарыли в яму, уложенную соломой, закрыли в доме ставни, повесили замок. Знакомый дачник отвез их на машине на вокзал, в город. Мама Нюра уже довольно резво передвигалась, лишь слегка опиралась на палочку. Она самостоятельно поднялась по лестнице на третий этаж. Дверь открыла Вера, слегка припухшая, но вполне трезвая. Мама Нюра покачала головой.

– Все гуляете?

Дочь отмахнулась:

– Спала плохо. Вениамин бузить начал, в деревню потянуло.

– Ну и приехали б. Красота какая там!

– Вижу. Вижу, – она оценивающе оглядела маму. – Отдохнули, ну и слава богу.

Вечером проводили Катю с Ореховым. Мама Нюра попросила по приезде обязательно дать телеграмму....

...Но телеграмму страшного содержания они получили лишь через месяц от сослуживцев Кати: «Орехов зарезал Катю, срочно сообщите условия похорон, где и когда»....

Весточку принесли, когда дома была одна мама Нюра. Пришедшие после работы Вера и Вениамин застали ее лежащей на полу, в неестественной позе, с посиневшим лицом. На похороны в Мурманск ездила Таня. Верка с Вениамином запили, но успели оформить отпуск, чтоб с работы не выгнали, мать свезли в больницу. Она не двигалась и не говорила, смотрела в одну ей ведомую точку, лишь иногда мутная слезинка сбегала по щеке. Приехав из Мурманска, Танька попала на похороны мамы Нюры. Верка с Вениамином запили до безобразного состояния. И на Таньку легли все заботы о похоронах. И если Катини организовал горздрав, и множество друзей и знакомых помогали, то тут пришлось колготиться ей одной. И так темная, как грачонок, она осунулась, похудела. Бегала, везде успевала и за всем доглядывала. Верку и мужа отвезла к себе на квартиру, чтоб не мешали, давала им денег на бутылку. После похорон слегла с сердечным приступом в больницу. Через неделю явилась Верка: распухшая синяя рожа, грязные космы торчат из-под вязаной шапки, глаза, заплывшие, мутно белели под набрякшими веками.

– Ты зачем приперлась? – зашипела на нее Таня. – Век вас не видеть, паразиты....

Верка шумно выдохнула, подвинула табуретку, села.

– Расскажи, что там случилось? Что с квартирой?

Таня с нескрываемым презрением смотрела на сестру.

– Квартира тебя беспокоит! Ты, паразитка, во всем виновата! Катке всю жизнь исковеркала, маму травила. А теперь о квартире беспокоишься! – Помолчала, успокаиваясь. – Не нашли его, исчез, как и не было. Может, с собой что-нибудь сделал?... Какой-то он ненормальный был... А квартиру... Поезжай, если очухалась, твоя квартира. Пропивайте... и больше ко мне не ходи. Знать я тебя не хочу.

Верка шмыгнула носом:

– Не гневись, не знаю теперь, как жить... Венька в наркологию.

– Он хоть поумней... ложись и ты.

– Лягу. Вот съезжу в Мурманск и лягу.

Гошка пропал... Котельная Лесика дымит... Исчезновение бомжа и смерть медсестры наркологического диспансера в 1996 году – явление... миг... Фатальная неизбежность....

Норильск, январь 2001 года

Владимир СОЛДАКОВ

Родился в 1949 году на Украине. На Таймыр приехал в 1979 году после окончания Ленинградского государственного университета. Профессиональный журналист, более двадцати лет работает в окружной газете «Таймыр». Публиковался в центральной печати, на страницах краевых и окружных газет, в альманахе «Полярное сияние». Живет в Дудинке.

ХАНТАЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Бедной, до невозможности скучной становится жизнь, когда дни проходят привычной чередой. Потому и люблю дорогу, что за каждым новым ее поворотом открывается многогранный мир, вызывая всегда невольное удивление или разочарование, улыбку или грусть.

От пройденного пути непременно остается масса впечатлений, пусть даже маленьких, но открытий. А память долго еще потом хранит встречи с людьми, о которых, может быть, не узнал и не написал никогда, если бы не дорога. В большинстве случаев коротки и непродолжительны эти встречи. Они порою настолько мимолетны, что успеваешь сделать лишь коротенькую запись в блокноте, в остальном же полагаешься на свою память.

Удивительно, но именно они дольше всего и остаются в сердце. Бывает, нахлынут вдруг воспоминания, оживут лица людей, даже зазвучат голоса тех, с кем познакомился в каком-нибудь захудалом аэропортишке, в вертолете, на переправе или просто, греясь у костра, выкурив на двоих сигарету.

Эти встречи во время странствий и скитаний всегда располагают к откровенности. Люди, с которыми свела на какой-то миг судьба, словно открытые книги, где буквально на каждой страничке – загадка или маленькая тайна, жизненная суть, глубинный смысл явления. В любой другой обстановке они бы вряд ли проявились. И так бы остались незамеченными...

СЕМЕЙСТВО КОЛОМАЖИНЫХ

– Не пора ли перекусить да отдохнуть малость? – спрашивает капитан Коломажин у оставшихся на «Секрете» после очередной погрузки-выгрузки.

И поняв, что иного ответа быть не может, сам себе отвечает:

– Будем есть. Но еду сперва надо поймать. Зайдем на Чипок, наловим гольцов, нажарим-напарим, уши наварим. – И уже обращаясь к жене, добавляет: – Готовь посуду, Муза!

... Чипок – это горная речушка, впадающая в Хантай-

ское озеро и резво несущая в него свою быструю воду, разбрызгивая стремительные струи по отполированным камням-окатышам. У самого ее устья въезжает с разгону на прибрежную гальку наш юркий теплоходик. Муза Дмитриевна гремит в недрах кубрика кастрюлями и сковородками, а Коломажины, большой и маленький, готовят спиннинги. Николай с торжественно-загадочным видом и мне один такой вручает.

Закидываем блесны в прозрачную на удивление воду прямо с кормы. Очень сомневаюсь в том, что здесь что-нибудь можно поймать. Все же видно до самого дна...

– Молодец, Егор! – слышу за спиной голос Коломажина-старшего. – Тащи его потихоньку на палубу.

Оглядываюсь. Егорка ловкими движениями уже вытаскивает изо рта хищной рыбы блесну, выдавливает рыбий глаз и насаживает его на острие крючка-тройника...

Но вот резко дернулась леска моего спиннинга. Он чуть было не выскочил из рук. Кручу катушку. Крупный хариус зигзагами ходит по воде.

И пошла рыбалка! Никогда раньше не приходилось видеть такого жадного клева. Густой рыбный косячок хорошо просматривается в воде. Гольцы, хариусы кидаются на блесны с каким-то остервенением... Чудеса да и только!

Но уже вечерет. Рыбы, для того чтобы поужинать, наловили даже больше, чем нужно. Придется солить, что тут же и собирается сделать Николай. Лишнего же нам не надо, даже если это первое по рыбным запасам озеро в России.

– Рыбы – тоже человеки, – шутит Николай Николаевич, сматывая леску на катушку. – Отчаливаем минут через пятнадцать. Ужин будем готовить на ходу...

– Да все уже готово, – перебивает его Муза Дмитриевна. – Идите есть!

Оказывается, мы с утра ничего не ели. И потому усаживаемся за стол в каюте с самыми серьезными намерениями. Мне очень неудобно, потому что все уже как-то быстро поели и пьют чай, а я все никак не могу оторваться от жирнющих оранжевых кусков.

– Ешь, не стесняйся, – говорит Коломажин-старший. – Я сам, когда в первый раз гольца попробовал, тоже не мог справиться с аппетитом. Потом долго еще после этого не хотел смотреть на него. Белая рыба – другое все же дело. Она не приедается никогда. А ты, видать, впервые ловил сегодня гольцов?

– Угу... – мычу в ответ.

– Я так и понял. Смешно было смотреть, как они из рук выскальзывали. Ведь потому и называется эта рыба гольцом...

– Ну вот. С божьей помощью не остались мы сегодня голодными, – перебивая мужа и как бы подводя итог за столом, говорит Муза Дмитриевна. – Спаси и сохрани нас, боже, и в дальнейшем.

За едой, за разговорами мы и не заметили, как стемнело. Озеро словно провалилось куда-то вниз, исчезло. И только горы горбатой, изломленной грядой, проступали на горизонте.

В темноте отошли от берега в нескончаемое, казалось, пространство. Николай, несколько раз кнутив носом за штурвалом, уступил его Музе Дмитриевне. Сам же, поджав ноги, улегся на высоком сиденье в рулевой рубке.

Чаячи острова, где есть угроза сесть на мель, мы прошли еще днем. До Кутурумакана часа полтора ходу строго по прямой. В той стороне, несмотря на скрывающую озеро темень, хорошо просматривается гора Богорыча. На нее то и держим путь. Идем так десять, пятнадцать, тридцать минут. В тишине, в темноте, под бледно светящимися вверху звездами. Они слабо, но отражаются все же на поверхности озера, не позволяя усомниться в том, что плывем по воде.

Но вот из-за Богорычи стал высовываться огрызок начавшей спадать луны. И чем больше она возвышалась над горой, тем ярче и шире становилась лунная дорожка на воде, на волнах, отражающих ее серебряный свет.

Вспомнились Паши Царькова слова: «Ночью в озере купались звезды...». На сей раз, в озере купались не только звезды, но и плескалась, не стесняясь своей наготы, огромная и такая загадочная луна.

– Вам, наверное, странным показалось мое обращение к богу за ужином, – нарушила вдруг мои размышления Муза Дмитриевна. – Не удивляйтесь, я заметила. Плохо, конечно, всеу бога поминать. Да я, в общем-то, атеисткой была всю жизнь, воинственной даже, можно сказать. Не верила ни во что. Но вот с тех пор, как сошлась с Коломажиным, поверила, что есть какая-то высшая справедливость на свете. Это, скорее всего, не бог в обычном его понимании, а что-то такое, чего так просто и не объяснишь.

Трудно сложилась жизнь у Музы Дмитриевны Верещагиной. Не расскажешь обо всем в подробностях. Обратимся лишь к тому, что осталась она с двумя детьми. Маялась, мыкалась, как все женщины в таком положении. До отчаяния дело доходило. Но судьба свела с Коломажиным. Она

и думать о нем не смела. Молодой парень, только что из армии. Видный, красивый. Вокруг молодых да таких же ладных девушек полно, а он на нее глаз положил. Пожалел, видать, вдову и ее ребятшек. Разговоров всяких-разных в поселке было много, а он ничего не испугался, поступил, как сердце подсказало.

Много уже воды утекло с тех пор. К усыновленным Артему и Дарье прибавились вскоре Наташа, Егор и Машенька. Но Николай Николаевич не делит их на своих и чужих. Все они – Коломажины, все – Николаевичи-Николаевны. Артем не так давно из армии вернулся, крепким парнем стал, помогает во всем отцу, и прежде всего в работе. Дарья тоже уже взрослая девушка. Окончила школу. На выданье, что называется. Незаменимая помощница для матери в домашнем хозяйстве.

О Дарье разговор особый. Чудо-девушка, девушка-талант. До необычайности скромная и стеснительная, молчаливая, прямо какая-то царевна Несмеяна. Во все дни, которые я провел с семейством Коломажиных, ее странным образом не замечалось. Но где, скажите, можно спрятаться на маленьком катере? А ее как будто бы и не было с нами, уж так она умудрялась не попадаться на глаза.

Даша с малых лет сочиняет – придумывает сказки. Многие опубликованы в окружной газете. Центр народного творчества одно время даже собирался издать их отдельной книжкой. Все вроде бы к тому и шло, да случились неожиданно вдруг финансово-экономические катаклизмы в стране... И вот не нашлось, к сожалению, денег ни у городского, ни у окружного отделов культуры на издание добрых и по-детски наивных сказок, сочиненных этой талантливой девушкой из поселка Хантайское Озеро.

Все они очень коротенькие. Поэтому грешно было бы не познакомить читателя с одной из них. Тем более что, как известно, сказка – ложь, да в ней намек. А намек, собственно говоря, о том, чему посвящены и эти мои зарисовки про людей, живущих сегодня у озера и мечтающих о лучшей жизни. Сказка Дарьи Коломажиной так и называется – «У озера».

«На берегу озера жила большая семья: мама, папа и дети. Жили бедно, но все трудились, как могли. Однажды весной пошли девушки за водой на озеро. Смотрят, лежит на берегу барган. Обрадовались и принесли его в дом.

Старшая сестра стала барган тряпкой обтирать, и чей-то голос послышался. Охнули девушки, испугались очень. Барган упал на пол чума, из него выскочил маленький старичок с седой бородой и стал просить:

– Почините мой барган, я вам тоже помогу.

Сказал так и исчез.

Удивились девушки, но решили подождать братьев с охоты и отца с матерью, которые по морошку пошли. А когда все собрались, рассказали они о том, что случилось.

- Ладно, починим, – сказал старший брат.
– Сделаем, – сказал младший брат.

Починили они барган и старшей сестре отдали. Стала она играть на нем. Тут снова старичок появился. Сел на их низенький столик и маленькими ножками в красных сапожках болтает, слушает. Потом ручкой взмахнул – и на столе еда появилась: строганина, солонина, оленина вареная, ягоды разные и даже оленье молоко в большой миске. Вся семья наелась, поблагодарила старичка. А тот говорит:

– Если вам что-нибудь надо будет, поиграйте на баргане, и я приду.

Сказал и исчез.

Через несколько дней, когда родители и братья еще были в тундре – кто на охоте, кто ягоду собирал, – сестры переделали все домашние дела, и старшая снова взяла барган. Заиграла.

– А вот и я!

Старичок тут как тут. Слушает, ножкой в такт мелодии постукивает.

– Хорошо, однако, играешь. Вижу вы люди добрые, работающие. Просите, чего хотите.

– Ничего нам не надо, дедушка. Тундра нас кормит, олени кормят и одевают.

– Вижу сам. Все вы можете, да только вы – девушки красивые, добрые, а женихов у вас нет...

– Это верно, – отвечает младшая из девиц. – Живем в тундре, и вокруг нет никого.

– А вот смотрите, что сейчас будет.

Старик хлопнул в ладошки. Смотрят сестры – в чум заходят два молодца.

– Долгий путь от океана был у нас к вам, – говорит один.

– О вас, красавицы, мы давно прослышали и свататься приехали, – добавляет другой.

Молодцы поклонились и подошли к сестрам. А те зарумянились и глаза опустили: уж больно парни им понравились.

– Ну, как, согласны ли, красны девки?

– Согласны мы, – враз ответили сестры и тоже поклонились. Сначала старичку, затем молодцам.

А тут и родители да братья пришли.

Вскоре и свадьбы сыграли. На торжество соседи с дальних стойбищ съехались.

С тех пор так и живут молодые и их родители. Братья тоже женились. Трудом своим богатство сколотили. Есть у них и олени, и собаки. Все счастливы. А старичок по-прежнему приходит на песнь баргана и радуется, что есть на свете добрые и работающие люди. А еще и тому, что помог стать на ноги таким людям.

Тут и сказке конец.

... Самый старший Коломажин – из рода, больше известного в низовьях Енисея, но теперь уж и в поселке Хан-

тайское Озеро. Здесь жили и работали его родители, потом, правда, переехали в Снежногорск. Отец умер, мать вроде бы еще крепко держится на ногах. Сейчас вот пойдут Николай Николаевич на своем «Секрете» в Снежногорск, чтобы баржу с грузами привести оттуда в Хантайское Озеро, и всех пятерых внуков вместе с невесткой повезет к старушке.

Так оно и получилось. Вернувшись с Кутурумакана, мы забрали в поселке Артема, сказочницу Дарью, маленькую Наташу и, даже малость не отдохнув, отправились тут же в Снежногорск, чтобы к ночи успеть пройти самый опасный порог на реке Хантайке. Николай Николаевич и Артем попеременно вели катер. Порог прошли засветло. Ранним утром прибыли в Снежногорск. Женщины с маленьким Егором отправились к зажавшейся бабушке в гости, а двое взрослых Коломажиных стали готовить свой «Секрет» в обратный путь к родному поселку.

У капитана-механика Коломажина нет особых претензий к жизни. Он считает, что ему здорово повезло. Как ни трудно сейчас, но жить, говорит, можно. По-другому, может быть, сложилось бы все, не сойдись он с Музой Дмитриевной. С этой женщиной, с ее и общими детьми прошел он семейно-жизненную реабилитацию после службы в Афганистане. О той войне Николай Николаевич не хочет вспоминать, но она еще до сих пор, бывает, снится в страшных снах...

Крепкая и дружная семья у Коломажиных из Хантайского Озера. Не сумел я, к сожалению, рассказать подробнее об этих счастливых людях, хотя столько хорошего узнал о них за неделю, проведенную в поселке, на реке Хантайке и на одноименном озере, в котором по ночам купаются звезды.

Спаси и сохрани их бог, как говорит Муза Дмитриевна.

ПРОМЫСЛОВИК ПРОТАСОВ

... Чем ближе подходили мы по лунной дорожке к горе Богорыче, тем выше она становилась. Росла прямо на глазах и доросла до таких размеров, что вдруг прикрыла собой ущербную луну, которой с великим трудом удалось выбраться из-за вершины. Ночь сделалась густой и плотной. Ее, казалось, можно было потрогать руками.

Как бы ощутив опасность, Николай Николаевич Коломажин сразу же проснулся. Отстранив от штурвала Музу Дмитриевну, он сбавил ход резво бегущего катера и стал пристально всматриваться в темноту.

– Молодец, Протасов! – воскликнул минуты через полторы капитан-механик «Секрета». – Догадался фонарь зажечь. Видите, в-о-о-он огонек?

Но мы уже заметили впереди по курсу ярко светящуюся точку. Так и шли на нее некоторое время, пока на «самом малом» не уткнулись в берег.

На крупном галечнике, в свете судового прожектора,

поджидал нас Владимир Протасов с большим лохматым псом. В резиновых сапогах, в плаще, накинутом поверх легкой летней рубашки.

– Жду вас больше двух часов, – сказал он, поздоровавшись и приставляя к носу катера самодельный трап.

Цыкнув на собаку, которая сразу же стала обнюхивать прибывших, он по праву хозяина провел нас в дом, где на столе у окошка ярко горели две керосиновые лампы с ровно отколотыми верхушками стекол. На столе – кружки с уже остывшим чаем, собственной выпечки хлеб, малосольный голец, нарезанный крупными малиновыми ломтиками. Мы, в свою очередь, выставили сушки и конфеты, заранее припасенные в поселковом магазине для такого вот случая. Чай, разумеется, пришлось подогревать заново.

Пока Николай и Муза обменивались с хозяином новостями, я, не мешая завязавшемуся разговору, старался повнимательнее разглядеть Протасова. Столько слышал хорошего и удивительного об этом человеке, а увидевшись с ним все никак не удавалось.

Как-то один раз зимой мы приезжали на Кутурумукан с участковым врачом. Тогда, помнится, потребовалась срочная медицинская помощь напарнику Владимира – Анатолию Копытову. Протасова, к сожалению, на точке не застали.

Согревшись чаем, Коломажины ушли ночевать на «Секрет», а хозяин, снова наполнив водой опорожненный чайник, поставил его кипятить на металлическую печку-самоделку. Как я понял, топить ее можно соляркой через капельницу или дровами, когда солярки нет. Печка с духовкой, в которой Протасов выпекает свой самодельный хлеб, потому что из поселка не навозишься.

– С дрожжами вечная проблема, – возмущается он. – В Хантайском Озере их всегда нет, а в Норильск вот уже третий год не ездю. Да и в поселок тоже давно не заглядывал. Был там в последний раз, кажись, когда сдавал пушнину...

– Материализовал, так сказать, результаты своего труда?

– Какие нынче результаты от нашего труда? – пожимает плечами Владимир. – Так себе – одна насмешка. Не нужны совхозу ни пушнина, ни рыба. Да и гроши-то стоит наша добыча. Туманов все же принял шкурки по сто рублей. По меньшей цене, как он хотел, ни за что бы не отдал. Профессиональная гордость не позволяет.

– А с планом как же?

– Не смейся, пожалуйста. Чем больше сдадут промысловики пушнины, тем больше будут совхозные убытки. Какой там план! Кто его сейчас с меня спрашивает? Не беспокоит никто теперь такими пустяками нас.

Я тоже стараюсь сидеть здесь тихо и не высовываюсь. Как медведь в берлоге. Добываю себе потихоньку рыбу и мясо, но только на прокорм. Тут хорошо сейчас. Редко кто может потревожить...

И правда. Место, где расположена промысловая точка Кутурумукан, глухое. Годы безвыездно живут на подобных этой рыбаки-охотники, а то, бывает, и побольше того. Но все же не в одиночку, как вот теперь Протасов.

Анатолий Копытов рассчитался весной с совхозом и уехал отсюда насовсем. Видимо, правильно решил, что профессиональному промысловому здесь делать нечего. Экономическая ситуация, в какой оказался сейчас совхоз «Хантайский», аховая.

Не подумайте, однако, что забоялся трудностей Копытов. С ними за долгие годы работы он-то уж научился справляться. И никто никогда в совхозе не скажет плохого слова о нем, никто его не осудит.

Впрочем, оставили свои промысловые точки и другие известные рыбаки-охотники. Григорий Анищенко, к примеру, Юрий Тюменцев, Сергей Лузан... По разным, правда, причинам и в разное время. Все же прослеживается во всем этом какая-то закономерность.

Ее-то, думается мне, определил для себя Владимир Протасов со своим аналитически-философским складом ума. Его, кстати сказать, в поселке Хантайское Озеро и в кругу промысловиков называют профессором. И вполне заслуженно, добавлю уже от себя.

Протасов – образованнейший и умнейший человек. Такие люди вообще очень редко встречаются в жизни. Сегодняшний беспорядок в стране и то, к чему мы нынче пришли, он предсказал, не соврать бы, лет пятнадцать тому назад. Помню, секретарь парткома совхоза, всегда веселый и шустрый одессит Борис Кусковальский становился неприкаянным и зеленел от злости, когда его знакомили с «антисоветскими» высказываниями провидца Протасова.

А он уже тогда предрекал смену социально-экономической формации. На цифрах и фактах доказывал, что в девяностых годах мы позабудем о строительстве коммунистического будущего и на развалинах развитого социализма начнем возводить капиталистическое здание. Нам с Борисом, единомышленникам и товарищам по партии, воспитанным родителями-большевиками, даже в голову не приходило, что такое может стать... Хотя, конечно, как и у многих в то время, возникали сомнения в правильности раз и навсегда избранного нашими вождями курса.

О мыслях и сентенциях промысловика Протасова, тогдашних и сегодняшних, боюсь, так с ходу и не расскажешь. Его бы лучше самого послушать. Или сделать магнитофонную запись при случае. Беседовать с ним непросто, ибо для этого требуется напряжение ума и специальная подготовка по какой-то определенной теме. В эту августовскую ночь мне посчастливилось послушать умного человека.

Надо сказать о том, что к нему на промысловую точку у горы Богорычи с разных концов России навдываются

иногда интеллигентные люди, а чаще шлют письма с просьбами. И Протасов, между делом, работает над кандидатскими и докторскими диссертациями по самым различным отраслям знаний. Такой вот он «профессор-самородок».

Любит Владимир искать ответы на замысловатые и сложные, нестандартные вопросы. Он тогда прямо-таки преображается. Куда деваются морщины у глаз сорокапятилетнего и с виду вроде бы ничем особо не примечательного человека!

Странная вещь – он сразу же перестает заикаться, принимается ходить по неровному полу своей охотничьей избы. Зачесанные кверху светлые волосы от резких движений начинают разлетаться, и это делает его похожим на студента-первокурсника.

Жаль, конечно, что не сложилась у него научная карьера. Много сил ушло на бесполезную борьбу с прежней системой, с которой были разногласия в идейном плане. Его предложения принимались под аплодисменты, но только и всего. Дальше дело стопорилось, погрязало в рутинной массе чиновников от науки.

В исследовательском институте, где он пытался «двигать» прикладную ее часть, необходимо было выдавать сиюминутные результаты. Предлагаемые Протасовым разработки требовали времени и напряжения ума целого отдела. Он же был только «мэнэсом», то есть младшим научным сотрудником, к тому же еще и принципиально беспартийным...

Тринадцать лет работает Владимир Протасов в совхозе «Хантайский». Свои богатые знания всего и вся применял и применяет по возможности на промысле и даже в самых обычных житейских делах. Каждому своему шагу, желанию или какому-то внутреннему движению дает научное обоснование.

– Тяжело, признайся, жить тебе, – говорю ему.

Протасов долго молчит, размышляет, выпуская колечками дым привезенного мною в подарок «Беломорканала» бывшей ленинградской фабрики имени Урицкого.

– Как и всем, наверное. Но мне проще, чем другим. Живу в своем отдельном мире, – произносит наконец, чуть заикаясь. А немного погодя, добавляет: – В мире, похожем на тюрьму, которую сам себе соорудил...

«Горе от ума...» – мелькает мысль. Стараюсь ничем ее не обнаружить. Но от Протасова ничего не утаишь – просто читает мысли! Как-то даже не по себе становится от этого.

Он просит не обижаться на откровенность и попытку объяснить своему собеседнику его душевное состояние.

– Не страдай, – говорит он мне. – Тебе сейчас кажется, что все порушилось в прежнем и таком привычном для тебя мире. Вынужден теперь искать жизненный стержень, так ведь? Но не порушился твой общественно-коммуни-

стический ориентир, а только дал трещину, которую стали заполнять клановые интересы. То есть в сознании стали превалировать заботы о семье, детях, ближайших родственниках.

Но это почти то же самое, чем жил раньше, только в урезанном виде. Так что живи и радуйся: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла...». Не повесишься, не сопнешься от безысходности, оттого, что теперь уже не будешь участвовать в строительстве «светлого будущего» для всех.

«Спасибо, Протасов, – думаю про себя. – Утешил...».

А он тут же произносит:

– Не утешитель я, подобно горьковскому Луке. «Господа, если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!...». Так, кажется у Горького?

... Не заметили, как растаяла ночь. Стало душно в прокуренном помещении, и мы вышли на свежий воздух.

Поднявшееся над горизонтом солнце принялось разгонять туман над озером, на склонах горы Богорычи. А он никак не хотел рассеиваться и цепко держался за верхушки берез, лиственниц, а потом все же не устоял: упал вдруг, словно сброшенное на пол одеяло.

Склоны горы обнажились. По ним тут и там выделялись своей совершенно желтой листвой отдельные деревья. А ведь вчера днем, проезжая по озеру, мы любовались сплошной зеленью...

– Ночью, видать, заморозок был, – сказал обеспокоенно Протасов. – Что поделаешь? Лето на излете. Редиска у меня уже третий урожай дает. Смотри, какая славная! Не померзла бы...

Он стал выдергивать за зеленые листья красновато-белые корешки из короба, засыпанного землей. Я же прошел дальше, к парнику, предусмотрительно укрытому прозрачной пленкой. Сверху на пленке образовалась тоненькая корочка льда. Тронул ее рукой – и ледяная пластинка рассыпалась, засверкала на солнце.

– Будет холодной грядущая зима, – сказал уже за столом Протасов, обрезая ботву от головок редиски. – Ранние заморозки, желтые деревья – все признаки к тому.

Я вспомнил о том, что в сумке есть помидор и огурец, купленные еще в Дудинке. Протасов поставил на печку сковородку с нарезанной, но так и не поджаренной медвежатинной. Пока она доходила до кондиции, мы не удержались и стали есть овощи с сушками.

– Впервые в этом году ем редиску. И надо же – на Куртумахане! – невольно похвалил я хозяина.

– А я впервые ем огурцы и помидоры, – как бы в такт к сказанному ответил он.

И мы, не сговариваясь, одновременно рассмеялись. Так, что пепел поднялся над столом из заполненной доверху окурками консервной банки.

– Знаешь, чем был хорош твой советский образ жиз-

ни? – спросил неожиданно Протасов, устраиваясь на высокой деревянной кровати, напоминающей обычные нары. – Тем, что большинство людей, когда видели чужие успехи, размышляли: а чем я хуже других? Теперь же, что очень печально, почти все по-черному завидуют друг другу. Их постоянно гложет одно: а чем же другие лучше меня?

В том и состоит трагедия сегодняшней нашей жизни. Мне это оч-ч-чень не нравится.

На первый взгляд разница в постановке вопроса вроде бы незначительна, а точнее – еле уловима. Но по существу – это два совершенно разных подхода к жизни, два различных взгляда на существование в таком сложном мире. А ведь только первый может обеспечить экономический подъем, счастливую и достойную жизнь каждому из нас...

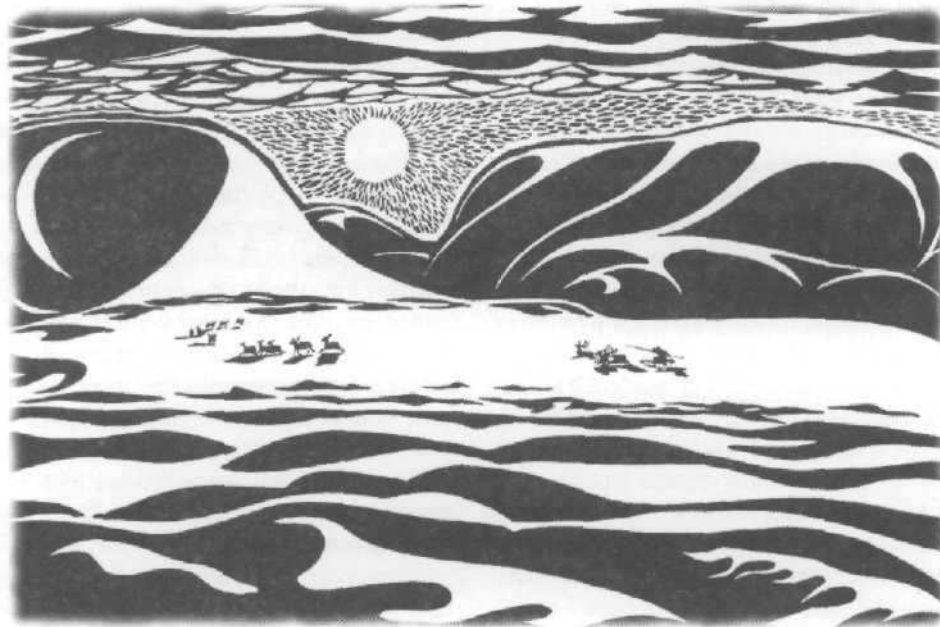
Я уже засыпал на распластанной возле дверей медвежьей шкуре. Протасов все еще продолжал говорить. Что-то про Гегеля, который списывал из каких-то источников цитаты, делая ссылки на них в своих трудах. Про Маркса, «передиравшего» Гегеля без ссылок на него. Про Владимира Ильича, без зазрения совести выдававшего мысли этих философов за свои...

Потом все никак не мог сообразить, поспал ли я хоть минутку. Помнил только, что легли мы ровно в половине девятого утра, ну а уже без четверти девять меня разбудил капитан-механик «Секрета».

– Торопиться нам нужно, – сказал он. – До ночи надо проскочить самый опасный порог на Хантайке, иначе не успеем к завтрашнему утру в Снежногорск. Туманов будет беспокоиться.

Удивительное дело – всего лишь пятнадцать минут сна (да и то были ли они), а усталости совершенно никакой. И не понять, отчего такая бодрость. Может, тому причиной несколько мгновений погружения в глубокий сон, да еще на медвежьей шкуре, под «аккомпанемент» протасовских рассуждений? А может, день такой августовский – прозрачный и теплый? На излете лета, как говорит хозяин Кутурумакана.

... Наш катер проворно отчаливает от берега. Еще долго виднеется за кормой гора Богорыча, у подножия которой в избушке из «листвяка» спит сейчас Владимир Протасов – промысловик совхоза «Хангайский», прозванный в этих краях профессором.

Владимир ЭЙСНЕР

Родился в 1947 году. Работает в госзаповеднике «Таймырский» заведомом экологического просвещения. Публиковаться в периодической печати начал с 1991 года в газете «Таймыр». С тех пор его рассказы и очерки регулярно печатаются в окружной и краевой печати, в альманахах «День и ночь» (Красноярск), «Феникс» (Алма-Ата), «Полярное сияние». Печатался на страницах альманаха российских немцев «Моргенштерн» (Ульяновск). Цикл рассказов вошел в коллективный сборник «Стая» (2001). Лауреат литературной премии имени О. Аксеновой в 1998 году. Живет в Хатанге.

ЛИСТВЕННИЦЫ, КАК ОНИ ЕСТЬ

«...некрасивое оно и колючее, с кривыми серыми ветвями, но я люблю это дерево...».

Хуана де Ибарбуру.

«Смоковница».

От белых снегов мыса Челюскин, от черных скал Ая-Бырранги, от великого синего озера Таймыр спускаешься на юг. Все время к югу и юго-востоку. И все чего-то не хватает глазу в бурой холмистой тундре. Но вот снова блеснула впереди большая вода, и на ней мачты морских кораблей. Это матушка Хатанга-река, каждую навигацию переносит она на своей спине грузы для северян. Теперь резко на юго-запад вдоль левого берега, пока не упруешься лбом в семьдесят вторую параллель, границу между лесом и тундрой.

А вот и они, кого не хватало глазу в твоём путешествии. Темными группами сбегают с холмов пушистые лиственнички с яркими стрелками молодой хвои на концах ветвей и новенькими красными шишечками на макушках. Худы и тонки эти первые посланцы тайги. Не выше человеческого роста и не толще лыжной палки. Крайние деревца к тому же сильно повреждены: кора лохмотьями, обломанные веточки плачут желтой смолой.

Осенью лопаются шкурка на вырванных пантах диких северных оленей, освобождая молодые, гибкие, еще с кровью, рога. Рога эти чешутся, и олени трутся о деревца, причиняя им боль и раны. Но не дано нам слышать друг друга. Как ты не слышишь стонов раненного тобой оленя, так и олень не слышит крика погибающей лиственницы. Но не все деревца засохли, не все погибли. Если сохранился на стволе кусочек неповрежденной коры, обязательно есть с той стороны и зеленая ветвь.

Всего месяц, только месяц в году растет это чудо-дерево. И все надо успеть: на сантиметр вырасти вверх, на во-

лосок вширь, надо заложить новые почки на зиму и дать созреть семенам.

Спускаешься еще на полста километров к югу и юго-западу, и вот вдоль реки, пока только вдоль реки – у воды теплее, – уже пошел настоящий лес. Но теперь лиственнички (а это все еще лиственнички) становятся толщиной в руку и ростом до семи метров. И все меньше растут они группами, а все больше разбегаются поодиночке: людей посмотреть, себя показать. И каждая одевается на свой лад, и у каждой свой характер.

Вот стройная красавица с густой хвоей и симметричными ветвями, а перед ней тоненькая школьница вытянулась веточками навстречу идеалу и согласно кивает вершинкой. Бедняжка! Так и останется на всю жизнь односторонней, с ветвями, повернутыми в одну сторону.

Вот пышная барыня средних лет, высокая и надменная. Важно, с достоинством качает она тяжелыми ветвями под восторженный шепот соседок, но сивый старческий мох уже прошил ее юбку.

Вот согбенная старушка... Извините, не старушка, а просто досталась девушке квартира на склоне оврага. Зимой заносит ее сугробы, а тяжелые весенние снега согнули ствол в колесо. Отвернулись от нее подружки, презирая за уродство, но она молчит и знает, что придет и к ней долгожданный принц в образе пастуха-оленевода. Глянет и ахнет от неожиданной удачи и сделает из ее согнутого тела, необычайно прочного от постоянных лишений, отличные полозья для нартов. И увидит она другие стойбища и костры, услышит смех детей и лай собак, блеснет перед ней игла огня из дула карабина и наедут полозья на свежую оленью кровь. А товарки ее разве что на дрова пригодились.

Вот еще одна с поломанной вершиной, так густо разрослась – хоть шалаш устраивай.

Вот другая, раскидистая, как тот дуб у Лукоморья. Под ней пастушок-долганыч читал Пушкина, и дерево наслушалось сказок...

Вот под кроной зеленой мамы рассыпались лиственнички в зеленых костюмчиках, вот молодой боец держит упавшего товарища, вот вповалку лежат, опрокинутые жестоким хиусом, но все они зеленеют уцелевшими ветвями и все тянутся вверх, к свету!

А вот еще печальной картина: трое над берегом ручья, и одна наклонилась в падении. А черный нижний сук не поддерживающим, а отталкивающим жестом протянулся к товарке. Что ж, и у людей так: падающего толкни!

Чем ближе к поселку, тем больше больных, искорененных тракторами деревьев.

Подходишь к месту катастрофы: от сильного дождя обвалился большой участок глинистого берега. Деревья, большие и малые, лежат на речном песке. Наклоняешься посмотреть. Да, все корни оборваны, но песок влажен и хвоя в последний раз зеленеет. И жизнь продолжается. Один корень облюбовал себе для убежища заяц, под другим свила гнездо трясогузка, под третьим отдыхают куропатки. Под поникшими кронами видишь вдруг синие ягоды голубики и брызги красной смородины.

Конечно, тела этих обреченных унесет весной в океан, в Лету, беспощадный паводок, но пока они живы, они стойко выполняют свое назначение расти и зеленеть, давать приют усталым путникам и укрывать собою малых сих. И пока есть на свете лиственница, нет повода для отчаяния.

Дальше на юг не стоит спускаться. Там уже тайга. Там совсем другая природа. Там такие лиственнички – шапка падает! Там уже растут ель и знакомая с детства береза. Но тебе всех милее эти, стоящие на самой границе Арктики, деревца. Всего лишь месяц, только месяц в году растет твоя лиственничка. И все успевает. И почки новые заложит, и семенам даст созреть, на сантиметр вытянется вверх, на волосок вширь, и, если положишь руку на темную шершавую кору, погладишь заплаканную поломанную веточку, сами собой придут на память знакомые с детства строки поэта: «Судьбе... за все я равно благодарен, у Бога счастья не прошу и молча зло переношу».

ШИПЫ И РОЗЫ

*«Женица, как виноградная лоза,
не может жить без опоры».
Восточная пословица.*

В тундре слышно, как мышшь пробежит. Аэропорт Внуково гудит, как море штормовое. Чемоданы, баулы, сумки. Толчея у камер хранения, справочного бюро и газетных киосков. Загорелые южане и северяне с шубами на руках.

Зоркие взгляды таксистов, юркие спины носильщиков, а у выхода предлагают тюльпаны.

Владимир Гердт, прилетевший утренним рейсом из Диксона, первым делом обзвонил несколько гостиниц, в надежде устроиться на два-три дня в столице. Равнодушно-знакомое «мест нет» не испортило, однако, хорошего настроения и первых впечатлений от «материка».

Начало июля. Сквозь гул турбин тихо шел «слепой дождь», и глаз, уставший от черно-белой Арктики, радостно встречал густую зелень берез, яркий лак автобусов и золотого кучевых облаков.

По опыту прошлых лет Гердт знал, что потом опять появится печаль при виде желтых, задохнувшихся от выхлопных газов березок вдоль шоссе, усталость от шума и великих людских толп, жалость ко всем этим людям, жителям больших городов, большинство из которых никогда не дышали настоящим чистым вкусным воздухом, никогда не пили настоящей чистой вкусной воды, никогда не замирали над текущим потоком, никогда не слушали голос великой древней тишины, никогда не имели счастья ощутить себя частью целого, «одним из», глазом и ухом бытия...

Но все это придет потом. А пока что перед ним на столике в кафе-закусочной, на втором этаже, экзотический напиток кефир и копченый чир – обычная еда промысловика. А за окном, на площади, никаких тебе тяжелых шуб и мохнатых шапок, никаких тебе унтов и валенок, а сплошь пиджаки-рубашечки да легкая обувь. Хорошо!

Молодая женщина сверкнула у столика голыми до плеч руками:

– Не помешаю?

– Ну что вы... Пожалуйста!

У нее на подносе тот же напиток. С булочкой. Глянула раз-другой на бородинку, на темные, в трещинах, руки, на мальи ножичек. Разломала булку, взяла стакан.

Владимир быстро нарезал рыбу ломтиками и с шутивым полупоклоном понес даме:

– Угощайтесь. Свое. Домашнее.

– Спасибо!

Взяла сочный, прозрачный, с капельками жира кусочек.

– М-ммм! Да вы специалист!

– Дело нехитрое. Не закоптишь – испортится! Закоптишь – сохранишь.

Она взяла в руки ножичек. На рукоятке из кости прихотливо вырезана голова бегущего оленя.

– Тоже вы делали?

– А кто же? Сам.

– Это ж сколько надо времени, чтобы по твердому так тонко вырезать?

– Что ж... Зимой, как задует дня на три-четыре, рад себе занятие найти. А мамонтова кость, если в уксусном растворе вымочить, мягкая, как мыло. Режь – не хочешь!

– Значит, вы зимовщик?

Он улыбнулся ее настойчивости и кивнул, отметив про себя местное, употребляемое лишь на нижнем Енисее слово. По всей остальной Сибири чаще говорят «охотник» или «промысловик».

– Да. Весной и осенью – рыба. Зимой – рыба, песец, олень, нерпа. Хватает работы.

– Разве один на зимовке?

– Один. У нас многие по одному. А если вдвоем, то с женой или братья. Мужики ведь редко уживаются между собой подолгу... Есть и целыми семьями живут которые. На зиму детей в интернат, а летом в тундре раздо-о-олье!

И продолжил с откровенностью случайного знакомого:

– Мы ведь тоже сначала втроем жили. На полгода только и хватило пороку. Печка. Дрова-зола. Воду греть. Стирать руками. Ни телевизора, ни товарки какой покалякать. Не в масть современной женщине... Взяла малого – да на материк! Через год приезжаю – «замужем!» Развелись... Приезжаю, вот, беру сына и на море! Не препятствует, и то ладно!

Он замолк. Господи! Год сына не видел! Так быстро растут, так быстро меняются дети... «Папка приехал!» Бегит навстречу – рот до ушей!

– Руки-то у вас... надо кремом их. Кожу смягчить. Тогда трещин не будет.

– Какой там крем! – Владимир подхватил деликатную перемену темы, – когда рыба идет, сутками в воде полощешься, да еще шкерить, да солить, на вешала, да с вешал, в коптильню, из коптильни. Морока!

Он допил свой стакан, а собеседница, будто испугавшись, быстро допила свой.

На столике оставался добрый пласт рыбы. Гердт завернул его и протянул женщине:

– Возьмите для домашних своих. Берите, берите, я рад что вам понравилось.

– Домашних-то немножко... малой да кошка, – грустно ответила женщина. – Спасибо! Скажу сыночку – дядя северный угостил...

Тут только Гердт впервые внимательно глянул на собеседницу. Лет 30-35. От крыльев носа к губе чуть заметная первая морщинка. Не загар, как подумалось вначале, а природная смуглость кожи. Ладная и крепкая. На всем тонком лице, от темных глаз до уголков губ чувствуется тщательно скрываемая и оттого еще более заметная давняя глубокая усталость.

Или дома нелады или работа тяжелая. Впрочем, если мать-одиночка... Ничего от расхожего образа бойкой деловой москвички не было в этой случайной знакомой. Транзитница... Интересно, куда летит? Но вслух сказал:

– Если вы лучше меня ориентируетесь в Москве, то подскажите автобус до ближайшего метро, а то я тут порядком все подзабыл.

– Подскажу. Я ведь москвичка. Только, если вы решили приедаться, то надо не в ГУМ, ЦУМ, а в Олимпийскую деревню, там центр моды «Люкс».

– Именно это я и собираюсь. В пух и прах разодеться. Но для меня авторитеты ГУМ, да ЦУМ.

– Правильно. Это магазины для приезжих. А хорошее наше и импортное найдете только в «Люксе». И выбор богаче.

Оба уже спускались по лестнице. Под пушистым завитком на шее женщины блеснула тонкая цепочка, Владимир вдохнул запах густых волос и так вдруг всколыхнулось давнее забытое, домашнее, женское, так вдруг припомнилось все, что приносит в мужской мир женщина, таким обкрадыванием себя показала вдруг холостяцкая жизнь на дальней зимовке в голой промерзшей тундре, что э-э-эх! – пришлось срочно шагнуть в сторону, якобы за газетой...

Она тоже почувствовала перемену в нем и, пока он выбирал и расплачивался у киоска, еще раз зацепила внимательным взглядом его опущенное лицо и тяжелую крепкую фигуру.

Владимир отыскал ее глазами и взмахнул рукой. Подошла.

– Знаете, я там живу. И работаю. Штукатур-маляр. Мы строили комплекс, а потом, после олимпиады, там же, в Деревне, и квартиры получили. Если я вам не сильно надоела, провожу и помогу выбрать что надо.

От волнения она слегка придыхала и прикусывала нижнюю губку. И эта розовая губка, пухлая и нежная, без всяких следов помады, с белой каемкой и пушком в ямочке, как-то сразу глянулась и запала в сердце...

– Женский глаз верней. Да вы и не производите впечатления очень практичного человека. Сегодня суббота. До пяти вечера я свободна. К этому времени шеголь будете на загляденье. Идет? А зовут меня Ниной!

Ну что тут будешь делать! Оставалось лишь согласиться и пожать чуть дрожащие теплые пальчики. «Как бычок на веревочке!» – усмехнулся про себя Гердт, следуя за Ниной к выходу. Но озорное мальчишеское чувство предстоящего приключения уже ожило в нем и толкало к действию. Приятно же вновь почувствовать себя интересным мужчиной и окунуться в волнения прошлых дней. У выхода он купил тюльпаны.

– Ах, спасибо!

Она зарылась смуглым лицом в букет и радостно стрельнула в него поверх цветов глазами. Совсем так же, как его Люба много лет назад...

В универмаге выбирала Нина, а Гердт лишь укладывал вещи в сумку, улыбался совершенным вахлаком да успевал туда-сюда крутнуться перед зеркалом.

В такую игру играли до обеденного перерыва в магазине. Под конец он захотел выбрать ей подарок, но она решительно отказалась. И чувствовалось в этом ее отказе свое твердое жизненное правило, а не желание поманерничать и уступить, и Владимир не стал настаивать. После просто гуляли по улицам, зашли обедать в кафе, время приближалось к пяти, но слова расставания не выговаривались. Он крутил в пальцах чашечку, она теребила ска-терть, цветы тоже поникли на краю столика.

– Знаете, – он вдруг улыбнулся простой и правильной мысли, – вот вы не позволили подарок себе, но сыну-то игрушку можно? Сколько ему кстати?

– Пять, шестой. – Она вскинула посветлевшие глаза. – Только не шикуйте. У парня все есть.

– Конечно, все есть! Когда «все есть», самое интерес-

ное у соседского мальчика, по себе знаю. Скажите дом, я встречу у подъезда.

Она раздумчиво проговорила адрес, еще что-то сказали друг другу, думая каждый о своем, и разошлись.

Выбрав подарок, Владимир купил еще фруктов, клубнику, кусок желтого домашнего масла, сметану, сливки, молоко. Пакетов набралось столько, что пришлось и сумку купить. Так с чемоданом, коробкой и сумкой, — полные руки, простоял он у подъезда довольно долго. Наконец, подошла Нина, ведя за руку вялого заревавшего мальчишку лет пяти.

— Вот, пожалуйста! Обиделся, что поздно пришла. Суббота, друзей пораньше разобрали, один остался — и реву! Это взрослый-то парень, в пять лет! Ну, хватит! Еще подумает дядя Володя, что ты плакса!

Гердт остро почувствовал свою вину перед ребенком.

— Такие дела лечатся просто. Клубника — лучшее лекарство от тоски. А как тебя зовут?

— Захар, — отвечал мальчик, благосклонно принимая пакет и запуская в него руку.

— Стоп-стоп, сначала мыть! А что надо сказать?

— Спасибо, — буркнул Захар.

Дядя как-то не очень его заинтересовал. Так себе дяденька. Борода, правда — во! Бармалей! Интересно, что у него в коробке?

В однокомнатной квартире на третьем этаже уют и домашнее тепло. Вежливый Захар принес дяде тапочки. А дядя — ну точно Бармалей! Сразу позвонил!

— Чтобы что? — поджался Захарка.

— Чтобы узел разрезать. Так затянула продавщица — ногти обломал!

— Не надо ножом! Я ловко развязываю! У Витьки Симчука тоже пальцы куцапые, так я ему шнурки на ботинках всегда сам!

Захар уже приметил темные дядины руки. Дядя, ясное дело, тоже не любитель умываться. Это было понятно и сразу располагало к доверию.

В коробке оказалась — ух ты! — железная дорога! Черный паровоз, зеленые вагоны, блестящие рельсы и шпалы лесенкой! Радость ребенка передалась и Владимиру. Как хорошо в жизни быть мужчиной и быть мужчиной щедрым!

Оба удалились в глубину комнаты и занялись удивительной конструкцией. Заглянула Нина, хотела поставить на столик вазочку с клубникой, но, решив, что ягоды только помешают творческой мысли, ретировалась.

Когда дорога была собрана, Захар извлек из ящика игрушки, и началось повальное катание. Поскольку контролеров не было — в субботу у них тоже выходной — билеты проверяли оловянные солдатики. Они не очень придирались и простили зайцу — где ему в кустах копеечку найти... А он их морковкой угостил. Съели и дальше поехали. А пассажиров много: кукла Наташа с голыми «пупсиками» — («это у нее дети такие, дядя Володя»), старый немножко поломанный генерал («я его в садике выменял на блестящий шарик»), пластмассовая конница с саблями («на вой-

ну едут, а танк на крышу привяжем веревочкой, толстый такой, больше вагона!»). Медведица с медвежатами и бабушкой ихней очкастой, курица и цыплятки да еж с барсуком. А волк один сидит себе в углу, газету читает. А в последнем вагоне поехали старые кубики, два жука да нога от верблюда, чтоб мягче. Ну, так вот...

Лиса цапала куриных детей к себе в корзинку и хочет удрать поскорее, чтоб за кусточком их съесть без соли, а цыплята пицат, а солдатики спрашивают: «А что у вас там? А ваш билетик?» Лиса — ну цапать, ну кусаться! Крик, шум, скандал. Побежал ежик, дергал-дергал стоп-кран, а легкий, никак не может, а барсук сразу ка-ак дерганет! Тут все кувырком, даже генерал с кавалерией! А волк сидит как ни в чем не бывало. Он свою ногу вокруг скамейкиной ноги заплел и не падает!

Тут курица прибежала: «Квох-квох, где мои дети и папа ихний, петух со шпорами?» И пустилась лиса бежать!

Из кухни доносилось постукивание ножа о разделочную доску и легкий шум воды. Когда Владимир поднял голову, Нина стояла в дверях с луковицей в руке, серьезно с грустью смотрела на мужчин. Глаза ее подозрительно блестели.

— Мама! Смотри, какой сильный паровоз! Все тащит! И танк! Сейчас деревню будем строить. И лес. И дом баба-ягинный там, в лесу. А чтоб не плакать, когда лук чистишь, надо ножик в холодной воде полоскать, сама говорила, а клубнику можно?

— Вот иди-ка, займись клубникой, а дядя Володя пусть отдохнет с дороги да вымоется: там ванна ему готова.

Увидев, что дядя тербит бороду, Захар попросил:

— Только не сбрасывайте! Завтра в Бармалея играть. Так — привязывать, а так — готовая!

— Эх, уговорил! — Гердт поднял мальчишку и подбросил его к самому потолку, — пойдя, раз мама говорит!

За ужином гость невольно, раз за разом скидывал глаза на хозяйку. Нарядную, светлую, милую.

— Мама, у нас праздник сегодня?

Захар ел клубнику, откусывая от ягодки кусочки, как взрослый человек от яблока.

— Праздник.

— Потому что дядя Володя приехал?

— Потому что гость — всегда праздник. Что ж ты ужин с клубники начинаешь? Кто ж так делает?

— А пусть... Красивая моя мама?

— Красивая, — подтвердил, улыбаясь, Владимир.

— И в садике наша няня Андреевна так говорит, а Мария Власьевна, на музыкальном которая, куда там, сказала, ни кожи, ни рожи! А сама все время нас ругает и кричит: тише, дети, не шумите, и как вы мне надоели и куда б от вас деться и по-всякому, и еще на баяне играет двумя руками, и ногой топает, и поет, и может всякую песенку и польку.

— Это главное, — продолжал улыбаться Гердт, — а то от вас у любого человека голова кругом пойдет.

Рот у мальчишки не закрывался. Через пять минут Владимир уже знал, как зовут всех его друзей и кто у них

папы, и кто у них мамы, и что к воспитательнице Зинаиде Ивановне, которая недавно у нас, дяденька военный приходил, а она как-то бросит ему цветы назад и плакала в младшей группе, а почему вы, дядя Володя, все время улыбаются?

– Да вот, удивляюсь сам себе: вчера еще был на Севере – снег и лед, а сегодня Москва, тепло и зелень, и знать не знал, что познакомлюсь с таким замечательным парнем!

Тут пошли вопросы. А Север это далеко? Где Лапландия? А дед Мороз курит? А почему он летом не работает? А кто сильнее – белый медведь или бурый? А лев или тигр? А почему у волка шея никак не поворачивается? У оленев рога острые? Как у быка? А шея поворачивается? А россомаха это как будто кошка или как будто собака? Вот черные киты бывают, а белые бывают? А почему? А где у мухи зубы? А когда ноги ам-пу-ти-ру-ют, куда их выбрасывают?

И дальше без перехода:

– Мой папа тоже был северный. Монтажник на высоте. Разбился, когда скользкий дождь, и упал. Я тогда плохо помню, маленький был, сосочку сосал. И мы ездили на могилку, мама там сирень посадила. А бабушка оградку красила. Красит и плачет. И я плакал. Бабушку жалко. А у Витьки Симчука тоже папки нету. Уехал и никак не приезжает...

– Захар, ты совсем замучил дядю, смотри, он поест не успеет.

– Ну что вы! – Владимир обнял мальчика за плечи и притянул к себе. – Мой такой же был... Спасибо, хозяйюшка, за хлеб-соль, пора и честь знать.

Нина вздохнула:

– Сынок, дядя Володя хочет уехать ночевать в гостиницу, а сам даже еще и не знает куда. Разве отпустим мы его на ночь глядя с таким тяжелым чемоданом? Владимир, я вам постелю на кухне, на раскладушке.

– И правда, дядя Володя. Бабушка – всегда на раскладушке. И я на ней во как прыгал! Как диван! А утром – в Бармаля!

– И в парк пойдем! И мороженое! Воскресенье!

– Рискуете вы, Нина, оставляя ночевать незнакомого человека.

– А он знакомый. Свой. Северный. Я ведь родом из села П. под Дудинкой. Может, слышали?

– Слышал, как же. Теперь понятно, откуда у вас северные словечки проскакивают.

Историю села П. Гердт знал довольно точно. Это одно из сел, куда выселили ссыльных немцев Поволжья. Осенью 1943 года сюда, на нижний Енисей, притянули баржу из Красноярска. Людей высаживали прямо на пустынный берег: устраивайтесь, как можете, ловите рыбу, давайте план. Ссыльнопоселенцы, в основном женщины с детьми и подростки, стали долбить себе норы в вечной мерзлоте, спасаясь от непогоды. Но в такой землянке всегда сыро, стены обваливаются, пол превращается в жидкую грязь, и чем жарче топиться, тем быстрее такое жилище разрушается...

Половина «врагов народа» не пережила первую зиму...

Уцелевшие стали строить себе хижинки из местной тонкомерной лиственницы. Вместо печей приспособляли железные бочки или складывали очаги из дикого камня. К 1964 году, когда вышел указ о реабилитации, это был уже процветающий поселок, со своей молочной и звероводческой фермами, дизельной электростанцией и даже огородами. После 1964 года немцы стали понемногу уезжать на «Родину». Впрочем, не все, не все...

Еще раз пристально глянул Владимир на хозяйку квартиры, ища в ней этнические черты своей нации. Шатенка с ровным, почти без складок, овалом лица, темно-карие глаза и смуглая кожа. Среди немцев тоже встречаются смуглянки и даже довольно часто... Гердт с трудом подавил в себе желание заговорить на родном диалекте, а через мгновение уже пожалел, что не заговорил.

– Владимир, располагайтесь у телевизора, если желаете, а мы в ванну, нам скоро «бай».

Лицо ребенка вмиг изобразило все, что он думает по поводу «бай».

– Сказки любишь? – подмигнул ему Владимир.

– А длинная?

– Длинная!

– А про голого короля я знаю и про белых лебедей, и про снежную королеву тоже. Мне мама читала.

– А про черную курицу, которая и не курица вовсе, а министр у подземного короля?

– Как будто она что?

– Узнаешь, что... Только я просто так сказки не рассказываю. Ты мне тоже хоть маленькую, но расскажешь. Идет?

– Годится! – ударили по рукам.

После мытья строительство железной дороги и бабушкиного дома было отложено. Игрушки ушли спать в свой ящик, железная дорога – в коробку. Пошли сказки. Одна, вторая, третья.

– Мама, у нас сегодня сказочный день, правда?

– И правда, сынок, сказочный...

Когда ребенок, наконец, заснул, Владимир и Нина еще долго сидели на кухне за столом. Несколько раз закипал чайник на плите, но чай остывал в чашках невыпитый. О многом было говорено, да все не о том. Уже далеко за полночь Нина ушла в комнату, а Гердт выключил свет и тяжело опустился на раскладушку.

Сон не шел. Говорят, чего хочет женщина, того хочет сам Бог. А ты чего хочешь?

Прошелестел по улице автомобиль. Луч света упал на окно. Черно-белое кружево листвы прошло по стене и, дрогнув, погасло. И вспомнилась другая листва. Нежная, молодая, зеленая. Той давней весной... Яблоня над своей калиткой. Пчелы в ароматном, светлом кружеве. Забор, трава, дорожка к дому – все усеяно матовым свежеепавшим цветом.

– Папка приехал!

Сын бежит навстречу. Руки в стороны. Зубки белые. Волосы вихрем!

Из летней кухни выходит Люба. Всплескивает руками,

Олег ЯРУНЦОВ

Родился в 1951 году в Дудинке. Окончил Свердловское суворовское училище, философский факультет Уральского госуниверситета. Лидер по характеру, в 70-е годы был секретарем Дудинского горкома комсомола, в 80-е – завотделом окружного комитета партии. Со школьной скамьи ценил дружбу, увлекался фантастикой, писал стихи. Через всю жизнь гордо пронес звание суворовца, кадета. Автор книг «Жизнь кадета – путь к справедливости», «Последний аргиш» (2003). В альманахе «Полярное сияние» печатается впервые.

ПОСЛЕНИЙ АРГИШГлава первая
БЕРЕГ ШАМАНА**1.**

Он гнал лодку, пока не кончилось горючее. Когда мотор закашлял последними каплями топлива, Артем направил судно на берег, выбрался за борт на осклизлые камни мелководья. Выдернул походный рюкзачок и оттолкнул лодку на глубину. Мощное течение реки лениво подхватило и поволокло дюралевое достижение человеческой цивилизации вниз по течению, кружа и раскачивая на темно-серых волнах.

Несмотря на прибалтийскую родословную, Артем был малым, как говорят в народе, «с приветом», склонным к таким вот непредсказуемым поступкам. Только он мог после ссоры с женой прыгнуть в лодку и вывалиться на безлюдном берегу, который необозримо тянулся до самого Северного Ледовитого океана.

Полярное лето катилось над тундрой с гулом туч комаров и мошки под едва теплыми лучами незаходящего солнца. Все живое лихорадочно набирало вес и силу к предстоящему испытанию холодом и бескормицей. Выверенный веками биологический цикл не прощал ошибок, выживал только самый удачливый и осторожный. Под тонким слоем мха, между его тонкой подушкой и мертвой глубиной вечной мерзлоты суетились пушистые лемминги. По-немецки их зовут «нисе», то есть «мышь», хотя это нечто среднее по размерам между обычной мышью и землеройкой, обросшей мехом по самые уши. В иные годы лемминга настолько много, что устаешь от их мельтешения и писка, когда они буквально везде непрестанно снуют перед человеком, с визгом насакаивают на сапоги, собаку или оленя. От них зависит численность белого песца в будущий период. В мышинные годы в тундру приходит великий праздник, и даже олень не побрезгует ухватить живой комочек мягкими губами, а что говорить о любом хищнике!

Но наступает день, когда зверьков охватывает страсть к переселению. Голод и талые воды сбивают их в большие полчища, словно невидимая волшебная дудочка из извест-

ной сказки зовет их к безрассудному путешествию, заставляет пускаться вплавь через широкие реки и озера. В такие годы осенью на них нападает непонятный мор, а судьба их как будто predetermined. Если в этот период поймать лемминга, то, несмотря на заботливый уход и обилие корма, осенью он, как правило, погибает. А на следующий год по тундре бродят голодные песцы, и редкой птице удастся вывести, а тем более вырастить птенцов. Тундра кажется опустевшей и онемевшей. Но это происходит нечасто, а теперь праздник жизни продолжался.

Невесть откуда взявшееся изобилие летающих и плавающих крылатых наполнило озерные кляксы ледяной воды, не обращая внимания ни на что другое, кроме своих забот. Ни у кого нет времени на праздную раскачку, без всякого перехода через весну в лето северные растения зацветают мгновенно, как только первый солнечный луч коснется их живительным теплом. Здесь не бывает ошибок, как в лесу, когда на липкую, едва проклюнувшуюся зелень может упасть заблудившийся снежок. Если уж тундра зацвела – значит июнь, а снега не будет долго, уж пару недель точно.

От внезапно возникшего великолепия оторопел чужой непривычный взгляд, когда безжизненная серость вдруг вспыхнет тропическими красками цветов, все зашевелится, запоет и запищит, превратится в изобилие зелени, ягод и биологической массы всех размеров и вкусовых оттенков. Только неоткуда взяться этому чужому взгляду. В тундре все свои, другие в ней гибнут так стремительно, что не успевают поделить своими впечатлениями. А их переживания бесследно растворяются в нескончаемых дальях, возносятся в бесконечность бездонного неба, сливаются в хоре больших и маленьких трагедий, таких многочисленных, что нельзя определить, какая из них чья и какая важнее.

Не без основания считая себя своим, Артем мрачно брел по берегу. Потомок ссыльных родителей, повинувшись инстинкту выживания, а потом и по зову души, он усвоил многое из того, что должен знать житель тундры. Пришло

время, и он с изумлением обнаружил, что намертво прикипел к этому краю. Но, познав премудрости полудикой жизни, толком не научился ладить с людьми, жизнь которых вертелась в словоблудии и мелочных интригах, вокруг теплых унитазов и прилавков магазинов. Мог он, конечно, сбрить бороду, натянуть костюмчик импортный, повязать галстук и выйти в люди парнем хоть куда. Тонкие черты лица, волнистые волосы и серые глаза в оправе очков – никак не подумаешь, что пару дней назад он сидел у дымной железной печурки в балке не первой свежести и ножом выковыривал из банки тушенку, засада неразведенный спирт. Но за два-три дня надоедала эта вся городская канитель, пустые разговоры, непреодолимо тянуло в палатки, где истинный смысл бытия не маскировался в бутфорские наряды, а являл свою суть в каждом происходящем действии.

Недели, а то и месяцы отсиживался он в своей рыбацкой избушке, что приводило к конфликтам с властями, которые безоговорочно считали его браконьером. А теперь вот и Тамара засыпала упреками за беспутное существование, невнимание к ней, детям, отсутствие постоянного места работы и несовпадение жизненных идеалов. Не выдержав огульной критики, Артем в полемическом задоре уронил сервант с парадной посудой, вынес двери и отправился с неясными, но очень даже яркими переживаниями на поиски тишины и понимания.

Нельзя сказать, что он безоговорочно был доволен собой. Где-то там, позади, осталась первая, очень даже бурная любовь, неоправданные надежды стариков, какие-то иллюзорные социальные перспективы и многое другое из того, без чего и так жилось вполне нормально. И даже, подумавшись, много лучше, чем загнанным бытовыми проблемами людям, спящим по коридорам учреждений в поисках смысла жизни, которого там отродясь не было.

Но и здесь, в тундре, что-то важное оставалось мучительно непонятым. Часами можно было находиться в каком-то странном оцепенении, глядя на огонь или воду, ожидая, что вот сейчас удастся вспомнить что-то главное и очень необходимое, без чего дальше нельзя жить, что перевернет все понимание этого мира. Но затухал огонь костра, ветер разносил речную гладь волнами, а воспоминания так и не приходили.

Что и кому он хотел доказать своим бегством, Артем не смог бы объяснить и сам. Словно какая-то темная волна иногда подхватывала его и несла за собой, толкая на странные поступки.

Вот и в прошлый раз, сидели, выпивали с товарищами по ремеслу, говорили, как водится, о женщинах и международном положении. Доказывал Артем всем, что средства массовой информации есть средство для оболванивания широких народных масс руками продажных журналистов, сплошное убожество и непристойность. А в знак протеста подхватил новенький телевизор и, откуда силы взялись, выбросил в мусоросборник во дворе. Ладно, что следом за ним ребята втихую вытащили аппарат и до отрезвления владельца пристроили у соседей. Иначе не избежать бы

военных действий в отдельно взятой квартире.

Свою первую условную ночь Артем провел в полудреме. Ночь на самом деле была условной. Солнце едва шевелилось в зените круглые сутки и только чуть заметные приметы указывали, что наступило биологическое утро, да гастрономический интерес комаров и мошки к одинокому страннику заметно усилился, не оставляя надежд на сон. Не вселял оптимизма тот факт, что нападают исключительно самки. Как говорится, жизненная параллель налицо. Одно утешает, что живут мало. Чужая кровь за километр, они сбиваются в такие плотные облака, что их можно разводить руками. Они лезут в нос, глаза, уши, а шум от множества крыльев насекомых воспринимается как звон или отдаленный гул реактивного самолета. Становится трудно дышать, плохо видно и слышно, лоб, уши, руки полыхают огнем от комариных укусов. Как бы ты ни изнывал от жары в плотной одежде, сбросить ее просто нельзя, а плотный слой комаров на штормовке, капюшоне воспринимается как явный дополнительный груз.

На помощь человеку в наши дни пришли репелленты, особой вязки одежда и даже ультразвук. В ходу старинные приемы «самообороны» – накомарники, пологи для сна и дымокуры. Но отвязаться от гнуса окончательно никакой возможности нет, остается только терпеть и привыкать. И то правда, что тех, кто долго тундру топчет, маленькие вампиры вроде как и не очень трогают.

Комар не только прямой противник человека на маршруте, но и косвенный соперник. Еще ни одному, даже самому опытному, рыбаку не довелось выловить на удочку лучших представителей здешнего рыбьего мира – чира или муксуна. Их желудки до отказа набиты личинками и взрослыми насекомыми комаров, а специализированная диета дошла до такого совершенства, что на другую приманку они не клюют. Остается только провожать взглядом их забавы, когда рыбы тела вылетают на поверхность перед самым твоим носом и гулко шлепаются обратно, оставляя одни легкие круги на воде и разочарованного рыбака на берегу. Близок, как говорится, локоть, но укусить его можно только с помощью сетей, постановкой которых Артем и занимался, вытягивая пудовых осетров и крупную белую деликатесную рыбу.

Так, предаваясь всяким отвлеченным мыслям, Артем выбрел в сторону от берега в открытую тундру по руслу небольшого ручья. Ягель упруго пружинил под ногами, сильно пахло тем непередаваемым запахом, который можно ощутить только в этих краях.

Кто-то осторожно твякнул за спиной. Он оглянулся и увидел песца в неряшливо облезлой шкуре и с недовольным выражением на морде. Видимо, это его участок, и теперь он будет тащиться следом, не прячась, жалобно поскуливая, подвывая и всячески намекая на нежелательность присутствия непрошеного гостя. Зимой он другой: осторожный и временами даже злой, будет, как зеницу ока, беречь свой драгоценный мех, на глаза так запросто не попадет. Летом же он – назойливый и даже нередко нагловатый зверь.

Но вдруг конвой отстал, и в стороне, ближе к берегу, Артем заметил верхушки трех чумов, над которыми растекалось едва заметное марево дымка. Видимо, кто-то из местных откочевал к реке в надежде на рыбалку и заготовку припасов на зиму. После короткого раздумья он подхватил рюкзак и направился гостевать.

Возле крайнего чума его встретила любопытная и молчаливая стайка детей, а навстречу вышел одетый в ненецкую малицу невысокий молодой мужчина, протянул руку:

– Здорово. Какая дорога сюда привела?

– Гуляю, – не особенно покривил душой Артем, но, заметив тень недоумения, поправился, – лодку потерял, надо будет в город выбираться.

– Ждать, однако, придется. Меня Вэнго Лырко Хольмович зовут. Я сам здесь вроде в гостях. Через неделю уходить буду. В чум заходи. Чай будем пить, разговоры говорить.

Лырко пошел вперед и подвел гостя к стоящему немного в стороне жилищу, откинул полог и пропустил Артема вперед.

Чум, надо заметить, – это шедевр архитектурной мысли северных народов. Всего делов: 4–6 нуков, то есть меховой обшивки из шкур оленя; 35–40 нгу – шестов для каркаса; в центре ставится чумо, то есть небольшая железная печка, на пол укладываются доски и шкуры – и готово незатейливое жилище. В любой мороз тепло, никакая пурга его не снесет, встать можно в полный рост, да и много просторней, чем в новомодных передвижных балках. Разобрать такой дом можно за полчаса, что для кочевой жизни немаловажно.

Как ни бились над проблемой современного передвижного легкого жилья для экстремальных условий, так пока ничего толком не придумали. Пришлось Артему раз ночевать в балке на санках. Утром волосы от стены отдирали – напрочь примерзли. А здесь хорошо, даже по-домашнему уютно, хоть и темно.

Для жителя коренной национальности Вэнго оказался довольно разговорчивым и на русском говорил хорошо, почти без акцента. Оказалось, что он недавно окончил юридический институт, получил работу в поселке. Приехал родных проведать, дядю своего.

Вскоре они сидели в чуме в компании с дядей, седоволосым, но бодрым стариком. Вэнго его не представил: по местному обычаю младшему такая вольность не положена. Женщин не было, только старшая из них может сидеть за столом. Но не более. Самое строгое отношение к женщине среди северных народов, впрочем, не у ненцев, а у иганасан. Войти в чум она может только справа, ей запрещено перешагивать через любую вещь, лежащую на полу, а выходить надо строго по тому же маршруту. О женщине пренебрежительно говорили: «та, которая сидит у входа». Здесь, в ненецком чуме, надо ухо остро держать, чтобы по незнанию не оскорбить хозяев.

Живому общению помогала бутылка спирта из заветного рюкзачка, которую разливали в чайные чашки, заедали сырой отборной рыбой, макая в крупную темную соль

– и компания получилась очень даже ничего.

Хоркают за стенкой олени, попискивают дети, течет неторопливая беседа вежливости, уютно и спокойно текут слова жизни. Собеседник своим видом напоминает хрестоматийного вождя индейцев: твердый взгляд, темная, чуть красноватая кожа, седоватые волосы перевязаны лентой, одет в национальную одежду со множеством вышивок из бисера и металлических украшений. И только узкие щелчки глаз и овал лица выдают принадлежность к другому народу.

– А вы здесь, наверное, старший, бригадир? – попытался уточнить статус старика Артем, когда очередной глоток крепкого, привычного на Севере напитка перехватил дыхание, но занял подобающее место в организме.

– Как понимать... Не бригадир, а шаман я, – сообщил старик, переглянувшись с родственником.

Судя по всему, шутить здесь никто не собирался, и Артем слегка растерялся. Ему приходилось много раз встречаться и с долганами, и с ненцами. Среди знакомых был и самый настоящий местный родовой князек, но такого он не ожидал, хотя о шаманах был наслышан. Рассказывали, что стать шаманом может далеко не каждый. Для этого надо быть избранным духами. Избранного духи забирают в другой мир. Голову его снимают и насаживают на верхушку шеста, чтобы он мог видеть все происходящее вокруг. Оставшееся тело разрезают на кусочки, которые забирают себе духи различных болезней. Впоследствии шаман получает власть над тем духом, которому досталась та или иная часть его тела. В общем, натуральный восставший из ада получается. Жуткое дело. И неловко получилось. Проглядел он и инкрустированные костью легкие санки у входа, и белую шкуру, на которой гордо старик восседал, и непривычно богатую посуду.

– Так, значит, ты камлаешь, людей лечишь, так надо понимать? – придя в себя от неожиданности, поинтересовался Артем.

– И лечу, и род свой охраняю, помощь, какую надо, сделать могу. Духов надо много просить. Когда они согласие дают, когда нет, – скорбно поведал шаман, – не всем можно помочь. Богиня Я-небя хранит нерожденные души, определяет жизнь каждого человека еще до его появления в этом мире. И когда она посылает ее на землю на кончике солнечных лучей, уже все решено. Трудно помогать...

– Так ведь и знать надо немало, чтобы шаманом стать, – начал рассуждать Артем. – Вон Лырко, высшее образование имеет, а заметно, что робеет.

– Он знает, что я не знаю, но могу узнать. Я же знаю то, чего он знать не может. Только моя душа имеет право входить в страну теней, доносить до духов и бессмертных душ наших предков беды моего народа. А уж они даруют нам удачную охоту и рыбалку, забирают болезни и приносят удачу, – заговорил старик. – А Лырко совсем городской стал, жизни нашей не знает, отвык...

Тут уж Артема совсем интерес разобрал, такая удача с живым шаманом разговаривать.

– Если ты много знаешь, расскажи, откуда здесь, на

Севере, люди взялись. Уж больно край суровый. Я слышал, что с материка пришли, но как поверить, что из теплых краев сюда можно добровольно было переселиться. Говорят, что сюда вытеснили ваших предков чингизиты, с тех пор ваш род и живет здесь.

Повело от спирта и шамана, подобрел взглядом, расслабился:

– Вижу, хороший ты человек. Так и быть, что знаю, скажу. Говорил мне мой дед, а ему его дед, что первыми на землю пришли не люди, а сильно похожие на них, но много умные и сильные, те, чьих предков мы сегодня зовем сиртя. И было это так давно, когда было в нашем краю тепло и зимой и летом. Тот народ был один и говорил на одном языке. Прямо в океане, дальше на север от этого места, стояла их страна. Были они все счастливы, много еды и тепла. Умели они творить чудеса и летали на железных птицах, а их бессмертные души уходили прямо к звездам.

Шаман достал откуда-то из шкур бронзовую пластину, такую старую, что с трудом можно было рассмотреть на ней изображение чего-то крылатого, похожего на кентавра:

– Слушай мою говорку. Это о них в память сделано. Какое ее назначение – никто не помнит. Видишь, с другой стороны как бы зеркало. Но и не зеркало это, а что – только тому, кто сделал, и было известно. А может, уже не было. Только с этого народа все на Земле и началось. А в середине их страны была священная гора Меру. И была эта гора центром жизни, и от нее по спирали все шло. Посмотри на свои пальцы – видишь спираль на коже, посмотри на наши одежды – много бисера по спирали нашито. В этом главный закон жизни, и храним мы его в памяти своей и даже в теле своем. Потому как мы дети того народа. Даже птицы летят на Север, помнят они о тех хороших краях и память у них длиннее, чем у человека. Мы здесь жили всегда, только все изменилось, холод пришел, много умерло, но много выжило. Потому не верь, что говорят. Мы – хозяева теперь этой земли, но не забыли, от чего все пошло. А пришлый народ здесь есть. Долганы, якуты, русские – все пришли сюда сами, никто не звал. Такая у меня говорка.

– Ну ничего себе, – не выдержал Артем, набулькал себе и сотрапезникам в чашки, потянул кружку с чаем – запить. – А куда народ этот, который до вас был, делся, а если кто и остался, то почему об этом никто не знает?

– Почему не знает. Не раз видели их в тундре. Находили пещеры, где они живут. Есть в нашей тундре и железные коридоры, которые ведут к ним. Увидеть сиртя – большая удача, потому как могут они быть невидимы для человека. Но увидеть одно: мало из тех, кто видел, еще и вспомнить об этом может. А если внезапно его застать и увидеть, большой страх можно пережить. Пропадали люди не раз, а что с ними было, никто не знает. Потому это место Долиной Смерти зовут, такие места в других землях есть. Там открывается дорога в небо, и сторожат ворота злые духи. Опасные места.

Шаман передохнул, выгянул неспешно спирт из своей кружки, привычно задержал дыхание и блаженно сощурился:

– Большая беда с этим народом была. Ушла их земля на дно океана – и только вершину горы Меру можно под водой разглядеть. Все льдом покрылось. Покинули они нашу землю, ушли к своим звездам, но не все. Те, кто остался, совсем другие. Не хотят они зла людям и даже знаний им дали, сколько понять и запомнить было можно. Но человек для них совсем чужой, сильно глупый, как худая сеть, помнит мало, не хотят они встреч с ним, а потому живут сами по себе. Ждут, когда придет время.

– Так ваш народ сиртя подношения делает, когда к гибедеям ходит?

Видел Артем зимой в тундре такие места, похожие на жертвенники. Шесты кругом метров пять стоят, на них черепа животных надеты, а рядом сложены всякие дары. Так, ничего особенного, но мороз по коже отчего-то пробирал. Чужая тайна притягивает, но и пугает одновременно.

– Все знаешь, – удивился шаман, – только это место хэбиде правильно называется, это место для наших духов и для нас. Подземному народу это ни к чему. Нет у людей ничего, чтобы сиртя интересно было.

– Все-таки не верится, что на Севере одни ненцы – коренной народ, не может не быть здесь других племен, которые исконно на этой земле проживали, – гнул свое Артем, – не одни ведь ненцы о древнем народе слышали?

– Не одни, – согласился старик, – по всему миру разошлись предки древнего народа, но знаю я только об одном народе, что с самого начала в северных краях обитал. За большой рекой, куда заходит солнце, жили люди, которые знали тайну древних. Нет их больше: когда пришельцы к ним из других стран войной пришли, все до одного остались они под развалинами своих домов, не хотели покориться, сами себя заживо хоронили. Любая беда в памяти остается навсегда. И от них в память большие курганы остались на земле жилищ, да шаманы еще по тундре о них говорят.

Трудно было себе представить, что такие вещи можно услышать от безграмотного представителя угасающего, по нашим понятиям, племени. Гудела голова от выпитого и услышанного, глаза слипались. Артем еще автоматически отвечал на какие-то вопросы и сквозь охватившую его дрему слушал бормотание собеседника, не разбирая слов.

– Давай, отдохни, все одно язык устал, – посоветовал Вэнго, заметив состояние гостя. – А у нас пока свои дела есть. Потом решим, что дальше делать будем.

В ненецком лексиконе нет слов «спасибо» и «благодарю», его заменяет слово «мась», то есть «хватит», которое и пробормотал Артем, откидываясь на шкурах. И это были его последние слова, прежде чем мягкий круговорот опустился перед глазами и увлек за собой в бездну сновидений, стирая грань между реальностью и фантазиями переруженного мозга.

2.

Вот уже сутки мы шарахались по реке от берега к берегу, без всякой надежды на полноценный успех. А расстояние между берегами здесь в низовьях не меньше десяти километров, а подалее так и вообще чистое море.

Это вам не материк, где полно населенных пунктов и дорог. Почти на миллион квадратных километров чуть больше двадцати поселков, да и те расположены вдоль рек и по берегам озер. Расстояние между ними по триста километров, на оленях семь раз чай попить. Чуть в сторону от воды – и не встретишь человека до конца жизни.

Хорошо хоть катер у нас милицейский, Денис расстался, движок мощный, да и идем мы по течению, скорость приличная. Когда лодку Артема в порт притащили, не поверилось, что вылетел он бездарно за борт. Вода здесь – максимум десять минут на плаву, даже в разгар лета, и идешь на корм рыбам. Оттого местные народы и плавать не умеют, бесперспективно. Уж это Артем намертво должен был усвоить и зубами за лодку до последнего держаться. В прошлом году влетел он на «Буране» в полынью, машину утопил, сам на морозе за сорок ниже нуля в мокрой одежде оказался. Мелкие реки промораживаются у нас зимой до дна, вода меняет русло, образуются наледи и провалы, куда можно угодить и не выбраться. Угадать такое место очень трудно, а на ходу так и невозможно. Артем не угадал...

Понял тогда, что не дойдет. Воткнулся в снег под куст памятником, чтобы проще было тело найти, так и торчал, пока и впрямь не нашли и даже не опоздали. Чуток только хирурги укоротили. Но несущественно, основная функциональность не утратилась, добавилось немного мрачности, и бубнить Артем себе в бороду стал чаще, сам с собой общаясь.

Тундру же уважать и понимать он не перестал. Это к тому, что не может он потеряться, как папуас в Москве, а уж тем более запаниковать в сложной ситуации. Здесь иной форс-мажор, вот и рыскаем мы туда-сюда, поисково-спасательную службу изображаем.

Говорим мало, даже Тихон помалкивает. Нас на борту трое. Мы с Тихоном, то есть Тихомиром, Артему одноклассники и по жизни дружны. Тихон к тому же с ним в каких-то невятных родственных отношениях состоит. Хотя я и раньше всех школу покинул, убыл на обучение в суворовское, а потом немало лет на материке провел, но дружба между нами осталась. Денис, хоть и мент, мой приятель хороший. Проникся ситуацией. Да и заполярники мы все. Здесь родились, законы Севера почитаем выше других. Это на Большой земле мимо путника проедут, охотничий домик без еды и дров оставят. Мы так не можем, не получается.

– Эй, мужики, – не отрываясь от бинокля, замахал Денис рукой, – смотрите, вроде как люди на берегу. Тихон, давай к берегу.

Зашуршало под днищем, взревел мотор, выталкивая судно как можно дальше. Все молчат, потому как рулит к нам по берегу цель наших поисков, Артем живой и здоро-

вый, но без признаков нескрываемого счастья на лице. Знает кошка, чье сало съела.

– Только руками не трогать, – это я Тихону.

Он парень здоровый, но нервный, под два метра, может радости встречи с родственником не перенести.

Но все обошлось, выгрузились, забродили как ни в чем не бывало. Мы уже давно слаженная команда, каждый свой маневр знает. Тихомир начал разматывать закидушки – простую снасть, состоящую из длинной лески с грузилом и несколькими крючками на поводках.

Еще со школьных лет к нему приклеилась кличка Тихон, хотя выглядит он как былинный богатырь. Голубоглазый русоволосый парень, наделенный недюжинной силой, он кроток и покладист в общении, что нещадно эксплуатируется не только друзьями. Его отец был водолазом по профессии. Во дворе его побаивались все от мала до велика, такая грозная мощь исходила от его угрюмой фигуры. Тихомир унаследовал отцовскую статью, но характером был полной противоположностью, отличаясь необыкновенной доверчивостью, а его страсть к многословию выдерживали только друзья. Он постоянно рассказывал о детях, женах и родственниках, знакомых и незнакомых людях, сыпал старыми анекдотами и сомнительными по своей правдивости историями.

Весь этот нескончаемый треп на грани чудовищного бреда казался ему логичной и связной беседой. За годы общения мы научились выключать в сознании звук его голоса и прощать эту слабость. Впрочем, в собеседнике он и не нуждался, довольствуясь присутствием любого живого существа.

Сейчас Тихон, бормоча себе под нос, насаживал на крючки обычных червей, забрасывал леску на всю длину, устанавливал вешки, воткнутые в песок, и навешивал контрольные палочки. Если клюет, то палочка начинала прыгать и скакать. При серьезной добыче могла свалиться и вешка, поэтому конец лески прочно крепился на берегу.

Нашему робинзону это любительство по барабану. Он молча собирает плавник для костра.

– Опять икра, – косится на рыбацкие приготовления Денис.

– И отчего ты такой пессимист? Нет для тебя ни в жизни, ни в людях ничего приятного, – подначивает его Артем, сваливая собранные дрова у костра. Он уже видит, что пинать ногами по лицу его не будут, и включается в общую болтовню.

– Почему? Если даже очень плохого человека как следует обыскать, можно много хорошего найти. Но тебя это точно не касается.

Не слушая их дружеской пикировки, я пошел дипломатично разводить, представляться обитателям стойбища. Но идти далеко не пришлось, навстречу двигалось второе знакомое на этом берегу лицо – Вэнго. В этих краях на человека приходится по двадцать квадратных километров, и встретить знакомое лицо на такую плотность населения – это уже знамение. Лырко никак не подходит под устоявшийся стереотипный образ коренного жителя. Среди го-

рожан бытует пренебрежительное отношение к жителям тундры. Высокомерие старших перенималось детьми. Местных детей почти насильно собирали в интернаты, и там мы, городские, дрались с ними нещадно.

Хоть и родился я здесь, считался сам по местному закону коренным, но не сразу начал понимать, что к чему. До тех пор, пока на коротке не познакомился с тундрой, не ощутил на себе гостеприимство и суровую простоту этих бесхитростных и добрых людей.

Быстро выбило из меня снобистскую дурь: в жесточайший мороз твоя жизнь полностью зависит от того, укроют ли тебя в своем чуме от лютой пурги, не обнесут ли куском вареной оленины, не унижат ли обидным словом. И когда за тонкой стенкой гуляет не надуманная, а реальная смерть, проникаешься уважением к этим людям, для которых школа выживания – не краткосрочные курсы в солнечной Италии, а вековая борьба за жизнь и гармонию с природой. И тогда не замечаешь, что в предложенном супе плавают оленина шерсть, а немытая кружка ходит по кругу.

Вдвойне зауважал я этот народ, когда встретился с Лырко. На моих глазах освоил он правила поведения в чужом для него обществе, решился на многолетнюю учебу вдали от своего рода, вытерпел насмешки и издевательств зажавшихся сынков из столичных теплиц. Видел я, как пришло время – и неровно закосились в его сторону девушки, ощущая своим практичным нутром утраченную их сверстниками дикую силу и надежность. К слову сказать, в европейском костюме походил он тонкими чертами смуглого лица на восточного принца, а привычка говорить по существу выдавала неординарный ум. Не один вечер провели мы с ним, ощущая родство душ и удовольствие от общения, не один кусок строганины разделили на закуску, не один стакан подняли за красоту наших жен, счастье детей и мужскую дружбу.

– Привет, Рваное Ухо, – это по-русски имя его так звучит, хотя уши здесь и ни при чем, – какими судьбами?

– Я дома, а вы, похоже, как Артем, тоже гуляете, – хитро прищурился Лырко.

– Конечно, мимо проходили, решили заглянуть, мы с тобой давно не виделись. Давай к огоньку, твоих соплеменников беспокоить не будем, немного отдохнем – и мы дальше пойдем.

Спустя час уже все сидели в дыму костра, выпивали, как положено, и закусывали из походных запасов. В котелке вкусно дымилась уха из пары срочных выловленных сига и жирной синявки. Оттаяв душой, подначивали Артема, который крепился и не огрызнулся, терпел, бедолага.

– Может, нам его в милицию, к Денису, отправить. На перевоспитание и заработки, – искренне озабочился я.

Наш друг опер с показной серьезностью засуетился:

– Сейчас знаете, какие требования к сотруднику правоохранительных органов предъявляются? Сначала надо выяснить, нет ли у него склонности врать, мошенничать, опаздывать на работу, дебоширить или хулиганить.

– Какая разница, если нужно, то он может быстро нау-

читься, – заступился за родственника Тихон.

Но Денис не отступал:

– Если на заработки, то ему не к нам в уголовку надо, а в ГАИ, потому что в родословной он явно Соловья-разбойника имеет. А тот первым гаишником был, сидел в одиночку у дороги, свистел и грабил. Самое то и будет. И вид у Артема подходящий – не вид, а ночной ужас. Борода, усища, зуба впереди не хватает, взгляд, как у вампира. А у нас хорошего мало. Вон не так давно гонялся за одним. Кричу – стой, он бежит. Пришлось стрелять.

– На поражение?

– В воздух, конечно.

– Ну?

– Что ну, не попал. Поэтому майора и не дали.

– Вас что, предупредительный выстрел не учат делать? – интересуется Артем.

– Как же, учат, – ответил за Дениса Тихон, – он и сделал... в голову.

Когда народ натешился, а жизнь показалась прекрасной и удивительной, временно пропавший вдруг заявил:

– Каюсь, погорячился, вас от дел оторвал. Но я тут с шаманом познакомился, вещи интересные услышал, могу поделиться.

И тут он на полном серьезе стал нам такое заправлять, что только держись. Из всего, что он нам наговорил, следовало, что не знаем мы историю мест, где живем, и нет ничего удивительного в том, что творятся здесь иногда странные дела, а что было в прошлом – только гадать можно. И что цивилизация с нашего Севера началась, и что бродит где-то рядом «снежный» человек с неясными для мирного народа намерениями. Артем не был оратором, а долгие дни одиночества в рыбацкой избушке не способствовали многословию, но его рассказ имел успех. По крайней мере, никто его не перебивал и замечаний по ходу изложения не делал.

Все молчали, соображали, как реагировать, да и кому хочется выглядеть идиотом, безоговорочно верящим в истории для неполноценных романтиков от науки. В живой природе только человек может быть дураком, но не каждый себе в этом признается. Исключений среди нас не было. Но Артем ждал реакции народа, сопел в бороду, блеснул очками, уставившись в пламя костра, грустил в сомнениях быть правильно понятым друзьями.

– А что, сидим в городах и поселках, в большой тундре не бываем. В каждом микрорайоне магазин, школа, детсад, все необходимое под рукой. Охота с вертолета, рыбалка с катера. Большинство пришлового населения вообще живой куропатки не видело, разве на помойках, а долганскую парку и ненецкий сокуй только в музее наблюдает. Хохлы понаехали, чернота, деньги зашибают, криминальную ситуацию усугубляют, на кой им чудеса природы сдались. Считается, что Вилькицкий, Ушаков, Урванцев, Бегичев, Нансен и другие ходки по Заполярью все здесь открыли, описали и сосчитали. Но нет, крохотные ниточки маршрутов проложили даже на карте, что говорить о реальной земле.

Любая территория изучается людьми, живущими на ней, а где эти люди? Раз два и обчелся, народа совсем мало, земля большая, климат для туризма, сами знаете, неподходящий. Наверняка, можно на такое наткнуться, что сам удивишься и всех сильно удивишь, — деликатно и осторожно поддержал рассказчика Денис.

Он прав, болтаться по тундре никто без дела и экипировки не станет. Сделал шаг от оживленной дороги в сторону — и сразу как на другую планету попал. Каждый год десятки людей без следа пропадают. Классический пример — судьба норвежских путешественников. Нашли их тела в километре от поселка. В сравнении с тем, что они прошли до этого, сущий пустяк. Но на этот пустяк уже не было сил, медленно затухали в их глазах огоньки человеческого жилья. Только шаг, только еще усилие, но уже стал для них важнее зов другого мира, убаюкала песня вечности, обещающая открыть истины Вселенной, перед которыми померкнет смысл жизни на земле.

И интуитивно слышит этот зов каждый северянин, страх перед ним загоняет в теплые жилища, заставляет теснее жаться друг к другу, и лишь немногим дано противостоять ему, не уходить в обморочное блаженство, не закончив земные дела, предписанные судьбой.

Тут все наперебой стали случаи необычные вспоминать. И я вспомнил, как однажды летел к побережью, а наш самолет до самой посадки натуральное НЛО вело. Странный такой яркий шар, экипаж и пассажиры поволновались, но трепаться никто не стал, прессы не было. Даже жене эту историю я не рассказывал, решит, что глюки начались, потом месяц о вреде пьянства и курения рассказывать бы стала.

— А что у нас Вэнго молчит? Ты почему сам в шаманы не подался? — прицепился Тихомир.

— Много ты знаешь. Пробовать стать шаманом и правда может любой смертный. Тело такого героя поступает в распоряжение духов, которые варят его в котле, после чего отделяют мясо от костей, а кости пересчитывают. Если обнаруживается лишняя кость, человек превращается в шамана. При другом раскладе кандидат в шаманы должен умереть. Я же совсем не уверен, что у меня лишние кости есть, и не герой я совсем, — вздохнул Вэнго, излагая очередной способ из устного руководства по ошаманиванию народных масс.

Мне однажды пришлось присутствовать на шаманском обряде. Облаченный в особый наряд с множеством подвесок, в головном уборе, закрывающем глаза, шаман колотит в бубен, все убыстряя и убыстряя ритм тревожной мелодии. Гортанно выкрикивает он заклятия, бренчат подвески, замирают испуганные зрители. Шаман, накаченный галлюциногенами из особых сортов лишайника, впадает в самый настоящий транс. На губах появляется пена, возникает ощущение, что его уже нет с нами, и он действительно говорит с кем-то из другого, потустороннего, мира. Он кружит вокруг костра, затем вертится на одном месте и наконец, обессиленный, падает на землю.

Видимых последствий от исполнения магического об-

ряда я не наблюдал. То ли они носят некий скрытый от глаз человека характер, то ли это искусство настолько элитарно, что его содержание понятно только его участникам. Это как с картинами некоторых современных художников — все смотрят и восхищаются, а ты ничего, кроме задницы, намалеванной вкривь и вкось, не видишь. Может, и впрямь надо быть круглым идиотом, чтобы в черном квадрате увидеть нечто вечное и прекрасно эгалонное. Я вот не вижу. Рожденный ползать витать не может. Так же и с магией, не вижу результата — и все дела.

— Не надо по поводу шаманов сильно обольщаться, зачем это Вэнго нужно? Он и так человек уважаемый. На дворе какой век? А не без участия ли шамана ненцы отказались в больнице лечиться? Дикие люди, запугать легко. Везде борьба за богатство и власть, вот и в тундре то же самое. Не меньше трех-четыре веков прошло, как русские купцы пришли на Крайний Север, фактории построили. А что в укладе местного народа изменилось? Ничего. Как был родоплеменной строй, так и остался. Только раньше тебя стрелой могли проткнуть невзначай, чтоб не лез, куда не следует, а теперь у всех ружья и карабины. Может, и могли бы они еще тысячи лет так жить, но не получится, рано или поздно мы здесь в окружающую среду так нагадим, что растворится этот народ в тумане истории. Отсутствие технологического и интеллектуального прогресса — регресс. И он необратим. Остается небогатый выбор — ассимиляция или историческая смерть. Будущее не за шаманами, а вот за ним.

Лишние это рассуждения, Вэнго они и не в радость, а сдержаться не могу. Вечно со мной так, ляпну, что думаю, а потом жалею.

Денис решил еще масла в огонь подлить:

— Шамана подпойли, вот он и наговорил, теперь сам, наверное, жалеет. Опиум для народа. Нет к нашему брату здесь особой любви, да и не за что. Детей насильно в интернат свозим, родители прячут, а мы за ними, как за волками, на вертолете по тундре гоняемся. У них иммунитета к спиртному нет: считай — прямой обман за бутылку рыбы и меха выменивать. Давно ли русских на факториях оленьими упряжками рвали? Если что здесь сказанное шаманом и правда, то сказана она либо с умыслом, либо с оговоркой.

— А мне все-таки интересно, где такая Долина Смерти и что там можно найти, — Артем не унимается, — давайте устроим туда вылазку, а Вэнго нам туда дорогу покажет. *Кайеркан* с долганского языка *Долина мертвых* означает. Это я знаю, бывал не раз, а про Долину Смерти не слышал. Так покажешь? — тормозит он недовольного темой разговора Вэнго.

— Не покажу.

— Как так?

— Слухи все это, я там не был. А если есть, придем назад или нет? Если вернемся, старики будут недовольны, не вернемся — жена и дети. Я еще ум не потерял. Да и что там вам нужно?

— Как это что? Интересно: вдруг и вправду найдем

этих сиртя, узнаем, с чего род человеческий пошел. А если это инопланетяне, я бы пообщаться не отказался.

— А может, это ты — амеба марсианская, а несчастные хозяева как раз по пещерам отсиживаются, как мой народ по тундре бродит? Человек, у которого мало ума, похож на птенца, — вдруг в рифму окрысился Вэнго.

— Эй вы, хорди спорить, давайте по одной за наш интернационал, — пацифист Тихон прервал возникающий скандал и загремел посудой. — Выпьем за нас, как нарочно ведь собрались: один латыш, один немец, один ненец, двое русских.

— По паспорту, — добавил, глянув в мою сторону, причисленный к немцам Денис.

Намекает на мой облик монголоидный, тут точно от русского одни паспортные данные: волосы русые и глаза серые, но овал и рост подводят. Хоть фамилия у меня Павлов и имя вполне русское — Николай, но если покрасить волосы в радикально черный цвет и рта не раскрывать, на восточном базаре можно условно своим сойти.

Между тем, мы хлопнули по одной под тост Тихона, вытащили из котелка разваренную рыбу, разлили уху по тем же кружкам. Хорошо сидим. Если бы мясо комариное на принудительную добавку не шло, вообще кайф. Только вот Денис стал проявлять признаки беспокойства:

— Мужики, любое дело имеет несколько стадий — шумиха, неразбериха, поиск виновных, наказание невиновных, награждение не имеющих отношения к делу. Предлагаю назначить виновным Артема, меня наградить и ехать по домам. Совесть надо иметь, мы тут водку пьем и фантазии разводим, а с меня за катер спросят. На борту договорим.

Денис прав, с него отчет о спасении на водах потребуют. А предъявить особенно нечего, сплошной пикник. Надо отчаливать. Сматываем снасти, заливаем костер и грузимся. Артем поймал намекающий взгляд Лырко, взял лопатку и пошел зарывать под откос берега несгораемые остатки нашего пиршества. Все приустиали, да и честь пора знать, на разбор полетов домой подаваться.

Стал я прощаться с Вэнго, договариваться о встрече в городе. Пока все заняты сборами, отошли с ним в сторону.

— Ты сам веришь в то, что Артем тут наговорил? Сиртя, Долина Смерти, народ неведомый и прочее. Дыма ведь без огня не бывает. Был я в Якутии, слышал от людей про такую долину, называется Елюю Черкечех, со странностями местечко. Вполне возможно, что по Северу такая чертова лужайка не одна.

— Вижу, тебя эта мысль жжет, как комары перед дождем. Да, знаю я, есть одно место в истоке речки небольшой. Обходят его все, говорят о нем неохотно и редко. Но что это за место и в чем его особенность, точно я не знаю. И вам туда ходить не советую.

Он поднял какую-то щепку, начертил на песке схему и написал название речки.

— Ты что, даже вслух не хочешь произносить? — удивился я такой секретности.

Вэнго странно глянул, пожал плечами.

— Ладно, дело твое. Но ты все равно подумай, может, и правда что любопытное там можно найти. Сходим вместе, посмотрим. Ну, это все к слову. До встречи.

— До встречи, семье привет передай.

Над рекой раздался мощный гул — это, разваливая воду на берега, двигалась «морковка», морское грузовое судно ледокольного типа, прозванное так за цвет своих бортов. Без грохота и дыма, плавно и гордо, шла металлическая глыба к причалам нашего родного города. Белоснежная надстройка высоко вздымается вверх, на палубах не видно ни одного человека, словно движется оживший гигант сам по себе, неотвратно и целеустремленно, не замечая нас, маленьких и слабых людей, застывших в восхищении на берегу. Совсем немного — и мы уже видим пенный бурун и толпу чаек за кормой быстрого корабля. Пора и нам пристриваться ему в кильватер и уходить туда, где нас ждут.

Прощальным приветом докатилась до нас волна, выдвинутая весом и скоростью «морковки». Прибой задвигал камни, выгнул из глубины леску не убранных ввремя закидушек Тихона, разметал и запутал по всему берегу. Наш катер вначале взбрыкнул кормой, затем вскинул нос и выбросился на пологий берег. Но уходящая вода не дала ему закрепиться на грунте, приподняла и потянула назад, на речной простор. Раз за разом волны, шутя, перебрасывались между собой небольшой посудиною, пока не затихли, и успокоенная вода лениво не опустилась в первоначальное русло.

Когда мы отходили от берега, на холмистом берегу замаячила одинокая фигура старика шамана. Недвижимо наблюдал он, как наше суденышко, раскачиваясь на встречной волне, уходит в даль чужой для него жизни. Я видел, как солнечные блики отражаются от бронзовых украшений его одежды, но никак не мог предположить, что наши пути пересекутся, и я не раз вспомню эту встречу, ставшую роковой.

Чем дальше отодвигалась прибрежная полоса, тем больше становилось окружающее пространство. Ненасытный горизонт поглощал сиротливые конусы чумов, растворяя и их, и людей в своей иррациональной бесконечности и беспощадном равнодушном величии. Этому миру, что простирался во все стороны, нет дела до человеческих страстей. Мы уходим, чтобы прийти вновь и вновь, но наступит время — и некому будет ступить на эту землю. Все живое непрерывно изменяется. Только нашей короткой жизни не хватает, чтобы заметить эти изменения. И кто знает — может, в старых легендах и мифах кроется тайна прошлого и будущего разумной жизни. И так ли значительно место человека в смене цивилизаций на планете?

3.

С Вэнго мы больше не встретимся никогда. Уговорят его поехать проверять сети, ставленные на осетра, и на полном ходу подтолкнут с лодки в спину.

Будет в смертельном ужасе бить он по ледяной воде руками, не веря, что кончилась его жизнь в этом мире. Что напрасно принял он муки долгих лет учебы в интерна-

те, вчитывался в непонятные слова чужих законов, верил, что сможет начать совсем другую жизнь, чем его братья и сестры. Не захочет смириться его разум с тем, что напрасно баюкали и лелеяли его материнские руки, пела песни занудливая пурга, наполняло счастьем высокое солнце. Не услышать ему голос тундры, не ощутить на руке мягкого дыхания любимого оленя, не наполниться радостью лепета собственного ребенка. В страхе будет просить он пощады, давать немислимые обещания и выкрикивать бессмысленные слова.

Ударится эхо смерти о свинцовые берега, смолкнут на мгновение крикливые чайки, сожмется внезапно сердце друга. Но не остановится бег времени, торопливо сомкнется потревоженная волна, сотрется последний след ушедшей жизни.

И только в последний миг отступят страхи и боль замерзающего тела, приятная мгла окутает сознание. Забаюкает песня понимания, что ничто не кончается бесследно. Бесконечна и бессмертна жизнь, только меняется ее форма, а истинный смысл ее познать можно только там, где нет краткой привязанности к человеческому бытию, где свободен дух и где разум не ограничен физической оболочкой смертного существа.

В глубоких ямах стоят на дне осетры. Вяло шевелят плавниками речные современники динозавров. Много всего хранит их наследственная память, и не удивит тело человека, падающее на их лежбище. Не удивит и легкая усмешка на губах утопленника, ибо с легким сердцем перешла его сущность туда, где кончается действие земных истин и начинается новый виток спирали жизни.

Мария ГРАЧЕВА

Молодая журналистка, родилась в Иркутской области, в маленьком поселке на берегу Ангары. Учится в Иркутском государственном университете, на факультете журналистики, и работает в газете «Таймыр». В детстве писала стихи, сейчас пишет и рассказы. В альманахе "Полярное сияние" публикуется впервые.

ВЕЧЕР НАДЕЖД

В холодильнике валялся засохший кусок копченой колбасы и больше ничего. Он захлопнул дверцу. Есть не хотелось. Было напряжение. Он весь день расхаживал по комнате и то тупо улыбался, то, сотрясаясь всем телом, беспомощно рыдал, то бессмысленно, не шевелясь, смотрел в одну точку. Поскорей бы, что ли, вечер. Вечер рушащихся надежд или вечер воскрешения. Вечер, святой, как божий сын, или проклятый, как дьявол. Вечер славы или позора. Вечер...

В дверь постучали. Он нервно дернулся к двери. Открыл резко и безумными глазами впился в посетителя.

– Привет, что делаешь? – пахнуло в лицо чем-то мешанским и противным.

– Я очень занят, очень занят! Не беспокойте меня! – отрывисто и злобно пролаял он в дверь. И нервно захлопнул ее.

Кто это был? Он не увидел. В глазах мутнело от нервозности и чего-то липкого, страшного.

Резкими шагами он прошелся несколько раз по комнате и рухнул в углу. Обхватив голову обеими руками, застонал. «Срочно надо покурить», – пришло в голову. Вскочил, высыпал наполненную окурками банку из-под кофе в унитаз и дрожащими пальцами вставил в рот сигарету.

Сигаретный дым застилал маленькую уютную комнату. Все здесь было грязным и чужим. Вся жизнь – грязная и чужая. Город маленький и чужой, как и эта комната. Люди все – как этот неизвестный посетитель.

Когда он чувствовал себя так плохо, у него не было друзей. А значит, не было их и когда ему было хорошо. Привык к одиночеству? Не-ет. Когда-то он был женат, у него был ребенок. Он был счастлив.

Молодость дарит нам много прекрасных, незабываемых моментов. Хочется плакать и кричать от счастья, когда тает снег, хочется лезть на крышу. Да что там крыша? Хочется покорить весь мир. И тут появляется Она. Прекрасна, нежна, как лепесток цветка. Она рождает в тебе самые противоречивые чувства. То ты, как Пушкин, готов всю ночь стоять на коленях перед ее кроватью и смотреть, как Она спит, то ты хватаешь ее на руки, и как зверь несешься с ней по улице, не зная, где спрятать свое сокровище.

Она появилась внезапно. Казалось, нет ничего прекраснее, идеальнее. Крохотная девчонка, с вздернутым носиком и маленькими пальчиками...

Он добивался ее взбалмошно, по-детски наивно, как желаемой игрушки. Он добивался ее несколько лет. И, наконец, добился.

Крошечные пальчики, оказалось, были сильными и острыми, милый ротик рождал такие слова, которые пригибали к земле, разрывали на куски, глазки метали молнии...

А миниатюрная фигура оказалась огромной тушей, которая душила, лишала, пилила, сверлила, втаптывала, мяла, поджимала под себя... Но ностальгия... Не по ней, а по себе: такому романтичному, ранимому, ностальгия по своим победам и поражениям мучила его каждый день с тех пор, как они расстались.

Сигарета выжигала кожу на пальцах. Он не чувствовал боли. И все же, хватит курить. Что же тогда делать? Он снова открыл холодильник. Всего лишь жалкий кусок колбасы. «Он такой же скукоженный и несчастный, как я. Интересно, меня сегодня съедят или еще оставят поморозиться?» – вдруг пришло в голову.

И опять дикий ужас навалился на него. Зачем он все это затеял? Куда спокойнее было жить, пусть в забвении, но спокойно. Да о ком из живых сейчас помнят? Хотя бы он сам? От этой мысли он успокоился, медленно сел в тот же угол комнаты и потянулся за новой сигаретой.

Когда-то жизнь бурлила в этом городе. Люди дружно ломали рамки, в которые их втискивали десятилетиями. Люди радовались жизни и совершали друг для друга бескорыстные поступки. И он совершал.

Он жил на куче книг, писал песни, играл в театре, работал. Пусть у него не было ничего своего. Зато были друзья, любимое дело, радостная жизнь.

Сейчас город, как гроб, захлопнулся, и все куда-то исчезло. По инерции он продолжал жить по-прежнему: ничего никому не жалел, не стремился обустроить свою жизнь. Но что же случилось? Неужели люди тоже так быстро изменились? Неужели это возможно? Из «своего» парня, веселого, очень талантливого энтузиаста он стал чудачком. Белой вороной?

Слезы снова катились по его щекам. Сигарета жгла кожу...

– Никогда! – вскочил он с пола. – Никогда, слышишь,

ты реветь не будешь! Это – позор, – прорычал он страшным голосом. – Позор...

...Пыльное зеркало отражало нечеловечески уставшее, напряженное лицо. Полулысая, кудрявая, беспорядочная шевелюра с белыми ниточками седины, заношенный свитер, затвердевший от долгой носки ворот рубашки, трясущиеся губы...

– Я пуст, я нищета... Стучу по груди в пустоте... Себя я утратил, Создатель, Создатель, Создатель! ...Как небо на мои дела плевало, так я плюю на милости небес! – раздавались слова из известной рок-оперы в захлавленной, изгаженной комнате.

Весь город знал, что он – талантливый актер. Один из немногих, кто, наплевав на карьеру, остался в этом городе. Остался один вместе со своим талантом, безденежьем и безысходностью. Тем не менее никому до него словно нет дела. Давно, очень давно театр был лучшим. Гастроли, награды, победы сводили с ума. Сегодня в театре – кучка бездарей. И он. И с каждым годом все труднее и труднее пробить эту высокую стену непонимания, лени, мешающего.

И вот – его первая победа за долгие годы непроницаемой темноты и пустоты. Ему дают шанс вернуться к режиссерской деятельности. Но театра нет. Что режиссер без театра? В короткие сроки он набирает команду из «зеленых» и ставит спектакль.

А сегодня – премьера. Сколько всего недодуманного, недоделанного... Сколько еще не успел объяснить своим «актерам». Со сроками поджимали, как будто назло, чтобы ничего не получилось. Поэтому этот вечер – необычный. Это вечер жизни или смерти. Это вечер надежд. Если сегодня он выиграет эту битву, значит, не умер в нем режиссер, не умер талант. Если...

Умереть – это самое легкое. Раз! И нет тебя. Два! Вот и слава. На всю жизнь. Без подведения итогов. Умереть сейчас – самое время. Умереть после позорного спектакля – смерть во всех смыслах. Так может...

...У двери опять кто-то завозился. Он рванул к ней. Зашел хозяин квартирки.

– А-а, это ты, – с досадой протянул Он.

– Что с тобой, ты ел что-нибудь? – скидывая куртку, спросил хозяин.

– Премьера сегодня! – надрывно и со злостью рявкнул Он.

– Ну и что, премьера... Есть-то надо? – ухмыльнулся мужчина и вытащил из своего пакета батон и банку шпрот.

– Может, по маленькой?

– Да-авай...

.....

– Да тебе уже пора, опоздаешь на свою премьеру.

– А и хрен с ней...

– Иди, иди, нечего... Знаю ведь...

Проклятые, сытые улицы. Сколько в вас ненависти!

Сколько эгоизма и наглости! Вы вмещаете в себя всех: и подлецов, и детей, и несчастных, и больных, и гениев. И невозможно найти в этой толпе того единственного, близкого по духу человека.

Вот кто-то спешит в магазин за куриными окорочками, кто-то торопится к друзьям с бутылкой водки под мышкой, а кто-то плетется с ужасом в глазах навстречу неминуемой судьбе.

Вечер надежд. Или все рухнет, и незачем будет жить, или...

В театре собралось много народа. Все теснились, покупали в буфете пирожные, сдавали в гардероб одежду.

У него подкашивались ноги. Ну вот. Все всем актерам объяснил в последний раз, но только, кажется, все этим испортил... Говорил невнятно, срывался на крик, психовал. «Разве себя так режиссеры ведут?» – подумалось вдруг. Махнул рукой и ушел в зал. Будь, что будет...

Вот он – ад. Содом и Гоморра. Казалось, лицо раскалилось и сейчас вспыхнет. Периодически он постанывал, матерился и тихо всхлипывал. "Все пропало, – думал он. – Выйду, – повешусь".

Вторую часть спектакля он уже не воспринимал. В голове все смешалось. Надежды были разрушены. Актеры играли совсем не так, все было не так. Он находился в полной прострации, периодически глотая воздух трясущимся ртом. Первая за многие годы премьера... провалилась.

Аплодисменты, цветы, несколько вызовов на поклон – всего этого он уже не видел и не слышал. Выжатым, как тряпка, он плелся по коридору с одной только мыслью: «Повешусь!»

У самого выхода его догнал начальник отдела культуры.

– Это – успех! – сказал начальник впервые за много лет. Долго тряс руку, обещал какие-то деньги.

Но он уже совсем ничего не понимал.

«Успех! – крутилось в его голове. – Что же мне теперь делать с этим успехом?»

– Ну, так вы идете? – вырвал его из забытья вопрос начальника.

– Куда?

– На праздничный банкет, я же вам уже говорил.

– А-а... Нет, мне надо немного отдохнуть, – промямлил он.

– Понимаю, – с улыбкой протянул начальник. – Ну, тогда отдыхайте, как следует. А потом, когда отдохнете, приходите ко мне. Обговорим условия нового контракта.

Зрители повалили к гардеробу, началась толкотня. Кое-как попрощавшись с начальником, он вынырнул на улицу. Начинало темнеть. Кое-где уже горели фонари. Воздух был свеж. Жизнь была прекрасна.

– Успех... – произнес он громко.

На душе стало легко и чисто. И почему-то вспомнился кусок копченой колбасы в пустом холодильнике.

ИЗЮМ

– Не хватает в ваших материалах изюминки! – говорил Люсечке Колечкиной главный редактор газеты. Слова эти Люсечка слышала уже много раз. И много, много раз по ее щекам текли слезы, и девушка часто-часто моргала.

– Что это за фраза: «Тракториста из четвертой бригады Вячеслава Егорова за честность, упорство, ответственность коллеги по работе уважают. Имеет он высокий рост и сильные руки»? Все это, Люся, – пустые и никому не нужные слова. Неужели трудно было написать: «Четвертая трактористская бригада славится не мощным видом своего бригадира Вячеслава Егорова, а его упорством, ответственностью и честностью...» Хотя ерунда это, Люся. Факты, факты – вот что главное. Изюминка нужна!

Люсечка уходила, чувствуя ком в горле и рассматривая сквозь слезы перечерканный лист.

По ночам вот уже второй месяц Люсечке снился изюм.

Колечкина жила неправильной, суицидной жизнью. На стене в ее комнате над письменным столом висела репродукция брюлловской «Девушки, собирающей виноград». Настольной книгой был сборничек басен Крылова, одну из которых Люсечка, как молитву, читала каждый вечер. Дочитав до последней строчки, Люсечка рыдала.

Надо отметить, что любая другая девушка давно сбегала бы из редакции и нашла себе работу менее мучительную. Любая другая, но не Люсечка. Колечкина еще со школы привыкла добиваться цели, каких бы усилий ей это не стоило. День рождения Люсечки выпал на обычный будничнейший день, но настроение у нее было совсем не будничное – ласковое солнышко светило в окно, и – о, радость! – изюм не беспокоил этой ночью Люсечкины сны.

Она шла, улыбаясь, в редакцию. Наверняка, кто-нибудь да поздравит ее сегодня. Когда изюма не было, Люсечка была вполне жизнерадостной, теперь уже двадцатидвулетней, девушкой.

На рабочем месте Люсю ожидал красивый букет из астр и большая открытка, подписанная всем коллективом. Эта минутная радость вселила в ее душу оптимизм и надежду. И даже когда главному редактору срочно понадобилось поговорить с Люсечкой, она смело отправилась «на ковер».

Редактор, поморщившись, поздравил девушку «с праздником» и дал задание – неотложное:

– У тебя должно получиться, Люся. Тема важная, почти скандальная. В четырех домах вышла из строя отопительная система, люди жалуются, а Петр Ильич – начальник управления ЖКХ – ухом не ведет. Иди к нему, Люсечка. Возьми диктофон и иди. Пусть он прокомментирует ситуацию.

Вдохновленная Люсечка летела в машине редакции, придумывая самые жесткие и обличительные вопросы. Ей казалось, что весь мир остановился из-за того, что отключено отопление. Люди сидят в холоде! Замерзают, простуживаются и погибают. А начальник ухом не ведет!!! Все люди за стеклами машины казались Люсечке несчастными

и больными. «У них же еще дети!» – ахала Люсечка.

Девушка даже не вспомнила, что на улице всего лишь начало октября. И если кто-то и простудится, благодаря Петру Ильичу, то помрет не от холода, а по какой-нибудь другой причине.

...Машина резко притормозила, и разъяренная Люсечка пулей вылетела из салона. Шофер даже не заметил, как она скрылась в здании ЖКХ.

Тем временем Люсечка неслась по коридору в поисках двери с табличкой «Петр Ильич Мальшкин». Наконец, девушка увидела эту дверь и, не постучав, с силой распахнула...

За большим, заваленным документами, печатями и телефонами столом сидел маленький, лысенький, щупленький Мальшкин. Первое, с чем столкнулся взбешенный Люсечкин взгляд, – это испуганно-удивленные глазки Мальшкина, который как раз собирался спокойно попить кофе. И держал в этот момент маленькую кружечку с кофе дрожащими пальчиками.

Второе, что увидела Люсечка, было роковым зрелищем. На блюдечке, с много где уже упомянутой голубой (именно этот цвет) каемочкой, лежали булочки с... изюмом.

– Почему без стука? – дрожащим голосом выкрикнул Мальшкин.

Это были его последние слова. В секунду Люсечка очутилась рядом. Случайно подвернувшийся под руку гаечный ключ на 40 поставил точку не только на лысине Мальшкина, но и на проблемах с отоплением четырех домов.

Шофер, ожидающий Люсечку у здания ЖКХ, нервно подергивал волоски из своей жиденькой бороденки. Первый час он еще спокойно ждал, второй час начал его немного тяготить, третий час он продремал, а четвертый час насторожил его. Мучительные мысли копошились в голове шофера: "Что там? Жаркий спор? Препирание? Чаепитие? СОНЧАС???" Последней мысли он допустить не мог. Люсечка, несмотря на свою истеричность, была очень даже симпатичной девушкой. Шоферу она приглянулась сразу. Везя ее на какое-нибудь очередное задание, он чувствовал себя на седьмом небе от счастья. И жутко ревновал к коллегам по работе и интервьюируемым.

Дверца машины хлопнула. Теперь по коридору летел разъяренный шофер в поисках двери Петра Ильича.

Дернув за заветную ручку, он увидел Люсечку. Она сидела за столом, заваленным документами, печатями и телефонами. На блюдечке с голубой каемочкой лежала горка изюма. Люсечка держала в своих белоснежных пальчиках почти прозрачную изюминку и сосредоточенно на нее смотрела.

Из-под стола торчали щуплые ноги Мальшкина.

Если бы шофер был повнимательнее, он услышал бы еле уловимый риторический вопрос, который вот уже четыре часа задавала себе Люсечка, исследуя изюминку за изюминкой: «И что в них такого, чего во мне нет?»

Раиса ЯПТУНЭ

Родилась в 1952 году в поселке Носок Усть-Енисейского района. Ненка, по специальности – педагог. Двадцать три года проработала в Носковской школе. С 1994 года – тележурналист ГТРК "Таймыр", ведет передачи на ненецком языке. Ее очерки публикуются на страницах газеты «Таймыр», в журнале «Факел Таймыра». Дважды была награждена премией Общества имени М.Кастрена (Финляндия) за публикации о жизни коренных народов Таймырского севера. В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

ВСЕ ЗОВЕТ МЕНЯ ДАЛЬ БЕСКРАЙНЯЯ...

Прекрасная пора – детство. Наверное, у любого человека в памяти остаются на всю жизнь минуты, часы и годы, которые были наиболее значимы или памяты по какому-либо особенным признакам.

Перед моими глазами до сих пор мелькают картины, увиденные во время езды на оленях, когда папа брал меня с собой на охоту или рыбалку. Пользы, наверное, от меня никакой не было. Но отец во время езды любил разговаривать со мной. Может, ему просто было скучно и тоскливо одному целыми днями находиться среди природы. А моя детская болтовня скрадывала ему путь, придавала какую-то бодрость.

И вот мы мчимся с папой на четырех быках по бескрайней тундре. Несутся наши нарты так, что я едва держусь. Но папа привязывал меня крепко-накрепко, чтобы я не выпала с нарты. Для пущей подстраховки я еще старалась держаться за отца. А олени неслись со стремительной быстротой.

До сих пор в моих ушах раздается щелканье копыт и скрип полозьев нарты по свежему снежному насту. Этот скрип слышен далеко-далеко, он нарушает тихий покой обитателей тундры. Я наблюдаю за тем, что вокруг происходит. Вот из-под снега показывается любопытная мордочка лемминга и тут же прячется в снежную норку. Но как только отъезжают нарты далеко, он опять выходит из-под снега. Станет столбиком и вертит головкой в разные стороны. Или же свернется в один пушистый комочек и начинает лапкой чистить мордочку.

Мне хочется прыгнуть с нарты, вернуться туда, где остался маленький зверек, хочется взять в руки этого замечательного пушистика и погладить его. Но маленький лемминг только с виду кажется смиренным и ласковым. Попробуй подойти близко к его норке, особенно, когда там находится его многочисленное семейство – он сразу издаст пронзительный свист или же храбро набросится на незна-

ного гостя. Может своими острыми зубками крепко вцепиться в неприятеля. Особенно по весне от этих зверьков получают укусы оленегонные собаки. Лемминг сразу храбро бросается в бой, стараясь вцепиться в кончик носа, и собака с визгом уносится прочь. С ними справляются только старые псы, которые уже неоднократно чувствовали укусы зверька и знают тактику нападения лемминга.

У нас в народе обычно говорят: любая живая тварь до последнего борется за свою жизнь, пусть даже противник намного превосходит его. К такому относится этот замечательный, крохотный житель тундры.

А наши нарты мчат все дальше и дальше. Иногда перед самым носом оленей может проскочить белоснежный зверек – прыгун-горноста, грациозно выгибая свое изящное тельце. Только черные пятнышки на кончиках ушей и хвоста выдают его на фоне искрящегося снега. Быстрыми прыжками удаляется он прочь, порой его заметить не успеешь. Даже объективом фотоаппарата горноста трудно поймать, так быстро несется этот белоснежный хищник. А олени все бегут и бегут, унося нас в неведомую даль. Я жду конца нашей дороги, но в то же время успеваю рассмотреть мелькающие вокруг острокопечные сопки, густые заросли тальников, где спокойно прогуливаются куропатки, лакомясь почками.

А мне хочется прыгнуть с нарты и подойти поближе к ним.

Северной королевой называют в народе маленькую, черноклювую куропатку. Мы проезжаем рядом, на упряжку они внимания не обращают.

Я тут же прошу папу рассказать мне легенду о том, как в тундре появилась куропатка и почему же она не улетает осенью вместе с другими птицами на юг?

Отец коротко дает ответ на мой вопрос. И на все мои глупые детские вопросы у него всегда был ответ. Сейчас только начинаю я осознавать, что мой престарелый отец,

которому уже далеко за восемьдесят, был ходячей энциклопедией. Сколько песен, легенд, детских сказок знал он! У каждого животного, птицы, насекомого своя история происхождения, своя песня.

Сколько же километров объездил папа по бескрайней, бесконечной равнине? Ответ, конечно, ни он, ни я, никто другой не даст. Это просто его жизнь, другой он не мыслил и другой ему не дано. Без этого он бы не прожил.

Эстафету кочевой жизни передал он уже своим внукам, и живет в настоящее время с ними. Все так же перед дальней кочевкой разбирается чум, по утрам пригоняют стадо. Отец, конечно, уже путает многих оленей, но своих личных, которых запрягает в свою упряжку, ни с какими не спутает, четверка оленей как будто стареет вместе с ним.

И все та же самая, бесконечная дорога перед ним, та же кочевая жизнь, тот же самый уклад жизни. Но только на нартах вместо меня сидит уже правнук. Может, и ему он рассказывает те же самые легенды, сказки, истории, которые когда-то рассказывал мне.

Но я думаю, что внуки и правнуки задают ему уже другие вопросы. А перед моим взором встают картины из той далекой сказки, которую каждый называет прекрасным словом – детство.

А мне все снятся нарты и олени.
О, как знаком их плавный, легкий бег!
И звезды в небе, как глаза оленей.
И долгий путь.
И белый, с голубизною, снег.

Татьяна МИХАЙЛОВА

Родилась в 1987 году в Дудинке. Учится в 11 классе средней школы № 4, пробует писать стихи, мечтает стать фармацевтом. В 2000 году принимала участие в окружном конкурсе школьных сочинений «Моя снежная Родина» к 70-летию ТАО. Награждена благодарственным письмом оргкомитета и жюри конкурса.

ЛЕГЕНДА О ЧЕТЫРЕХ СЕСТРАХ

Холодная Печаль кружит над нами...

Знаете ли вы, слышали ли вы когда-нибудь о снежном крае – Таймыре? Да, здесь холодно, темно, грустно, но есть здесь что-то, от чего мы ни за какие богатства не откажемся. Что же это? Чем приворожила нас эта печальная земля?

На мой взгляд, у каждого человека, живущего на Крайнем Севере, есть свое, сокровенное, что не дает отвернуться от него, покинуть, забыть, предать...

Кому-то нравится тундра, необыкновенная и щедрая, кто-то любит суровый Енисей, не представляя себя без всегда удачной рыбалки, а кого-то поражает своим величием красота северного сияния. Мне же дороги долгие полярные ночи, когда под завывание вьюги так хорошо думается о жизни, а строчки стихов появляются сами собой:

Моя снежная Родина тайной покрыта,
Моя снежная Родина холодом скована...

Как стонет ветер за окнами! Как жалобна его песня! Как жесток мороз! Но ты знаешь, что скоро, очень скоро,

Лишь весна краем туфельки ступит
И сойдет с сонной речки лед,
Зацветет всеми красками тундра,
Лето быстро начнет свой полет.

А однажды поведал мне северный ветер удивительную легенду...

Давным-давно, когда еще не было ни городов, ни людей, а была просто земля, покрытая лесами и реками, и тянулась она от Ледовитого океана до теплых морей, жили в мире четыре сестры: Веселая Беспечность, Холодная Печаль, Скучная Золотинка и Алмазная Прохлада.

Летали они над землей, забавляясь, играя и смеясь, пока не решили, что пора им выбрать место, где навсегда остаться, – слишком устали они от бесконечных просторов – пора остепениться, осесть, начать новую жизнь. Первой заговорила Веселая Беспечность:

– Я тут местечко себе нашла на Юге: уютно, тепло и спокойно, есть и нежное море, и приветливая суша. Это мне подходит, я останусь там навсегда!

А Скучная Золотинка вторит:

– А я на Запад полечу: там люди построят большие богатые города, жизнь в них будет веселая, бурная. Это мне по душе, я люблю шум и блеск!

Следом выступила и Алмазная Прохлада:

– А я, пожалуй, отправлюсь на Восток: меня всегда привлекала экзотика. А ты, сестрица, куда? – спросила она, смеясь, у младшей, Холодной Печали.

– Вы решили, что я огорчусь, потому что мне остался только Север? Не смейтесь! Я согласна! Я рада! Мужем моим будет Ледовитый океан, а братом – Енисей. Я буду счастлива! Да, там холодно и неудобно, зато я каждый год смогу бывать у вас в гостях, но тот, кто побывает у меня, не забудет мою землю никогда! До свидания, милые сестры! До встречи!

Тут же, осыпав снегом ошарашенных сестриц, взмыла в небо Холодная Печаль и полетела к Ледовитому океану.

Прошло время. Вскоре на земли, где обосновались сестры, пришли люди и дали их владениям свои названия: Сочи, Москва, Якутия, Таймыр... Как и предвидела Холодная Печаль, она часто «бывает в гостях» у своих сестриц.

Мы, прилетая в Москву, очень быстро устаем от блеска и шума большого города. Нам становится скучно, и, вспоминая пословицу: «Не все то золотое, что блестит», стремимся назад, домой, подальше от показного блеска Скучной Золотинки.

Отдыхая на юге, в Сочи, мы ощущаем Веселую Беспечность, купаясь в теплом море и подставляя бледные бока ласковому южному солнцу. Но вскоре непонятная тоска овладевает нами, и мы летим домой, поскорее к Холодной Печали. А Алмазная Прохлада напоминает о себе своей сестрице и нам блеском ювелирных изделий.

Вот такую легенду узнала я от неумного северного ветра и задумалась: а ведь правда, до сих пор живет на Таймыре Холодная Печаль. Время от времени уносит она нас к своим беспечным сестрам, но мы возвращаемся снова: магия Севера влечет нас. И счастлива Холодная Печаль: ее окружают добрые, щедрые, верные люди, люди, которые не изменят своей печальной снежной Родине никогда!

Хоть темны и жестоки полярные ночи,
И недолг весенних ручьев разговор,
Ни за что не покину я край свой отчий –
Так люблю я таймырский простор!

Роман ПОПОВ

*Учится в 10 классе Дудинской школы-гимназии.
Увлекается литературным творчеством, пробует
писать стихи. Мечтает поступить в медицинский
институт.*

МОЯ СНЕЖНАЯ РОДИНА

Меж высоких гор, в бескрайней тундре, по морям и Ледовитому океану раскинул свои просторы Великий Север. Гигантский выступ суши полуострова Таймыр в неприветливом Ледовитом океане на карте напоминает ископаемого ящера.

Таймыр – земля суровая, неласковая, но удивительно жизнелюбивая и жизнестойкая. Дикий студеный край еще каких-то три столетия назад был таким же, как и в глубокой древности, неизведанным и загадочным. Целым миром.

Восемь-девять месяцев в году свирепствует хозяйка-зима на Таймыре.

Наступает она рано, в сентябре. «Лось с луной дерется, хочет ее на рога поднять». День за днем кропят осенние затяжные дожди, переходящие в снежную круговерть. Твердеет земля, звенят ледяные пластинки на стывших водах. Все меньше слышны птичьи голоса. Покидают тундровые просторы задержавшиеся стаи. Звери сменили летний наряд на зимний. Волос стал длинным, крепким, подшерсток густым, плотным, и цвет изменился. В ноябре красное солнце надолго скрывается за горизонтом. Таймыром овладевает полярная ночь.

Краски северной земли неброские, скромные, все больше серых да желтоватых тонов. А зимой и вовсе два цвета – белый да серый, в разных сочетаниях да пропорциях.

Недостаток красок на земле полностью воздается красками неба. Такого неба, как на севере, нигде не увидишь. Закаты и восходы буквально полыхают алыми, огненными, малиновыми, вишневыми, лиловыми цветами со множеством оттенков. В полярную ночь краски остаются на небе. Правда, алые закатные тона сужаются до небольшого зарева, а то и узкой полоски; на остальном же небе преобладает сиреневый цвет, внизу темный, переливающийся кверху в светло-нежный. А на северной части небосклона в это время уже ночь и даже звездочка сияет.

В морозном мгlistом небе за широким мертвенно-белым ледовым пространством спящего Енисея и повсюду, куда ни бросишь взгляд, засветились снега. Какой белый, какой чистый и пушистый снег! То валит густой шевелящейся завесой, то светит спокойный, уверенный в своей непобедимости. Зима только добралась до декабрьского перевала, а какие тяжелые сугробы нависли на крышах, словно мохнатые папахи, сдвинутые набекрень.

Я люблю, когда в доме тепло,
Когда кошка мурчит лениво,
А за окнами – все замело,
И ветер гуляет спесивый.

Метель разыгрывается внезапно. В тихую погоду начинает слышаться слабый шелест – это отдельные струйки ветра у земли гонят жесткие снежинки. Но вот порывы ветра становятся более резкими, уже не отдельные снежинки, а белые потоки снега несутся по ветру. Стоишь где-нибудь на возвышенном месте, воздух вверху чист и прозрачен, внизу же, точно живые, ползут полоски снега. Это поземка. Мутнеют дали, порывы ветра делают все сильнее и сильнее; холодные и резкие, они бросают в лицо пригоршни снега, жесткого и колючего, как песок. Через полчаса все закружилось, завертелось в безумной пляске, уже не видно неба, все заволочло белой пеленой поднятого ввысь снега. Над бескрайними просторами с воем и свистом носятся огромные чудовищные тени.

Солнца нет, но зато луна светит над горизонтом круглые сутки. Лунные ночи сказочно красивы. Над снежными просторами разливается призрачный свет. Воздух чист и прозрачен. Холодно мерцают звезды, рассыпавшись, как алмазная пыль; кружатся, переливаясь, в хороводе огни северного сияния. Ночь Полярная, словно красавица, всколыхнула тайком паранджу. Солнце светит – его хватается всем, а когда долгая полярная ночь, словно цветистая шаль старой Хени, опускается на тундру, его нет ни для кого, и тогда все: нганасаны, ненцы, долганы, эвенки, энцы и многие другие собираются вокруг одного большого костра, смотрят на северное сияние и в эти минуты рождаются предания, волшебные сказки, легенды. О любви ненецкой красавицы Сэрне и тавгийского юноши Холю из рода Ворона. О молодом, мудром энецком шамане Пянтукку Лодаседо, которому в искусстве колдовства не было равных на Таймыре. Своими снадобьями и заговорами он лечил людей и оленей, отводил от них порчу, указывал места, где лучше ловить рыбу и добывать зверя и куропатку. О прекрасной, как весеннее солнце-хэйро, долганской девушке Огдо и о царе птиц Эксёкго. О воскрешении девушки, за которой в Нижний мир ходил шаман...

Неторопливо льется речь, и уже новая история уносит нас в страну сказочной мудрости...

Когда вокруг такое безлюдие и устоявшееся безмолвие, а в небе колышутся занавеси северного сияния, пере-

ливаясь, перемещаясь, исчезая и возникая вновь, холод кажется космическим. Что испытывали и что думали местные жители каких-нибудь сто лет назад, когда уходило на несколько месяцев за горизонт солнце, и наступало царство тьмы и холода? Я думаю, они боялись иногда, что солнце не вернется.

Каждый уходящий день приближает момент возвращения весеннего светила, и когда человек впервые после полярной ночи видит солнце, он по традиции встает, откидывает капюшон, снимает рукавицы и воздевает руки к небу – солнце должно увидеть его голову и руки. Эскимосы верят, что за это приветствие солнце принесет им здоровье и

удачу. Пускай через несколько дней над головой разразится пурга, какой не было всю зиму, ты знаешь, что вечно она не продлится. А если температура воздуха упадет до небывалого за всю зиму уровня – минус сорок пять и даже до минус пятидесяти градусов, что-то внутри шепчет, что раз солнце вернулось, значит, худшее позади.

Много, очень много добрых и красивых слов можно сказать о нашем неповторимом крае, о нашем городе, и все равно этого будет мало. Надо здесь жить, любить свой город, любить эту строгую, неповторимую красоту, любить людей и древние традиции Таймырской земли.

Ксения ЦЫЦЕР

Родилась в 1984 году на острове Диксон. В 2000 году принимала участие в окружном конкурсе школьных сочинений «Моя снежная Родина» к 70-летию ТАО. Награждена благодарственным письмом оргкомитета и жюри конкурса. В 2001 году окончила школу с серебряной медалью. Учится в Санкт-Петербургской академии гражданской авиации на факультете иностранных языков.

ДИКСОНСКОЕ МОРЕ

Редкие люди понимают прелесть северного моря. Конечно, в нем некупаешься, не почувствуешь нежную упругость волн, не поныряешь за ракушками и красивыми камешками. Но именно этим прекрасно Диксонское море, прекрасно в своей манящей недоступности.

В редкий штиль глянцева поверхность моря блестит и улыбается солнечными бликами, и ты забываешь, какое оно на самом деле. Но зеленоватые волны, шипя, подбегут к твоим рукам и обожгут ледяным холодом. Море напоминает: «Не забывай, я – Море! Жестокое, непокорное и холодное. Бойся меня!»

Самое прекрасное, что я когда-либо видела в своей жизни, – это вечерние часы у спокойного моря. Огненное солнце медленно опускается в ледяную пучину. Такое ощущение, что солнце погибает и окрашивает в кровавые блики хрустальную морскую воду. В это время я была одна на берегу. Все мои чувства обострились до такой степени, что я слышала, как где-то в глубине плескались две серебряные рыбешки. Время остановилось. Не было прошлого и не было будущего. Были только я и море. Мы молчали. Солнце скрылось под водой, оставив после себя розоватую дымку. Даже морская пена на берегу слегка порозовела. Наверное, из такой пены на свет появилась богиня красоты Афродита. Море – это олицетворение красоты, вечности, непокорности и силы. Теплые моря нежнее и доступнее. Они позволяют наслаждаться собой и терпят множество людей на своих берегах. Северное море любит одиночество и не переносит нахального вторжения людей.

В гнев море ужасно. Тысячи зеленых ледяных волн обрушиваются на берег, увлакивая за собой все, что падает на их пути. Миллиарды хрустальных брызг долетают до неба. Ветер и море. Два непримиримых врага, две дикие стихии сходятся в безумном танце смерти. Это страшное, но вместе с тем прекрасное и завораживающее зрелище. До этого лета я не знала, что Диксонское море прекрасно. Я считала, что раз холодное, значит страшное и жестокое. Я глубоко ошибалась. Мне кажется, что Бог перед тем, как создать Эдем, тренировался на Диксоне, но затем Ему что-то не понравилось, и Он ушел, а Диксонское море так и осталось ледяным отверженным ребен-

ком. Оно капризничает и озорничает все лето и половину осени. С наступлением полярной ночи море спит. Под трехметровым льдом мерно бьется задремавшее морское сердце. Миллионы лет это сердце не знает покоя. Оно вечно. А что такое жизнь человека по сравнению с жизнью моря? Миг, секунда, не более того. Мы, живущие на Севере, обязаны любить наше море, как любим первый холодный луч солнца, первый полярный цветок и первую пуночку. Мы обязаны уважать мудрейших. А северное море мудро. Оно копило мудрость веками и делится с нами этой мудростью, но люди пока не столь совершенны, чтобы слышать голос моря.

Это лето было моим последним летом на Диксоне. Когда я последний раз сидела на морском берегу, я мысленно прощалась с холодным северным морем, и в тот момент, когда я поднялась, чтобы уйти, морская волна докатилась до меня (хотя я сидела довольно далеко от кромки воды) и остановилась в сантиметре от моих ног. Я дотронулась до воды, и волна тут же откатилась обратно, оставив соленые слезы на моих ботинках. Мы попрощались с морем. Два друга навсегда – море и я. Я никогда не забуду и не предаю ледяное, но глубоко родное мне Диксонское море. Это невозможно забыть, а уж тем более предать. Это будет преступлением перед самой собой.

Валентина ЗАВАРЗИНА

Родилась в 1947 году на Алтае. Окончила Киевский государственный университет. Профессиональный журналист, работала в украинских газетах, пятнадцать лет в газете «Советский Таймыр». Стихи и проза публиковались в сборниках «Белый олень Серэко», «Город белых ромашек», «Поэтессы Енисея», в журнале «Северные просторы», в альманахе «Полярное сияние». В 2002 году вышла первая книга стихов «Полуостров любви» в Красноярском издательстве «Кларетианум». С 1981 года живет и работает в Дудинке.

Литературные миниатюры

МЕЛОДИЯ

Чистыми каплями падают звуки. Четкие, яркие, звонкие – не замораживают, сменяют один другого, бегут по струнам, стекают легкой мелодией. Вот зачастили дробной скороговоркой, заторопились, снимаемые чуткой рукой, преобразуясь из капли в журчащий ручеек. Ручей прыгает по камешкам, пробивает путь сквозь желтый песок, несет звуки в полноводный речной поток.

И вдруг – препятствие. Мелодия обрывается, звуки взлетают ввысь, рассыпаются и снова каплей начинают свой путь.

Сбегаются струйки, густеют звуки, набирают силу, захлестывают, завораживают, уносят неведомо куда – от суеты, забот, усталости...

СВЕТОНОС

Луч солнца спицею проткнул слой облаков – и рад. Ему сиять недолго, знает. Вот и спешит взглянуть поближе на все, что тянется с земли. Хвоца реснички обласкает, иголки лиственниц погладит и пуночку разбудит на гнезде. На росной капельке брильянтом вспыхнет, сбежит по берегу, качнется на волне.

Презрительно скользнет по крышам, трубам, жести – блестящим, ржавым, гладким и помятым. Чуть-чуть задержится на стеклах, отражаясь: там тоже солнце? Или это я?

И вдруг на берегу увидит одуванчик. Какая шапка знатная на нем! Подобна солнцу, радостью сияет, его почуяв ласку. По склону выше, в тенистых лапах папоротника, жарки пронзительно пылают. Соперники лучу, они не вечны тоже.

Луч светом, силой, красотою их чашечки наполнит и ускользнет, в обмен впитавши жажду жизни. Ему успеть так много надо сделать, а толща туч так велика на небе...

ТОСКА ПО ЛЕТУ

Июль. Посылки солнца так редки, так слабы. И дни сменяются молниеносной чередой. Как будто кто-то гонит их, прищипывая. Скорей, скорей, без передыху, без слабнки.

Не рысью, а галопом. Боязливо, как будто опасаясь, что задержка позволит обогреться и людям, и жаждущей земле.

Земля мудра – копытам бега внемлет и успевае все родить, вскормить, всему дать вырасти и вызреть за краткий тот полет между зимой вчерашней и завтрашней.

Зима уже грозит не пальцем, кулаком своим и силой.

Издали она еще страшнее мнится. И оттого тоска по лету среди лета не проходит.

Томится сердце. Тщится дней скачки умерить. Чувствует – напрасно... Не затормозить. Привалу не бывать, чтоб беззаботно солнышку отдаться. Не будет роздыха с покоем сладким.

Несется лето вскачь, роняя, как пену с лошадиных губ, тоску по лету в наши души.

ОЖИДАНИЕ

На город опускается серая мгла. Вспыхивают фонари. Неуверенный ветер шныряет по улицам. В его пустых ладонях вдруг появляются снежинки. Крупные и редкие, неведь откуда взявшиеся, они мечутся над землей, то появляясь, то исчезая в неверном свете.

Ветер хлопочет над безнадежными сугробами, путается в проводах, свистит над карнизами. В желтом квадрате окна – неясный силуэт. Кто-то ждет.

Сгущается тьма. Она становится вязкой и липкой. Уже не снежинки – мокрые серые хлопья падают на землю. Ни звездочки в мрачном небе.

Стынет одинокая ночь. Злится одичалый ветер. Ищет покоя снег. Мерзнут темные окна. Светится желтый квадрат.

РАЗЛУКА

"Помнишь ли ты, думаешь ли обо мне? Ты так далеко, и я не вижу твоих глаз, в которых можно прочесть все, даже если ты молчишь. Я и сейчас вижу, как льется из них радость, как беспокойно плещется, ища выхода, тревога, какими яркими искрами брызжет веселье, когда ты ша-лишь, словно ребенок..."

Где ты? Что делаешь сейчас? Чей ищешь взгляд? Помнишь ли, думаешь ли обо мне?"

Силуэт у окна. Горячий лоб – к стеклу. Невыносимо тяжелое, предательское время... Как стремительно мчалось оно, когда были вместе, а теперь – почти остановилось. Вязкое, липкое, тягучее...

«ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

Мрачные тучи. Свист ветра. Дым, трусливо припикающий к земле. Необъяснимая тоска, кажется, охватывает весь мир. Она проникла во все клеточки, бьется, мечется, ищет выхода. Мурашками ползет вдоль позвоночника, ча-

стыми молоточками стучит в виски, железными тисками сжимает грудную клетку, мохнатыми черными лапами подкрадывается к сердцу.

Сжимает, крутит, тискает.

Неясное нечто проносится в воображении. Мелькает, дразнит, зовет – кажется, вот-вот достанешь, увидишь, назовешь. Но нет, вновь ускользнуло, осталось непонятым, неузнанным – и оттого еще более желанным. И чем дальше, тем все более необходимым, требующим разрешения кажется оно. Все мучительнее томление, все стремительнее мелькание, все безнадежнее погоня...

Часы отстукивают мгновения, молоточки превращаются в молоты, наковальня-колокол мечется, наполненный темным гулом и мельтешением звуков, мыслей.

И вдруг – будто молнией освещает сознание. Яркая вспышка останавливает несущуюся карусель и выхватывает из вязкой тьмы то единственное, что так долго ускользало и мучило своей недоступностью, а теперь предстало удивительным в своей близости и простоте. То единственно нужное, все определяющее Слово...

Вначале ль было слово?...

Татьяна ЦАРЬКОВА

Родилась в Подмосковье. На Таймыре – с 1961 года. Окончила Восточно-Сибирский государственный институт культуры, по специальности – театральный режиссер. В 2001 году за многогранную творческую деятельность удостоена звания Заслуженный работник культуры РФ. Радио, телевидение, литература всегда были ее увлечением. Публиковалась на страницах газеты «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние». Живет в Дудинке.

СКАЗКИ ДЛЯ ТЕАТРА.

ТАМ, ГДЕ ЖИЛА ДУША...

А в т о р : Когда вы увидите тот старенький домик, то сразу поймете, на кого он похож. Уже догадались? Да-да, он похож на остановившуюся перевести дух улитку. Так, с крышей набекрень, он стоит, так подслеповато щурится от щедрого солнца, так жадно вдыхает разгулявшееся весеннее тепло каждым своим, потемневшим от времени и невзгод, бревнышком, приветливо распахнутыми ставнями, поскрипывающим крыльцом и уютной завалинкой.

Он, такой старомодный, ничуть не выглядит жалким и смешным.

Скорее, напротив, любого, кто проходит мимо, так и тянет зайти и отдохнуть в его дремотном покое от той суеты, что вокруг, что пронесется мимо, нимало не нарушая собственного ритма жизни старенького, едва ли не дряхлого домика, похожего на улитку.

Вы тоже не прочь заглянуть? Тогда – прошу!

Осторожней, здесь совсем прогнила ступенька. Перешагивайте через одну... Эта – ужасная ворчунья, того и гляди, вопьется в пятку ржавым, воинственно торчащим гвоздем. А эта весело поет, когда на нее наступаешь. Слышите?.. При-вет! При-вет!

Ну, вот. Звонка нет, а стучать вовсе не обязательно. Все равно дом пуст. Вы спрашиваете, почему?.. Честно говоря, мне хочется, чтобы вы все узнали сами.

Входите! Знакомьтесь – старая домашняя мебель: Комод, Зеркало, Кресло-Качалка. А это Абажур.

Да, еще маленький Коврик у входа.

Располагайтесь!

К р е с л о : Умоляю, уважаемые! Не могу предложить вам присесть. Я едва дышу... Так ломит спину! И подлокотники вот-вот рассыплются. Пока помаленьку раскачиваюсь, забываю о возрасте и болезнях. Стоит остановиться – тут и трещу по всем швам. Ах, мебельный век так короток!

Осторожней, не поцарапайте меня! Надеюсь, вы помыли руки, прежде чем ко мне прикасаться?..

К о м о д : А-а, бросьте вы ломаться на старости лет! Впрочем, вы и по молодости-то были капризны до невоз-

можности. Если рассудить честно, всегда ныли, тряслись за свою лакированную подножку и расшитую золотыми нитками парчовую подушечку.

Ну и как прошли ваши деревянные годы? Кто из усталых путников нашел приют в этом кресле? Да, по сути, никто. Все трон из себя изображаете!

К р е с л о : Милый мой! Уж если уродились Комодом, то не вам учить Кресло! Тем более Кресло-Качалку, мечту всех приличных домов! Вы на себя посмотрите, даже ящики для белья культурно задвинуть не можете. Все норовите с шумом и с грохотом. Вечно из вас что-нибудь да торчит! Заправьте, наконец, внутрь кружевную салфетку и закройте!.. Подальше от скандала...

К о м о д : Конечно, может, вы со мной не желаете знаться, ведь я не благородного происхождения, как всякие там серванты да горки. Или эти импортные стенки. Но я – честный Комод, всю жизнь верой и правдой служил хозяйке.

На моих боках много вмятин, я порядком обшарпан, но не стыжусь этого. Настоящую мебель только украшают знаки бытового увечья!

З е р к а л о : Позвольте, позвольте! Разрешите вступить в вашу, столь оживленную дискуссию Зеркалу. Всем известно, какой старинной дворянской фамилии я принадлежу. Да если б вы могли представить, милостивые госуда-рыни и государи, кто только мной ни восхищался! Графы, баронессы, придворные вельможи и... царственные особы!

К р е с л о : Ну, милочка, вы нас просто насмешили! Никто не спорит, что вас все любят, что вы, буквально, незаменимы. Хотя вы даже не догадываетесь, почему.

З е р к а л о : А тут и гадать нечего! У кого еще более блестящее прошлое, настоящее и, смею надеяться, будущее? На моей внешности не отражаются никакие жизненные невзгоды. Зеркальная незамутненность взгляда, хрустальная прозрачность мысли, солидность во всем, начиная с благородного овала и заканчивая внушительной бронзовой оправой.

К р е с л о : Драгоценное вы наше! Да вы нужны

только затем, чтобы отражать нас! Сами по себе – вы пусты и бессмысленны!

Зеркало: Но ведь вы, почтенная госпожа Качалка, часами вертелись передо мной! Даже любезничали...

Кресло: Только потому, что мне хотелось полюбаваться собой! Я очень себя люблю и, глядя на свое изысканное отражение, словно молодею! Тьфу-тьфу-тьфу! Постучу по дереву, чтоб не сглазить.

Комод: Ну и скверное же ты, Кресло! И абсолютно бесчувственное. Да, я сознаюсь, тоже иной раз пыгался позировать перед Зеркалом. Но ни хуже, ни лучше от этого не стал. Уж какой есть. И все благодаря Зеркалу. Оно справедливо и совершенно не умеет лгать!

Кресло: Что может понимать неотесанная деревенщина!

Комод: Пусть мне не хватает твоего изыска, спесивая жеманница! Пусть я грубой, зато ручной работы! И не уроню честь своего мастера – я скажу все, что думаю...

Зеркало: Господа, не будем ссориться! Я действительно выгляжу велепо со своими претензиями на оригинальность. Мне давно следовало понять, в чем мое отличие от тех, кто в меня смотрится... Теперь я это тоже знаю. У меня нет своего выражения лица, если уместно такое сравнение. Это не слишком достойная привычка – всем подражать. Мне подмигнут, улыбнутся, скорчат гримасу – и я отвечу тем же. Мне никак не удастся оставаться самим собой!

Комод: Но ведь без вас никто бы не увидел, какой он на самом деле. Не каким представляет или воображает себя, а каким его видят вокруг. Как говорится, со стороны.

Кресло: Откровенно говоря, мне и в голову не могло прийти, что для какого-то двухсотлетнего зеркала необычайно важно предназначение. Подумать только!

Абажур: Это потому, что у вас нет головы! И, к слову, никогда не было.

Кресло: Ах, как вы меня напугали, уважаемый Абажур! Вы уже проснулись? Доброе утро!

Абажур: Скорее, добрый вечер! Уже смеркается, мне пора за работу – включаться и светить.

Комод: Приветствую вас, старина! Так что вы там насчет головы?

Абажур: Я думаю, пусть не всем выпало быть умными, носить на плечах светлую голову, не довелось иметь собственное лицо... Главное, какая у вас душа!

Кресло: Разве у деревяшки, вроде дубового комода, есть душа? Я еще понимаю – у меня. Может, она даже в парчовой подушечке, расшитой золотыми нитями!

Зеркало: В той, что предназначена для места, которым обычно сидят в кресле? Ваша душа там?.. Вы уверены?..

Кресло: В конце концов, не вижу ничего зазорного, если на меня сядут «VIP» – особо важные персоны. Моя душа переживет.

Зеркало: А моя бы, наверное, не пережила...

Кресло: А может, у вас ее нет, души-то?

Абажур: Да, почтеннейшая, вы правы. Душа – она

либо есть, либо ее нет. И ей не пристало угождать тому, о чем в порядочном обществе принято помалкивать.

Комод: А у меня... Интересно, где у меня душа? Может, в потайном ящике с ключиком, где когда-то хранились документы, деньги и драгоценности?

Абажур: Э-э, нет... Ваша душа всегда была нараспашку. Она жила среди свежих простынь, наволочек и полотенец. Хотя у нее был маленький секрет – потайной ящикек.

Комод: Но ведь, кроме старых негодных салфеток, во мне уже больше ничего нет...

Абажур: А душа осталась. Она в ваших воспоминаниях о времени, когда все мы были очень нужны.

Коврик: Простите, значит, даже у меня есть душа?

Кресло: Не смешите меня, а то я рассохнусь... Душа у половика!

Абажур: Я помню, что он был роскошной ковровой дорожкой. Правда, очень-очень давно. Это теперь он стал маленьким, но милым ковриком.

Коврик: Меня всегда любили, чистили, холили и берегли. По мне ходили разувшись, почти на цыпочках.

Кресло: Ты всю жизнь всем угождала, расстилалась под чужими ногами. И вот во что превратилась. А все потому, что не знала себе цены! Любая дорожка, к тому же ковровая, должна себя уважать, господа!

Коврик: Мне нечего вам возразить. Понемногу я истрепалась, залоснилась, меня все чаще укорачивали, пока не бросили из комнаты к порогу.

Кресло: А ты все надеешься, что займешь прежнее положение?

Коврик: Ужасная штука – память. Да, я думаю именно так. Я все еще надеюсь...

Комод: Ты отслужила свое, Ковровая дорожка. Годы никого не красят. Но ты можешь гордиться своей судьбой. Ты достойна называться Ковром!...Заслуженным Ковром этого дома!

Кресло: Ничего не понимаю! Грязному, истертому до дыр половнику – гордиться! Бред!

Зеркало: Не всякая грязь пристаёт, госпожа Качалка. Да, по ней ходили ногами, но ее душа осталась незапятнанной и чистой. Она всю себя отдала нашему дому и не жалеет о своей судьбе.

Коврик: Я, правда, ничуть не жалею. И если бы довелось жить сначала, я все равно упала бы к ногам в атласных туфельках, лакированных штиблетах или стоптанных шлепанцах! Я бы забрала и пыль, и грязь себе, чтобы те, кто прошел по мне, стали чище!

Абажур: Отличная мысль! Ну, как тут не скажешь – светлая голова. Хотя самой головы не наблюдается. Это все – ее душа!

Кресло: А мне бы хотелось знать, где у вас душа? Или то, что зовется головой? Может, в лампочке или патроне для нее? Ведь сам абажур, как я понимаю, только камуфляж, ну, то есть, украшение?

Абажур: Я и сам не знаю... Я даю теплый, мягкий свет, рассеиваю его, чтобы было уютно, прикрываю яркий

накал шелковистой нежно-зеленой бахромой. Но, увы, когда перегорит лампочка, я, к великому сожалению, перестаю быть полезным...

Комод: Как же так? Ведь даже при одном взгляде на тебя становится по-домашнему тепло...

Зеркало: Мы всегда помним, какой ты красивый, когда светишься изнутри...

Коврик: А перегоревшую лампочку заменить – пара пустяков! Только тебя никто не заменит.

Кресло: Да, Абажур! Тысячу раз, да! Я тоже не могу представить свою жизнь без тебя. Ты всем нам нужен... Клянусь своей полировкой!

Абажур: Мы старомодны, друзья! И сентиментальны... Сейчас всем подавай ультрамодные торшеры, эксклюзивные бра, подвесные потолки... Но как без нас? Мы – часть прожитой жизни, мы – шлейф чужих воспоминаний, и, значит, в нас заключена душа прежних хозяев. А все мы – Душа этого дома, которая не покинет его, пока мы здесь...

Автор: И все замолчали. Задумались. И, незаметно внешне, стали как-то дороже и ближе друг другу где-то глубоко внутри – в этом стареньком, если не сказать дряхлом домике, где еще совсем недавно жила их хозяйка, милая и заботливая Бабушка...

Она тихонько угасла среди зимы, так и не дождавшись первого солнышка.

Угасла так же незаметно, как и жила, никого из близких и дальних особенно не опечалив.

Даже они, те старые вещи, что остались в доме, потому что были никому не нужны, заметили ее уход не сразу, а лишь когда на полу, на подоконнике и даже на них скопился изрядный слой пыли.

Абажур: Если бы мы были внимательней и добрей, если бы мы умели дружить, она бы еще пожила...

Автор: Философски подытожил невысказанные вслух мысли Абажур. Он тяжело вздохнул. Хотел еще что-то добавить, но вдруг заволновался, замигал неровно и коротко... и погас!

Кресло: Наверное, короткое замыкание.

Комод: Он был такой умный...

Зеркало: И добрый...

Коврик: Совсем, как Бабушка...

Автор: Было грустно. И было светло без света. Может, всему виной неумные солнечные зайчики от первого утреннего луча, отраженного Зеркалом – ведь ночь уже кончилась. А может, потому, что все знали: Абажур обязательно оживет, стоит только заменить перегоревшую лампочку. Или просто потому, что они пока еще были вместе – Комод, Зеркало, Кресло-Качалка, Коврик и Абажур.

Больше нам уже не придется встретиться с ними. Совсем скоро во владение домиком вступит бабушкина внучка – наследница. И все переделает по-своему. Прежде всего, избавится от этой отслужившей свой век «рухляди» – так оценила внучка старинную бабушкину мебель, которая перешла еще от ее бабушки, а той досталась от своей.

Сожгла ли она ее, сломала, выбросила на свалку или отдала в какой-нибудь музей – никто не знает.

А на месте старого домика, похожего на улитку, будет стоять Дворец. Где у него, такого огромного, современного и вызывающе-роскошного поселится Душа – непонятно.

Но всякий, кто окажется в тех местах, почему-то поспешит пройти мимо...

ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Автор: Когда-то Светлячков в лесу было много. По вечерам они кружились в вальсе, мерцая над цветами, перелетая с полянки на полянку. И были очень похожи на звезды, спустившиеся с небес на землю. Наверное, их любили. Может, немного завидовали, но от их необыкновенного света никто не мог отвести глаз.

Когда и куда они исчезли, никто так и не мог ответить толком. Одни считали, что столько Светлячков на один лес – чересчур много. Другие, что ночью хватает света и от древесных гнилушек. Третьи думали, что Светлячки улетели к звездам...

И кто из них был прав – нам неизвестно. Мы знаем только, что на весь лес теперь остался один Светлячок, который жил вот здесь, на этой самой поляне.

Светлячок: Здравствуйте, друзья! Лесные деревья! Васильки, Одуванчики, Ромашки и тетушка Крапива! Бабушка Сова и дедушка Филин! Землеройки, Мыши и Ежики! Воробьи, Дятлы и красавицы Бабочки! Добрый всем вечер!

Бабочка: Ну, где ты пропадаешь, Светлячок? Мне только что сделали предложение!

Светлячок: Какое предложение?

Бабочка: У людей это называется предложение «руки и сердца». У нас же – «лапки и крылышка».

Светлячок: Я очень рад за вас, Бабочка! Поздравляю! Хотите, сегодня ночью я устрою необыкновенный праздник в честь вашей свадьбы? И подарю его вам и вашему жениху? Будет море огней! Я попрошу своих старых знакомых волков, чтобы они собрались в стаю и устроились вокруг поляны за кустами. В назначенный час, в темноте загорятся зелеными огнями их глаза. На ветках деревьев примостятся ночные птицы, которые будут петь для вас самые лучшие песни. Сверху вам будут светить звезды. Вы будете кружиться со своим женихом в центре, в свадебном танце. А все цветы подарят вам свое благоухание.

Бабочка: Мне нужно посоветоваться со своим женихом...

Светлячок: Я думаю, что он будет в восторге. Могу я узнать его имя?

Бабочка: Разве я не сказала? Конечно, Мотылек!

Светлячок: О, Мотыльки всегда отличались своей любовью к прекрасному, смелостью фантазий, игрой воображения.

Бабочка: У меня всегда был хороший вкус. Я лечу к нему сообщить о твоей затее!

Бабочка полетела, но тут же вернулась:

Б а б о ч к а : Какие песни, ты сказал, будут петь птицы?

С в е т л я ч о к : Самые лучшие! Любовные серенады!
Бабочка улетает.

Г н и л у ш к а : Ну, и зачем тебе это надо? Светишься сам и будь счастлив. Разве ты не понимаешь, что когда слишком много других огней, тебя просто не будет видно. Это же так обидно, когда тебя не замечают!

С в е т л я ч о к : Уважаемая Гнилушка! Я думаю, что на чужом празднике выделяться среди других – нескромно. Самое главное, что на виду те, для кого этот праздник!

Г н и л у ш к а : Далась тебе эти праздники! Неужели ты не можешь жить спокойно?

С в е т л я ч о к : Не могу. Правда, не могу.

Г н и л у ш к а : Вот из-за таких, как ты, в нашем лесу глаз нельзя сомкнуть.

С в е т л я ч о к : Кому же я так мешаю?

Г н и л у ш к а : Да всем. Они только и думают, как это какой-то маленький Светлячок может светиться, а они нет. Почему только им восхищаются и любят, а про остальных забывают?

С в е т л я ч о к : Я просто хочу сделать лес светлее! Даже в самую непроглядную темень. Для этого, мы, Светлячки, и появляемся на свет.

Г н и л у ш к а : Вот ты на меня посмотри. Для чего я появилась на свет? Я ведь тоже свечусь. Но только свет у нас разный. У тебя живой, горячими вспышками. А у меня – ровный, холодный. Я на него никаких усилий не трачу. Вся моя энергия остается при мне. Я живу для себя. А так, как ты, – и сгореть недолго.

С в е т л я ч о к : Я не умею иначе.

Г н и л у ш к а : Учись. Я сколько лет на свете, а все не меняюсь. Моего света еще на десять таких, как я, хватит. Но я умею экономить. Не транжирю, как некоторые. Берегу свой дар.

С в е т л я ч о к : Мне не жаль моего света. Пусть мой век недолог, но он будет ярким. Посмотрите на звезды. Говорят, что многие из них остыли уже давно, а свет к земле идет до сих пор. Даже после своей жизни они оставляют нам память о себе.

Г н и л у ш к а : Так ты хочешь, чтобы тебя запомнили, когда ты сгоришь? Глупый Светлячок-дурачок! Кто вспомнит о какой-то букашке, которая освещала дорогу в ночи таким же, как она сама? Ну, подумай хорошенько! Ты же не можешь взлететь высоко над землей, забраться на такую высоту, как звезды?

С в е т л я ч о к : Не могу.

Г н и л у ш к а : Да и зачем тебе к небу? Звезды такие надменные, такие недоступные. Светят, да не греют.

С в е т л я ч о к : Почему же тогда поэты, глядя на них, сочиняют стихи? Почему даже самая глупая гусеница забывает о голоде и жажде, любуясь Большой Медведицей?

Г н и л у ш к а : О какой Медведице ты толкуешь, если всем известно, что Медведицы и Медведи живут на земле? И вот уж кому я завидую, так это им. Какая же у них сладкая жизнь!

С в е т л я ч о к : Сладкая жизнь?

Г н и л у ш к а : Только на одном меде и живут! А еще ягоды! Малину, землянику уж как любят! Жирок нагуляют за одно только лето, а спят всю зиму. Знай, лапу сосут...

С в е т л я ч о к : Так можно проспять всю жизнь и не увидеть, как высоко над лесом живут их звездные братья. Если бы они только могли представить, что в жизни есть кое-что послаще малины с медом. Есть что-то, ради чего, собственно, стоит жить...

Г н и л у ш к а : Что же это?

С в е т л я ч о к : Это – смысл жизни. У каждого он свой. У тебя – жить чтобы жить. Как можно спокойнее и дольше. Жить, как все! У меня – жить для других!

Г н и л у ш к а : Ну, значит, тебя жизнь еще не била. Вот стукнет разок-другой – поумнеешь. Да как бы поздно не было начинать жить заново. Это ведь тоже искусство!

Влетает Бабочка.

Б а б о ч к а : Ах, искусство, искусство! Мы с Мотыльком улетаем в свадебное путешествие вокруг леса!

С в е т л я ч о к : Значит, ни ночные огни, ни серенады вам не нужны?

Б а б о ч к а : Ну разумеется, нет. Мотылек считает, что это слишком провинциально! Он решил устроить свадебную вечеринку у болота. Знаете, там так романтично! Во-первых, горят болотные огни, от которых светло, как днем. А над ними поднимаются пары газа. Они создают потрясающий световой эффект. И там всегда можно послушать лягушачий хор. Это только так называется – хор! На самом деле – не песни, а сплошная импровизация. Кто во что горазд. Квакают всю ночь напролет! Стрекозы дают шоу-балет. Одним словом, все удовольствия!

Г н и л у ш к а : Но ведь там очень опасно! Всем известно, как прожорливы лягушки. А о жабах и говорить нечего. Бедные бабочки опомниться не успевают, как намертво приклеиваются к их гадкому, мерзкому языку.

С в е т л я ч о к : Мне тоже почему-то не верится, что счастье любви может начаться с какого-то болота... Я всегда считал, что там оно обычно заканчивается...

Б а б о ч к а : Вы безнадежно отстали от моды! Я была еще куколкой, а уже чувствовала, что впереди у меня необыкновенное будущее. Да, чуть не забыла. Мотылек мог бы взять тебя с нами, Светлячок, если бы ты согласился стать украшением моего свадебного наряда. Ты ведь очень красиво светишься в темноте.

С в е т л я ч о к : К сожалению, при свете дня я выгляжу обыкновенным серым жуком. Меня перестают замечать. Я страдаю оттого, что никому не нужен и считаю часы, когда над лесом взойдет луна. Тогда я зажигаюсь. Я живу и становлюсь самым счастливым Светлячком на свете!

Б а б о ч к а : Мне жаль тебя, Светлячок. Только с нами ты мог бы стать настоящим счастливчиком. Мы бы перелетали с полянки на полянку. Тебя увидел бы весь Лес! Да. Если бы ты мог светиться днем, тебе бы не было цены, и, может быть, тебя назвали бы Дневной Звездой. Ну, счастливо оставаться!

Бабочка взлетает, но Светлячок останавливает ее.

Светлячок: Звездой? Вы правда так считаете?
Бабочка: Что?.. Ах, да, конечно-конечно... Звездой, звездой!..

Бабочка улетает.

Гнилушка: Красивая жизнь у Бабочек! Лечу, куда хочу! Никаких забот. Знай себе, маши крыльшками! А ведь, кроме красоты, больше ничего и нет!

Светлячок: Она сказала, что я мог бы стать Дневной Звездой, если бы умел светиться под солнцем...

Гнилушка: Это очень опасно! У тебя может начаться звездная болезнь...

Светлячок: Нет, звезды никогда не болеют. Неужели я стану звездой... звездой... Почему бы нет?...

Гнилушка: Ну вот, уже заболел...

Автор: Да, так оно все и было. Светлячок стал все меньше светиться по ночам. Он сэкономил свои силы. Когда его просили посветить землеройкам, чтобы те не заблудились в прорытых ими подземных ходах, или понюхаться с птенцами, боящимися темноты, он нехотя летел, но давал так мало света, что вскоре его вовсе перестали звать.

На огонек теперь собирались у Гнилушки. Она учила жизни, давала советы и, что поразительно, окружающие напрочь забыли, что свет может быть живым. Вы же понимаете, даже тем, кто не спит по ночам, необходимо хотя бы искусственное освещение. Нельзя же всю жизнь прожить в потемках. Удивительно, что никому не приходило в голову взглянуть на звездное небо, чтобы понять, откуда ночью на землю льется свет. Выходило, что светила в лесу по ночам Гнилушка.

Но вот однажды по лесу пронеслась странная новость.

Гнилушка: Вы слышали? Завтра ровно в полдень Светлячок намерен стать Звездой Дня.

Автор: Это было из ряда вон выходящее событие. И на полянке собрались все жители Леса.

Светлячок: Расступитесь все! Не загораживайте мне Солнце! Сейчас я начну светиться. Вы видите? Видите? Я свечусь?

Автор: Но никто не видел никакого света. Перед ними был обыкновенный напыжившийся серый жучок. Светлячок так и не сумел стать Звездой. И всем от этого было неловко.

Светлячок: Вы мне завидуете! Вы не видите свет, который я скопил, отказывая себе во всем. Вам не нужны Дневные Звезды! Ведь при их свете станут видны все ваши недостатки!

Гнилушка: Эх, выпороть бы тебя, Светлячок. Да крапиву жалко на тебя переводить! Разве ты не понимаешь, что когда есть Солнце, никто не обратит внимание на то, что рядом появилась маленькая бледная звездочка?

Светлячок: Значит, мне никогда не стать Звездой? Я напрасно прожил свой век! Я никому не нужен... Я хочу умереть... *Плачет.*

И тут влетает измученная Бабочка, она еле взмахивает крыльями.

Бабочка: Светлячок, Гнилушка... Посмотрите на мои крылья. С них стерлась почти вся моя пыльца. Свет-

лячок, может, ты сумел бы помочь мне?

Светлячок: Что случилось? Где Мотылек? Что с тобой, Бабочка?

Гнилушка: Что с тобой, Бабочка-красавица? Где Мотылек?

Бабочка: Почему я не послушала тебя, Светлячок! Помнишь, ты хотел мне подарить Праздник свадебных огней? А я променяла его на болото!!! Мой жених, Мотылек, оказался очень легкомысленным. Летние деньки мелькали один за другим, а мы так и не отправились в путешествие вокруг леса. Да у меня бы уже не достало сил. Я растратила их в угаре веселья среди жаб, лягушек, змей, стрекоз и тритонов. В конце концов, Мотылек забыл об осторожности, и его проглотила Лягушка.

Светлячок: Я знаю, как тебе помочь. Я отдам твоим крыльшкам весь остаток своей пыльцы. Вечером ты будешь светиться, как когда-то светился я...

Бабочка: Разве ты уже не светишься?

Светлячок: Я очень долго берег себя, боялся растратить свой огонек. И вот поплатился. Зато теперь точно знаю: если у тебя есть какой-то дар или талант, его нужно дарить тем, кто рядом с тобой или далеко. И пусть ты небесная Звезда или маленький лесной Светлячок, твой свет будет виден повсюду!

Гнилушка: Я, кажется, тоже начинаю думать, что чем больше отдаешь, тем больше у тебя остается. Жаль, что я так долго не понимала, в чем смысл жизни.

Автор: А вечером, когда на огонек Гнилушки собрались гости, все восхищались прекрасной Бабочкой, светившейся от счастья. И все заметили, что даже Гнилушка начала мерцать каким-то особенным светом, который притягивал к себе все новых и новых гостей, обитателей Леса.

Бабочка: Спасибо тебе, Светлячок.

Гнилушка: И от меня прими благодарность, Светлячок.

Светлячок: Ну что вы, я так рад, что помог вам хоть чем-то...

Бабочка: Смотрите, он светится!

Гнилушка: Ты светишься ярче прежнего!

Светлячок: Правда? Вы не шутите? Значит, я еще нужен нашему Лесу?

Бабочка и Гнилушка *(вместе)*: Светлячок! Светлячок вернулся!

Светлячок: Добрый вечер! Деревья, Бабочки, Мыши... Добрый вечер! Звезды! Вы слышите меня, Звезды! Простите, что я хотел быть похожим на вас. Я просто обыкновенный Светлячок. И мое место здесь, с друзьями, в этом Лесу!

Автор: Гнилушка хотела сказать, что как раз сейчас Светлячок был очень похож на маленькую земную Звездочку. Но... промолчала. Она боялась, что у него снова начнется звездная болезнь. Но теперь-то она твердо знала, что когда Светлячкам приходит время уйти, они не просто уходят, они улетают туда, к Звездам... Потому что Светлячки не могут не светить, даже когда их не станет.

Наталья УТУКОГИР

Родилась в 1970 году в семье потомственных оленеводов в поселке Хантайское Озеро. Школу окончила в Дудинке. Живет и работает в родном поселке. Ее сказки публиковались в газетах «Таймыр» и «Огни Талнаха». В альманахе «Полярное сияние» публикуется впервые.

КАМЕНЬ, ОЗЕРО, ГОРА

По мотивам сказки эвенков поселка Хантайское Озеро

Давным-давно, когда люди еще только учились называть вещи своими именами, в небогатом чуме рода Улгигир появился на свет необычный мальчик. То ли этот свет напугал его, то ли не понравился чем-то, но, посмотрев на окружающий мир одним глазиком, второй открывать он не захотел. Так и назвали его Чокоты – одноглазый.

Поначалу его старшие братья удивлялись, почему это половина лица у Чокоты спит, даже тогда, когда он играет подвешенными камушками-гремушками? Но потом привыкли и старались не замечать, что лучшие кусочки во время еды как бы случайно достаются именно ему. А позже и сами, собирая хворост для очага, устраивали так, что вязанка одноглазого всегда была побольше, чем у них.

– Ай, да Чокоты! Какой сильный наш Чокоты! – хвалили старики.

Другой бы от радости приподнялся на цыпочки, ходил бы, распутив крылья! Но нет, не радовался Чокоты. Казалось, невидимая птица по имени Печаль по ошибке слишком рано свила гнездо в его сердце. Не увлекали Чокоты ребяческие подвиги и шалости, не интересовали их маленькие тайны и большие неприятности. Нередко на вопрос: «Где же Чокоты?» – все только пожимали плечами. Подивились, подивились на его задумчивую диковатость, да и махнули рукой. Так и вырос Чокоты незаметно, как одинокое корявое деревцо.

Когда старики покинули Средний мир и аргилили в Нижний, старшие братья поделили между собой небольшое стадо и разъехались по своим стойбищам, оставив младшему родительский чум и десяток не самых ладных оленей.

– И эти пропадут, – говорили соседи. – Куда ему, одноглазому! Потеряет.

Но прошел год, другой, третий, и заметили братья – телят у Чокоты всякий раз намного больше, чем у них. Радовались братья и слегка завидовали:

– Ты, Чокоты, наверное, шаманишь потихоньку?

Но одноглазый только смущенно улыбался и разводил руками. Нет, не умел он тогда шаманить. Но одним своим глазом видел то, что другой и тремя не увидит: где ягеля больше, где комара меньше, где снега ровно столько, сколько надо.

Медленно, неторопливо кочует время одинокого человека. Днем Чокоты обычно что-нибудь мастерит или перегоняет оленей на своем пастбище, а по ночам отпугивает волков, разводит маленький костерок и наблюдает, как наверху пасутся маленькие звезды. Некоторые знакомы ему с детства.

– Илкон, Дугама, Ханкен... Много оленей у небесного пастуха, – думает Чокоты, – не сосчитаешь... Вот бы мне хоть половину такого стада! Поселилось бы счастье в моем чуме. Или одним глазом счастья не увидишь?

Как-то в морозную, особенно ясную ночь Верхний мир был так близко, что, казалось, оттуда доносится едва уловимый скрип полозьев и тихое бормотание колокольчиков.

– Одна звезда, вторая, третья, – без всякого умысла переводил взгляд Чокоты, но, досчитав до десяти, задремал.

Утром смотрит – среди его оленей десять чужих бродяг. Белые, гладкие. Откуда взялись? Смирные. Подойдешь – голову на плечо кладут, словно когда-то телятами бегали за Чокоты.

Никто не приезжает, пропавших оленей не ищет. Ладно. Значит, Чокоты им теперь хозяин.

Прошло какое-то время, случилась опять ночь безветренная, чуткая. Лежит Чокоты на санках, заложил руки за голову, об оленях думает, о людях, о звездах. А звезды рядом сверкают, протяни руку – погладить можно. А считать совсем легко.

– Одна, вторая, третья... – дошел счет до двадцати, и заснул уставший за день Чокоты.

Проснулся, а в стаде еще двадцать чужих оленей появилось. Белые, гладкие... Догадался Чокоты, чьи это олени, испугался – придет небесный пастух, ругать будет! Но, поразмыслив, успокоился. В таком огромном стаде пропажа нескольких оленей совсем незаметна. Да и не украл же он их, сами поменяли хозяина. И еще несколько раз принимался Чокоты считать звезды, но не часто, а вскоре и во все перестал. Чокоты не жадный, много ли одному надо?

Чем больше у пастуха оленей, тем больше его уважают. Старшие братья все чаще ездили к младшему за советом и помощью.

– Ты бы пошаманил и нам, Чокоты! – смеялись они.

А Чокоты не улыбается, не разводит руками, как раньше, но и открыться братьям не может. Пойдет слух по тундре, начнут все оленеводы звезды считать, смотри потом в пустое небо!

Однажды у брата, которого звали Хэгды, тяжело заболела дочь.

– И жир медвежий, и трава целебная – ничего не помогает. Поедем, брат, вылечи Солонго, – уговаривал Хэгды.

– Какой я тебе шаман? Как вылечу? – сердился Чокоты. – У меня и бубна-то нету...

– Бубен будет, – обрадовался Хэгды, – бубен я тебе за просто сделаю!

Нет, не мог Чокоты отказать брату, хоть и несколько не верил, что, ударяя в бубен, да еще сделанный на скорую руку, можно достучаться до злых духов, упросить не забирать бедную Солонго.

«Если в сердце у брата еще теплится пусть слабая надежда, нельзя дуть на нее холодными губами». Так думал Чокоты, пока упряжка неслась от стойбища к стойбищу.

В чуме Хэгды было жарко. Его жена суетилась у очага, подкладывала сухие ветки под парящий котелок с пахучими травами и кореньями. На постели из оленьих шкур разметалась в горячке совсем маленькая девочка. Чокоты присел возле нее на корточки и растерянно заморгал единственным глазом.

«Что я могу? Что-то надо делать, но что? Ну что я могу?» – лихорадочно спрашивал он себя и не находил ответа.

Солонго смотрела испуганно, не узнавая. Пальчики ее тонко подрагивали, словно что-то искали. Чокоты взял их в свои большие ладони и чуть не уронил – такие они были горячие.

– Не бойся, я твой дядя. Я – Чокоты. Ты не бойся.

Тем временем Хэгды натянул на тальниковый обруч кусок волчьей шкуры, повесил несколько жалобно звянувших бубенчиков и подошел к Чокоты.

– Подожди, – шепнул тот, не оборачиваясь.

Укутав притихшую девочку, Чокоты взял ее на руки и вынес из чума.

– Не бойся, Солонго. Слушай меня и ничего не бойся, – говорил Чокоты. – Видишь, какое небо? Большое, теплое. Не бойся. И ты не бойся, иди сюда, – поманил он теленка.

И теленок не испугался, заглянул девочке в лицо и смешно зашевелил ушами: понимаю, мол, болеть никому не интересно.

Солонго слегка улыбнулась, но, видимо, борьба с болезнью ее утомила, она сладко зевнула, и глаза ее закрылись. А Чокоты смотрел на успокоившуюся девочку и все шептал ей о звездах, о траве, о цветах, о теленке, который тоже задремал неподалеку, опустившись на шелковистые колени.

А утром в чуме, прихлебывая горячий чай, Чокоты слушал, как девочка, смеясь, рассказывала о теленке, ко-

торый говорил ей о цветах и при этом вот так шевелил мохнатыми ушами...

На самом ли деле помог Чокоты этой девочке, или она сама пошла на поправку, но с тех пор мнение о его шаманстве укрепились.

– Даже бубен в руки не брал, – многозначительно говорили в тундре.

В тундре все про всех знают. Вскоре не только ближние, но и дальние привозили к одноглазому шаману больных и недужных. Взрослые – всегда немножко дети, если они во что-нибудь верят, лишая их этой веры все равно, что раньше времени отнять младенца от материнской груди – затоскует младенец.

Волей-неволей пришлось Чокоты не только брать в руки волчий бубен, но и научиться камлать, делая страшное лицо, что одноглазому совсем нетрудно, и все для того, чтобы люди не сомневались – болезни покинут их. И, действительно, очень многие выздоравливали, тем более, что Чокоты не только шаманил, уговаривая злых духов, но и травы научился заваривать, и вывихнутую ногу умел дернуть так, что хромым начинал бегать быстрее молодого бычка.

С пустыми руками к шаману не ходят – кто песца принесет, кто шкатулку, кто чашу серебряную. И отказаться нельзя – обида человеку будет. Всего стало вдоволь в чуме Чокоты. И чум теперь большой, просторный. Но как-то пусто в нем, уютно. Одинок был Чокоты, как единственный глаз на его лице. Давно уже пора привести в чум хозяйку. И ни одна красавица не отказалась бы стать женой пусть одноглазого, но богатого и доброго шамана. Ко многим приглядывался Чокоты. Ловкие, работающие, а скажут два-три слова – нет, не так говорят, не те слова, не откликается на них умное сердце Чокоты. Долго бы еще искал он себе невесту, да взяло его сомнение – знают ли в чужих чумах те слова, что придется ему по душе? И вспомнил Чокоты, как носил на руках маленькую девочку, как упрасивал злых духов отказаться от своей добычи, обещая им... Много чего обещал им Чокоты.

– Солонго? – удивился брат, глядя на смущенного Чокоты. – Да какая из нее хозяйка! В куклы еще играет да теленка своего дразнит.

Не хочет Хэгды отдавать любимую дочь, а сказать «нет» язык не поворачивается. Не чужой просит, помогал сколько, опять вот с подарками приехал... И уповая на то, что девочка испугается, позвал Солонго.

– Вот дядя Чокоты забрать тебя хочет. Что мне сказать ему, доченька?

– Зачем тебе? Я сама скажу, – просто ответила Солонго. – Куклы я давно отдала младшим, а теленка... Теленка я с собой заберу, – и озорно посмотрела на улыбающегося Чокоты, – можно, дядя?

«Подслушала...» – ошеломленно подумал отец, но это уже не имело никакого значения.

Переступила Солонго порог дядиного чума, а навстре-

чу – тишина. Нет, не место ей там, где Солонго. Вышвырнула Солонго тишину из чума, как собаку! Разве только на ночь запускала – пусть погрееется.

С утра до позднего вечера шумно в чуме Чокоты. Будто не одну, а целых три Солонго привез он на свою голову. Звон в ушах – это одна Солонго посуду моет. Огонь шипит – это вторая Солонго мясо жарит, жир уронила. Птицы щебечут – это третья Солонго песенку поет или рассказывает что-то.

– Отдохни, Солонго! Помолчи немного, – порой шутя поглядит ее по голове Чокоты.

– Если я молчу, значит, я сплю, – смеется Солонго, – а во сне только ленивые умеют лепешки стряпать.

Нет, назвать Солонго ленивой и слепой бы не догадался, а Чокоты пусть и одним глазом, но хорошо видел, как старается Солонго скорее научиться всему, что должна делать настоящая хозяйка чума. Вот рукавички взялась шить, все пальчики исколола костяной иглой, а не бросила – тепло в них рукам Чокоты, радостно.

По-прежнему пас он своих оленей, ставил ловушки на песцов и росомах, выстреливал полозья для санок или плел маут, но что-то новое, большое и яркое, как солнце после долгой полярной ночи, осветило всю его жизнь. Хотелось сохранить это новое новым, не стареющим, не изменяющимся по прихоти неумолимой природы... Но так не бывает и в сказках..

Однажды ветренным, снежным вечером, когда Чокоты рисовал угольком портрет поющей Солонго, собаки, спавшие возле чума, как-то неуверенно залаляли, потом заскулили, и все стихло.

«Не к добру», – подумал Чокоты и откинул полог. Неподалеку на снегу что-то темнело, собаки принюхивались и вяло виляли хвостами. «Человек!» – заторопился Чокоты. Навстречу поднялся незнакомый юноша, совсем мальчик.

– Олень упал, – с трудом разлепил он губы. – Думал, все, не дойду...

– Потом, потом расскажешь, – подхватил его Чокоты. – Сейчас – тепло, чай.

В чуме Чокоты помог парнишке освободиться от обледеневшей парки и бокарей и, убедившись, что тот нигде не поморозился, усадил его ближе к огню. Солонго дала ему чай. Обхватив горячую чашку двумя руками, юноша устало и печально смотрел в огонь, изредка на его щеках появлялись влажные следы – то ли слезы, то ли влага с оттаивающих ресниц. Даже Солонго, поглядывая на гостя, как-то притихла, повзрослела.

Долго сидели молча. Наконец парень покачал головой, отказываясь от очередной чашки.

– Теперь рассказывай, – нарушил тишину Чокоты.

И юноша, тяжело вздохнув, поведал им свою печальную историю.

Энуке – так звали юношу – был из рода Оллогириков, чьи олени паслись далеко, на холодном краю земли.

– Далеко, – повторил Энуке, посмотрев на пальцы, – десять дней пути.

Много чумов ставили когда-то Оллогири, много упряжек собиралось по большому празднику в стойбищах старейших в роду. Но разгневались за что-то злые духи Нижнего мира, один за другим опустели чумы, разбрелись по тундре олени, а у оставшихся в живых Оллогириков не было сил найти и собрать их. Только несколько ездовых оленей, привыкших к человеческим подачкам, топтались вокруг последнего чума Оллогириков. Тогда ослабевший отец Энуке сказал ему:

– Я вижу, болезнь еще не коснулась тебя. Ты еще мал, и злые духи, наверное, не заметили тебя. Но один ты пропадешь. Тебе надо ехать. Бери всех оставшихся оленей. Не жалей их. Держи на полуденное солнце. Десять дней. Ты должен найти там большого одноглазого шамана, его так и зовут – Чокоты. Не бойся его. Говорят, он умеет согревать в ладонях снег. Пусть скажет, как жить последнему из рода Оллогириков.

– Потом он уже ничего не говорил мне, – добавил Энуке и закрыл глаза.

Ресницы его давно высохли, и теперь сверкнувшие на них две водяные капельки могли быть только слезинками.

Чокоты задумчиво пошевелил прутиком остывшие угли и медленно произнес:

– Для тебя я не шаман, Энуке. Зови меня дядя Чокоты. Сейчас еще немного поешь и отдохай. Утром поедем открывать пасти. Песец уже совсем белый.

А Солонго ничего не сказала. И это было хуже всего! Но ведь ее никто ни о чем не спрашивал...

Первое время Чокоты был даже рад появившемуся помощнику. Энуке оказался смышленным, все схватывал буквально на лету и любую работу делал так старательно, что Чокоты только одобрительно покашливал в кулак. Но потом, когда печаль по утратам потихонечку покинула глаза и сердце Энуке, они с Солонго стали иногда устраивать вдвоем такой тарарам, что хоть бубен доставай. Чокоты все чаще начал задумываться, а что же дальше?

А дальше было то, что бывает всегда. К Солонго и Энуке пришла весна! Как-то внезапно, в один день вспыхнули все мыслимые и немыслимые цветы, затрепетали птичьи крылья, воздух наполнился ароматом неузнаваемых желаний – весь мир сошел с ума!

И только Чокоты не испытывал пьянящей радости всеобщего пробуждения от зимней меланхолии и спячки. Все чаще мрачнел он, глядя, как Солонго и Энуке, взявшись за руки, возвращаются к чуму и издали машут ему охапками всякоразных цветов, словно хвалятся своей красотой и молодостью, не замечая горькой усмешки на одноглазое лицо своего доброго дяди. Но разве Чокоты теперь добрый? Разве не поселились в груди его злые духи и не рвут его сердце кривыми когтями?

И наступил день, когда Чокоты, повернувшись к Энуке, как-то особенно ласково сказал:

– А ты совсем взрослым стал, Энукэ! Пора тебе ставить свой чум. Хватит работать на доброго дядю. Выбери двадцать оленей из моего стада, – Чокоты улыбнулся, и глаз его стал холодным, как топор, – но только ставь свой чум там, откуда ты пришел – на земле рода Оллогиров!

Энукэ еще удивленно смотрел на доброго шамана, а Солонго уже все поняла. Не Чокоты ли научил ее думать? Не он ли воспитал ее честной и смелой?

– Тогда и мне надо собирать свои вещи, – просто сказала Солонго.

Стрела, выпущенная чистой рукой, всегда попадает в цель. Но Чокоты попытался выдернуть ее:

– Ты останешься здесь. Ты Солонго из рода Ултагир.

– Я останусь Солонго и в роду Оллогиров.

Новая невидимая стрела попала в голову Чокоты, разум его помутился.

– Тогда я не дам ему ничего!

Лучше бы он не говорил этого! Сразу же понял Чокоты, но было уже поздно.

– Пойдем, Энукэ, – по-прежнему спокойно сказала Солонго, – чум моего отца недалеко. Я хорошо знаю дорогу.

И Энукэ поднялся и, не совсем понимая, что произошло, и не успев сказать ни слова, пошел вслед за Солонго, потому что нельзя оставаться там, где ее нет.

Убитый, но еще живой Чокоты видел, как они удаляются все дальше и дальше по такой молодой тундре, что больно было смотреть... Можно было только ненавидеть! И вместо доброго дяди Чокоты на пороге чума появился Большой Одноглазый Шаман с волчьим бубном.

– Камень! Пусть будет камень! – хрипло заклинал настоящий Шаман, и сердце его негромко било в волчью шкуру.

– Духи Нижнего мира! Я вижу камень! Пусть Энукэ станет камнем! Камень! Камень! Камень!!!

Солонго и Энукэ были уже далеко и не могли услышать вопли обезумевшего Чокоты. Но Энукэ вдруг остановился, выпустил руку Солонго из своей ладони и, еле ворочая языком, прошептал:

– Дальше иди одна, Солонго... не оборачивайся, Солонго...

Солонго, конечно же, сразу обернулась и закричала от ужаса. Вместо Энукэ выросла бесформенная глыба, тяжело вдавливаясь в землю, теряя последние знакомые очертания.

– Энукэ! Энукэ! – закричала, зарыдала Солонго, пытаясь обхватить этот камень, не дать ему расти дальше, как будто небольшой камень не так страшно, не так насовсем, как огромный. Горячие слезы хлынули на холодную, шероховатую поверхность и побежали ручьем. Ручьев становилось все больше, словно и камень оплакивал остановившуюся, несостоявшуюся судьбу. Вскоре у подножия валуна образовалось небольшое озеро. Слезы все текли, и вода прибывала. Вот она дошла Солонго до колен, вот уже волны накатываются ей на грудь, но руки ее по-прежнему обнимают дорогой камень, не хочет Солонго покинуть своего Энукэ... И стала Солонго озером.

А Чокоты? Видел Одноглазый Шаман, как Энукэ превратился в камень, но не успел насладиться черной радостью, потому что видел и Солонго, исчезающую в воде. Напрасно тянул он руки к Озеру, напрасно умолял злых духов сохранить ему Солонго – скрылась в волнах ее голова, нет больше Солонго.

Глянул на свои руки Шаман, а в руках у него не волчий бубен, а камень. Повернулся к чуму, а чум стоит не шкурами-нюками покрыт, а каменными плитами. Понял тогда Чокоты, что надсмеялись над ним злые духи. Ударил он кулаком в каменный бубен и вошел в каменный чум.

Задыхал Каменный Чум, и с каждым вздохом становился все выше и выше, будто хотел он добраться до Озера, но верхушка уперлась в небо, и расти ему стало некуда...

Так и стоит огромная Гора недалеко от Озера, но даже тенью своей не может дотянуться до воды – такой чистой и прозрачной, какой может быть только первая любовь.

А в Озере по-прежнему сверкает отполированный волнами Камень – потому что и камень становится прекрасен, если его любят.

Оксана ДОБЖАНСКАЯ

Родилась в Киеве. Закончила Новосибирскую государственную консерваторию и при ней аспирантуру, по специальности – этномузыковед. С 1989 года занимается изучением музыкального фольклора народов Таймыра. Составитель ряда фольклорных сборников, кандидат искусствоведения. Ее работы публиковались в журналах «Факел Таймыра», «Северные просторы», в альманахе «Полярное сияние». Живет и работает в Дудинке.

СЛОВО О ДРУГЕ

31 октября 2002 года не стало Казимира Изидоровича Лабанаускаса (1942–2002) – известного таймырского фольклориста, языковеда, этнографа, постоянного автора альманаха «Полярное сияние». Его памяти посвящается эта статья.

«Значение личности и творчества Казимира Изидоровича мы еще не осознали. Он – связующее звено между прошлым и будущим. Фольклор таймырских народов в своих книгах он передает молодежи, юным читателям».
В.С. Таранец – главный мастер-художник таймырского окружного центра народного творчества

Казис Изидораус Лабанаускас – полное имя этого человека, родившегося в Литве. На Таймыре его называли Казимир Изидорович. Так звала его и я на протяжении 12 лет, зная и безмерно уважая сначала издали, из Новосибирска – как прекрасного специалиста, недостижимого лингвиста-профессионала, а затем, работая в коллективе Таймырского окружного центра народного творчества, – как замечательного человека и друга. Эти заметки я пообещала себе написать о Казимире Изидоровиче во время его похорон, когда вместе со всеми несла венки, и зимний ветер не давал плакать. Знаю, что о Казимире Изидоровиче позже напишут книги, а сегодня я предлагаю свой краткий рассказ-воспоминание. Не камень в основании памятника – а теплое дуновение преданной памяти.

Начну рассказ выпиской из личного дела:

«Родился 27 июля 1942 года в Расейнском районе Литовской ССР, в семье крестьян. По направлению от колхоза поступил в Ленинградский государственный университет им. Жданова и успешно его закончил в 1969 году как филолог-унгорист, учитель русского языка». Казимир Изидорович не любил рассказывать о себе и почти никогда не говорил о своей семье, о Литве. Другое дело – о работе, тут мы с ним могли разговаривать часами.

Увлечение языком и фольклором ненцев – пожалуй,

первое серьезное «увлечение» ученого – началось с назначения молодого специалиста, только что закончившего Ленинградский университет, заведующим Малооземельским красным чумом в поселок Нельмин Нюс (Ненецкий автономный округ). Три года молодой учитель русского языка прожил бок о бок с ненцами-оленеводами, подолгу кочевал в тундре с оленеводческими бригадами. Там он изучил ненецкий разговорный язык, поразились его богатству и выразительности, тогда у него появилось большое желание продолжить дело выдающихся ученых-ненцеведов Т. Лехтисало, Н.М. Терещенко, Я.Н. Поповой.

Серьезные занятия ненецким языком продолжил в 1972–1975 во время обучения в аспирантуре Института языкознания АН СССР. За эти годы были подготовлены научные статьи в серьезных лингвистических журналах (таких, как «Советское финно-угроведение»), проведены интересные экспедиционные исследования. Был написан и текст диссертации, однако до ее защиты дело не дошло по не зависящим от соискателя причинам.

После успешного окончания аспирантуры К.И. Лабанаускас приехал на Таймыр, где 15 лет проработал методистом агиткультбригады отдела культуры Таймырского окрисполкома. За эти 15 лет К.И. Лабанаускас объехал весь Таймыр, побывал в поселках и самых отдаленных точках полуострова.

Во время этих поездок он читал лекции о международ-

ном положении, выступал с разъяснениями интересующих население округа вопросов, проводил беседы. Но никогда не забывал своей миссии ученого: углублял свои лингвистические познания, изучая языки и фольклор тех людей, с которыми встречался в поселках и на тундровых точках. Это были языки населяющих Таймыр северных самодийцев: ненцев, энцев, нганасан. Целенаправленные занятия языками Таймыра (разговорная практика в тундре, штудирование известных словарей и исследований) в скором времени привели к тому, что Казимир Изидорович стал свободно изъясняться на языках аборигенов тундры, и этим завоевал огромное уважение местного населения. Знание языков стало основой его тесных дружеских и творческих связей с представителями национальной интеллигенции – ненцами Анной Ивановной Дюкаревой, Антониной Ивановной и Михаилом Александровичем Ненянг, Людмилой Бобриковой и Еленой Сусой, нганасанами Мотомяку Сочуптеевичем Турдагиным, Ларисой Яндиптеевичей Турдагиной, Надеждой Тубяковой Костеркиной, Светланой Нереевной Жовницкой, энцами – Дарьей Спиридоновной Болиной, Верой Николаевной Болиной и другими.

К.И. Лабанаускас – известный фольклорист-полевик, собиратель фольклора коренных народов Таймыра. Начиная с 1973 года, Казимир Изидорович вел целенаправленные магнитофонные записи языка и фольклора таймырских ненцев в поселках Воронцово и Тухардской тундре. Особенно плодотворной была творческая работа по записи и обработке репертуара выдающегося ненецкого сказителя Василия Дмитриевича Яра. Результатом этих полевых исследований стали книги К.И. Лабанаускаса «Ненецкий фольклор» (1995 г.) и «Сказы седой старины. Ненецкая фольклорная хрестоматия» (2001 г.). Полевые записи нганасанского фольклора, сделанные в 1973-1979 годах в поселках Новая Хатангского района, Усть-Авам, Волочанка Дудинского района, легли в основу «Нганасанской фольклорной хрестоматии» (2001 г.).

Наиболее плодотворным периодом творческой работы К.И. Лабанаускаса стали годы работы главным специалистом по фольклору Таймырского окружного центра народного творчества (1991-2002). Здесь реализовались накопленные знания и практический опыт ученого-самоедолога, были подготовлены к публикации и изданы его основные труды – 12 книг по фольклору народов Таймыра.

Все эти годы Казимир Изидорович готовил материалы для национальных страниц окружной газеты «Таймыр», регулярно публиковал статьи по культуре народов Таймыра. Многолетнее сотрудничество с художественной редакцией Таймырского радио затем переросло в специальный проект «Родники» (1998-2002), где автор регулярно знакомил таймырских радиослушателей с самобытным народным творчеством и национальными традициями коренных народов полуострова.

Сказки, легенды и предания аборигенов тундры в исследованиях К.И. Лабанаускаса часто получали неожидан-

ное освещение. Ученого остро интересовала тема непознанных физических и духовных возможностей человека, загадок и тайн мировой истории. Эту современную, волнующую тему К.И. Лабанаускас с блеском раскрывал на примерах устного народного творчества таймырцев, находя в местном фольклоре образы пришельцев из космоса и даже описания летательных аппаратов. Удивительная особенность мышления ученого, умение находить в древних текстах неожиданные параллели способствовали возрастанию общественного интереса к произведениям устного народного творчества.

В начале 1990-х годов К.И. Лабанаускас подписался на журнал «Германия», который получал прямо из консульства в Москве сначала на немецком, а потом и на русском языках. Казимир Изидорович щедро делился с коллегами и друзьями полученной информацией, мы узнавали от него много нового. Так, мастера-косторезы именно от него узнали о немецких резчиках по бивню мамонта (материал о них был опубликован в одном из номеров журнала). Потом, в конце 1990-х, на столе Казимира Изидоровича появились «Итоги», «Власть», «Деньги» – и кабинет народного творчества на втором этаже в здании на Советской, 39 (ныне снесенном) превращался в оживленный пресс-клуб, где во время познавательных бесед рождалось множество творческих идей и проектов.

Прекрасное знание иностранных языков – немецкого и английского – добавляло К.И. Лабанаускасу служебных хлопот. Он вел регулярную международную переписку и поддерживал творческие связи с Международной организацией по народному творчеству в Австрии, Обществом М. Кастрена в Финляндии, Домом народных культур в Берлине, отправлял новые издания по фольклору в Библиотеку Конгресса (США), Кембриджский университет (Великобритания), университет Тампере (Финляндия) и по множеству других адресов.

Вести плодотворную, насыщенную творческую жизнь, не сбываясь на ритм производственной текучки, Казимиру Изидоровичу помогали его врожденные качества – аккуратность, трудолюбие, пунктуальность. Организованность рабочего процесса поражала всех. Я вспоминаю, как входила по утрам в наш кабинет, и всегда видела одну и ту же картину: образцовый порядок на столе (рабочие тетради и папки разложены в линию), радиоприемник с антенной, чтобы в 13.10 послушать передачи таймырского радио, часы, показывающие время минута в минуту. И сам Казимир Изидорович за столом, просматривающий прессу и готовый ровно в 9.00 приступить к работе. Всегда подтянутый, подчеркнуто элегантный, часто – в новом галстуке (где-то после 1995 года Казимир Изидорович начал регулярно носить галстуки, увлекся ими, и потом у него собралась целая коллекция – предмет тихой зависти мужской части нашего коллектива).

К.И. Лабанаускас одним из первых в Таймырском окружном центре народного творчества освоил компьютер. Все публикации на языках народов Таймыра он набирал с помощью национальных шрифтов, самым тщательным

30-летию долганской письменности, основоположником которой стала
Огдо (Евдокия Егоровна) Аксенова (1936 – 1995 гг.),
посвящается

Николай ПОПОВ

Родился в 1929 году на Таймыре, в Авамской тундре. Первый долганский профессиональный журналист, первый переводчик Библии и сказок А.С.Пушкина на долганский язык. Публиковался в окружной и краевой печати, в коллективных сборниках «Аргиши в полвека», «Белый олень Сэреко». Автор книг на долганском и русском языках «Из рода Каранто», «Эристин». Живет в Дудинке.

ИЗ РОДА КАРАНТО

1.

По зимней заснеженной тундре во всю прыть мчалась оленья упряжка.

Вдали, на фоне чистого неба, отчетливо вырисовывался хребет Ушкан Камень, а впереди, прямо по дороге, виднелся поселок из балков на полозьях. Недалеко от поселка паслось стадо оленей, добывая из-под снега корм. Поселок этот только-только перекочевал на новое стойбище...

Егор Дмитриевич Аксенов подъехал к балку Уйбана и остановил упряжку. Забеспокоились и подали звонкие голоса лайки. И тут же приоткрылась дверь балка и выглянула хозяйка – жена Уйбана. Присмотревшись к приехавшему человеку (тот привязал оленей и стал снимать с себя сокуй), сказала:

– Однако, сам родовой к нам приехал, – и закрыла дверь. (Долгане долго называли председателей кочевых советов «родовыми», хотя таковых давно уже не было.)

– Однако, какие-то важные вести есть, если приехал, – заключил Уйбан.

Он знал, что Егор Дмитриевич обязательно зайдет к нему, и, пока будет пить чай, его можно спрашивать обо всем, и он расскажет много интересного... И ездил Егор Дмитриевич без каюра – сам управлял упряжкой. Он не поддавался новому веянию времени – в командировку ездить только с каюром.

Егор Дмитриевич зашел в балок Уйбана, поздоровался с каждым за руку, затем над тазом стряхнул с бокарей снег, снял чебак, повесил его на гвоздь и сел рядом с Уйбаном. Ростом Егор Аксенов небольшой, коренастый, что выдавало его недожинную силу. Резко выраженная смуглость на лице придавала обманчивую суровость. Острые глаза смотрели на человека доверчиво. Он знал, что людей волнует, какие у них проблемы: старое не сдается так сра-

зу, оно сопротивляется, умело приспосабливается к новым условиям.

И только Егор Дмитриевич сел, Уйбан сразу же начал изливать свои обиды, чтобы уж все сразу и сполна:

– Тут у нас неладно получается. В стойбище все еще толки ходят: кто в достатке живет, те не хотят с бедняками вместе работать. Они говорят: «Пастбища, рыбные реки, озера – наши дедовские места – останутся за нами. Мы сами как-нибудь управимся без помощников...» – Уйбан вдруг замолчал, теребя подбородок непослушными пальцами.

Хозяйка подала чай, и Егор Дмитриевич, внимательно поглядывая на Уйбана, молча стал пить чай из блюдца, потом поставил блюдце на стол и сказал, улыбаясь:

– Неладно бывает, когда бокари спадают.

Уйбан сразу оживился и заулыбался.

– Ты сам знаешь, почему они так говорят!

– Сеп, сеп! (Ладно, ладно!) – только и сказал ему Егор Дмитриевич.

Он хорошо знал, что зажиточные оленеводы упираются, показывают свой характер: держатся особняком и беднякам чинят препятствия. Вот потому люди и тянутся к тойону (начальнику) от советской власти, рассказывают ему о трудностях и радостях. И людям нужно помочь...

– Зови соседей. Немного толковать будем, – сказал хозяйке председатель кочевого совета.

Егор Дмитриевич достал из полевой сумки ученическую тетрадь, разглядел ее и положил на стол.

Жена Уйбана открыла окно балка и громко позвала:

– Идите! Идите сюда! Будет собрание!

Егор Дмитриевич начал карандашом что-то писать в тетради. Писал он с каким-то особым усилием, склонив голову и часто шевеля губами.

В стойбище люди видели, что приехал председатель

30-летию долганской письменности, основоположником которой стала
Огдо (Евдокия Егоровна) Аксенова (1936 – 1995 гг.),
посвящается

Николай ПОПОВ

Родился в 1929 году на Таймыре, в Авамской тундре. Первый долганский профессиональный журналист, первый переводчик Библии и сказок А.С.Пушкина на долганский язык. Публиковался в окружной и краевой печати, в коллективных сборниках «Аргиш в полвека», «Белый олень Сэреко». Автор книг на долганском и русском языках «Из рода Каранто», «Эрестин». Живет в Дудинке.

ИЗ РОДА КАРАНТО

1.

По зимней заснеженной тундре во всю прыть мчалась оленья упряжка.

Вдали, на фоне чистого неба, отчетливо вырисовывался хребет Ушкан Камень, а впереди, прямо по дороге, виднелся поселок из балков на полозьях. Недалеко от поселка паслось стадо оленей, добывая из-под снега корм. Поселок этот только-только перекечевал на новое стойбище...

Егор Дмитриевич Аксенов подъехал к балку Уйбана и остановил упряжку. Забеспокоились и подали звонкие голоса лайки. И тут же приоткрылась дверь балка и выглянула хозяйка – жена Уйбана. Присмотревшись к приехавшему человеку (тот привязал оленей и стал снимать с себя сокуй), сказала:

– Однако, сам родовой к нам приехал, – и закрыла дверь. (Долгане долго называли председателей кочевых советов «родовыми», хотя таковых давно уже не было.)

– Однако, какие-то важные вести есть, если приехал, – заключил Уйбан.

Он знал, что Егор Дмитриевич обязательно зайдет к нему, и, пока будет пить чай, его можно спрашивать обо всем, и он расскажет много интересного... И ездил Егор Дмитриевич без каюра – сам управлял упряжкой. Он не поддавался новому веянию времени – в командировку ездить только с каюром.

Егор Дмитриевич зашел в балок Уйбана, поздоровался с каждым за руку, затем над тазом стряхнул с бокарей снег, снял чебак, повесил его на гвоздь и сел рядом с Уйбаном. Ростом Егор Аксенов небольшой, коренастый, что выдавало его недожинную силу. Резко выраженная смуглость на лице придавала обманчивую суровость. Острые глаза смотрели на человека доверчиво. Он знал, что людей волнует, какие у них проблемы: старое не сдается так сра-

зу, оно сопротивляется, умело приспосабливается к новым условиям.

И только Егор Дмитриевич сел, Уйбан сразу же начал изливать свои обиды, чтобы уж все сразу и сполна:

– Тут у нас неладно получается. В стойбище все еще толки ходят: кто в достатке живет, те не хотят с бедняками вместе работать. Они говорят: «Пастбища, рыбные реки, озера – наши дедовские места – останутся за нами. Мы сами как-нибудь управимся без помощников...» – Уйбан вдруг замолчал, теребя подбородок непослушными пальцами.

Хозяйка подала чай, и Егор Дмитриевич, внимательно поглядывая на Уйбана, молча стал пить чай из блюдца, потом поставил блюдце на стол и сказал, улыбаясь:

– Неладно бывает, когда бокари спадают.

Уйбан сразу оживился и заулыбался.

– Ты сам знаешь, почему они так говорят!

– Сеп, сеп! (Ладно, ладно!) – только и сказал ему Егор Дмитриевич.

Он хорошо знал, что зажиточные оленеводы упираются, показывают свой характер: держатся особняком и беднякам чинят препятствия. Вот потому люди и тянутся к тойону (начальнику) от советской власти, рассказывают ему о трудностях и радостях. И людям нужно помочь...

– Зови соседей. Немного толковать будем, – сказал хозяйке председатель кочевого совета.

Егор Дмитриевич достал из полевой сумки ученическую тетрадь, разгладил ее и положил на стол.

Жена Уйбана открыла окно балка и громко позвала:

– Идите! Идите сюда! Будет собрание!

Егор Дмитриевич начал карандашом что-то писать в тетради. Писал он с каким-то особым усилием, склонив голову и часто шевеля губами.

В стойбище люди видели, что приехал председатель

кочсовета, а услышав, что их позвали на собрание, сразу же стали собираться в балке Уйбана, громко разговаривая и почтительно здороваясь с Егором Дмитриевичем:

– Доробо! Доробо!

Вот в небольшой и прокуренный балок втиснулись последние мужчины. Егор Дмитриевич выждал, когда станет совсем тихо, и обратился к тундровикам:

– В народе говорят, что отдельные люди не хотят жить по-новому. Советская власть – власть народа. Земля, реки, озера и вся тундра – для всех. Олени, сети – общие, колхозные. Раньше зажиточные люди занимали хорошие пастбища, богатые зверьем уголья, рыбные места. А теперь вся тундра для бедняков. Вам известно, кто так говорит: «Дырявые парки хозяйничать не умеют. Они только есть умеют. У них руки корявые, хорей держать не умеют!...»

– У меня такая думка есть! – перебил его рядом сидящий старик Торо, с лицом, похожим на медный чайник. – Некоторые люди раньше рыбу ловили, на песца пасти ставили – они оленей пасти не умеют и дальние пастбища не знают! Какой из них оленевод? – начал рассуждать Торо, с хитрецей поглядывая на Егора Дмитриевича. Он говорил долго, витиевато, изредка размахивая короткими руками...

В балке зашевелились, а кое-кто, покашливая от табачного дыма, начал возражать:

– Кончай, старик! Век слышим такую твою говорку!

– Опять он наш ум кружить хочет!

Мужчины галдели и махали руками...

Егор Дмитриевич не останавливал их, решил: «Пусть наговорятся. Старик опять гнет свое, защищает интересы своего чума, своих сородичей».

От громкого разговора мужчин и крика старика Торо балок дрожал, как то сильной пурги. Даже собаки на улице громко залаяли, услышав необычные голоса своих хозяев...

– Я вижу, вы шибко стали кричать, – стал останавливать разгоряченных людей председатель. – Долго слушал ваш спор, прислушивался к каждому слову. Кто все еще хочет жить по-старому и мешает работать другим, пусть знает: колхозное собрание решило создавать бригады оленеводов. Так и будет. А кто станет и дальше упираться, как негодный олень в упряжке, того правление колхоза снимет с бригад.

– У меня такой ум есть, – не унимался старик.

– Кончай со своим умом! – не выдержал кто-то. – У тебя ум годен только лед колоть для чая!

Толстяк Торо от негодования только пыхтел да поглядывал по сторонам, и казалось, что он вот-вот лопнет от злости.

– Если я так понял, твой ум, старик, говорит: надо всем дружно работать, понимая друг друга. Так я говорю? –

спросил Егор Дмитриевич старика Торо.

– Хи-хи! Не знаю! – захихикал от неожиданности Торо.

Смушение старика и его хихиканье вызвали дружный смех.

Торо не ожидал этого и сам стал смеяться, вытирая со лба пот короткими мясистыми пальцами...

А Уйбан вдруг вспомнил, как однажды Торо после отъезда председателя кочевого совета Егора Дмитриевича Аксенова долго кричал вдогонку умчавшейся упряжке:

– Смотри, тойон нашелся! Вся голь с дырявыми парками всполошилась! Друг друга защищают! Сам кто? Нищий из эвенского рода Каранто! Люди Каранто все такие! Не любят, кто в достатке живет! Н-е-ет, я буду пасти своих оленек на земле своих предков!..

И теперь Уйбан радовался, что они все вместе дали большую трепку Торо, что исподтишка мутил воду, как старая щука.

Поговорив еще немного о том о сем, мужчины начали расходиться по домам.

И Егор Дмитриевич засобирався в дальний путь.

– Я рад, что колхозники сами стали давать отпор тем, кто мешает дружно работать, – перед отъездом сказал Уйбану Егор Дмитриевич.

Уйбан долго смотрел вслед убегающей оленьей упряжке, пока она не скрылась за береговыми холмиками реки Пайтурмы.

А Егор Дмитриевич мчался на оленьей упряжке по родной тундре и думал о тех переменах, которые будут в этих местах: колхоз «Родина» будет иметь стада оленей, а на этом месте будет стоять поселок с домами, школой и больницей...

2.

В окрестностях фактории Боганида готовились к большому аргишу: мужчины ремонтировали нарты и балки, а женщины укладывали пожитки. Трудились люди без устали: торопились закончить работу до захода солнца за Ушкан Камень.

На следующий день аргиш двинулся в сторону Боярки...

Целое селение, с балками и тяжело груженными нартами, оставив родные места, двигалось по чащобам и низинам к большому стойбищу Боярка, где стояли рубленные дома, где были магазины, больница, школа, радиостанция. Всем хотелось побыстрее добраться до места и своими глазами увидеть новое стойбище.

Впереди, прокладывая путь, ехал Торо. Ему самому было интересно вести большой аргиш к новым местам и первым увидеть Боярку.

На одной из упряжек ехала бабка Дюбген и без устали рассказывала внучке Огдо о местах, по которым аргишил ее род. Огдо смотрела на замерзшие озера и речки, представляла, как здесь двигались старинные аргиши, оставляя

за собой глубокие следы, и обо всем спрашивала бабушку.

Вот Огдо вспомнила про старика Торо и подумала: «Почему он про ее отца так говорит?» Спросила бабушку Дюбген:

– Эбэ, почему Торо обзывает папу Каранто?

– Что ты говоришь? – переспросила бабка. – Где ты услышала это слово?

– Так говорил Торо, когда говорил про отца. Это очень плохое слово, да? – спросила Огдо.

– Каранто – это наш род, – сказала бабка Дюбген. – От слова «кары» – предплечье. Вот эта часть руки, – показала бабка Дюбген. – Эвенкийский род Каранто много воевал. Мужчины его были очень сильными богатырями. Когда-то вождь Каранто был богатырь Кюрюкэй. Он близко к себе никого не подпускал, шкурки песцов и соболей принимал острием пика. Вот каким он осторожным был, как лесной зверь. В тундре есть речка Кырылах. Когда-то на берегу этой речки мужчины нашли громадную «кары» (предплечную кость) и не могли ту кость сдвинуть с места. Много есть сказаний о том, что род Каранто жил и кочевал по этой речке...

Огдо молча слушала свою бабушку Дюбген, смотрела перед собой куда-то далеко-далеко и представляла богатырей из рода Каранто: они размахивали пиками, поднимали

каменные глыбы и бросали их с гор Путорана...

– Ты что, спишь? – вдруг услышала она голос бабушки.

– Нет, только вижу, – ответила девочка.

Бабушка Дюбген не поняла, о чем говорила ее внучка, и продолжала что-то рассказывать...

Огдо больше ее не слушала: она вдруг представила, что маленький толстенький старик Торо, ехавший впереди, убегает от них...

Огдо громко рассмеялась и захлопала в ладоши.

– Ты почему развеселилась? – встревожилась бабушка.

Но Огдо продолжала смеяться и показала на передний аргиш, где колюбком маячил на санке старик Торо. Он ей теперь казался таким маленьким-маленьким, а богатыри Каранто большими-большими...

Огдо любила своего отца Егора Дмитриевича Аксенова, гордилась им, а теперь она знала и про свой род. Слово «Каранто» ее больше не пугало.

Через несколько дней аргиш подошел к Боярке...

Вот из-за леса приоткрылась широкая река Хета, покрытая льдом и снегом. На противоположном высоком берегу стояли дома поселка, а вдалеке синели горы Путорана.

Боярка принимала своих хозяев – оленеводов, охотников, рыбаков...

Маргарита БОЯРСКАЯ

Родилась в Енисейске, выросла в Дудинке, живет в Норильске, работает логопедом. Ее проза публиковалась в газетах «Заполярный вестник», «Заполярная правда», в альманахе «Полярное сияние». Картинки славянской истории, рассказы о жизни и сказки для взрослых составили ее первую книгу «Веры тонкая свеча», выпущенную издательством «Кларетианум» (Красноярск) в 2000 году.

ОГДО

Рассказ

Не растерять воспоминаний...

Сезон в пионерлагере уже в разгаре, а к нам привезли еще двух девочек. Одна из них Дуся Аксенова, вторая – Катя Чуприна. Видимо, их привез сопровождающий из далекой тундры. Огдо молчалива, часами сидела на веранде, не по годам задумчива, ни с кем не заговаривала первой и на вопросы отвечала односложно. Только в столовой Дуся говорила, будто себе:

– Опять хатлеты – надоело!

Видимо, привычка к рыбе и оленине брала свое, и редко что ела она с удовольствием. Сначала улыбалась Дуся нечасто. Дудинских детей в лагере мало. Научившиеся общаться с местным населением, мы сочувственно отнеслись к девочкам: старались ввести их в наши детские игры, но они упирались. Были они старше нас и, наверное, стеснялись.

Любила Дуся смотреть на танцующих. В летнем домике, в небольшом зале лихо отплясывали старшие девочки возраста Дуси. Мальчишки казались нам такими взрослыми, что вначале мы робко жались у стенок.

Конечно, старшие при случае не стеснялись «мелочи» дать «тычка», но мы позже осмелели и пристраивались в последние ряды танцующих. Очень любили танец «Па-де-грас» (большой шаг), старательно тянули носочек и чинно приседали, поглядывая из-под ресниц на Гену – нашего аккордеониста с немецкой фамилией, не помню какой. Не было ни одной девочки, которая не влюбилась в Геннадия. В антракте играл он классику, и все слушали зачарованно, не зная названий произведений, а главное – никто не пытался танцевать под эту виртуозную музыку, даже форсунья-балерина Ленка Фаюткина.

После антракта снова становились в ряды танцующих (как всегда, после взрослых девочек), и снова мир танца поднимал нас над землей. И тогда вспоминался рассказ моей бабы Степы, как во сне: стоит танцмейстер с палочкой-указкой в центре круга, и все боятся спутаться с шага – стыд-то какой!

Вот и нам стыдно спутаться с такта в отличие от современной толчеи. Строгий ряд по два человека, движения – отработаны на репетициях с Геной, и стыдно подвести учителя. А Гена вроде и не смотрит на нас, только едва заметная улыбка и полужакрытые глаза кружат нам и без того одурманенные головы.

«Да что ты, каменный, что ли?» – думает каждая из нас.

Но мы для него просто «мелочь», которую положено развлекать за плату. И наши вытянутые носочки не тронули ни единого фибра его сердца, видимо, подаренного кому-то...

Надо было видеть лицо Дуси: оно светлело, раскосые глаза становились большими. Чуть наклонив голову, сцепив руки на коленях, она прятала ноги, обутые в кирзовые сапоги, под скамейку и будто тоже отсчитывала такты. Вовлечь ее в танец не под силу никому. Она могла сердиться так, что мы ее боялись. Но если Дусю не трогали, она становилась мягче, иногда прорывались рассказы о доме, и тогда милей и понятней ее не найти.

Наконец я нашла Дусину слабину. В выломанную дырку забора мы с ней убежали в лес. Голубика еще зеленая, но это не мешало поглощать ее горстями. Цвела брусника, запах кедрача и хвои смягчал волевою девчонку, делая Дусю мягкой, спокойной и улыбчивой. И хотелось рассказать ей свои секреты, пока нехитрые. И она с благодарностью принимала словесный скарб, но хранила верно, не выдавая тайны, как русские девчонки своей болтливостью. Все было ею хранимо навечно. Но все-таки наедине бывать с Дусей удавалось редко: возраст требовал выхода энергии, смеха, а смена настроений и детская насмешливость переходила в непонимание не только других, но и себя. А Дуся была ненавязчива и понимала это.

Вспоминается для контраста другая девочка, привезенная вместе с Дусей, по-моему, старше ее (так нам казалось) – Катя Чуприна. Высокая, тонкая тростиночка, мало похожая на долганку, почти девушка. Она хорошо танцевала, открыто косила глазами на Гену и ближе всех

была к нему: пела песни высоким, чистым, приятным голосом, входила в образ и нас повергала в дрожь. Глаза ее впивались в Гену, когда она пела о селе, где «горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело». Искры бегали в глазах у Гены, когда Катя распевала о девке, которая вязала снопы и пела, что «на свете любо жить, если честно дело делать, если труд свой полюбить...». А мы подетски ей завидовали: вот так Катя, а Гена и не каменный вовсе...

Часто вечером вожатая, уходя на планерку, просила Дусю последить за нами, чтобы все спали. Вот тут-то все и начиналось! Дуся хитро провожала вожатую взглядом, заговорщически поднимала палец, что означало: подождите, пока вожатая уйдет далеко. Затем первая вскакивала и командовала: «Давайте!»

И начинались ужастики – рассказы... Поднимался визг. Близко сдвигались кровати, и даже щели между ними прокладывали съезжавшими с них матрацами. И тогда наступала «братская поддержка». Дуся тоже визжала с нами, иногда для страха тыча кого-нибудь под бок. И стены были готовы лопнуть от ужаса, а если б дом мог ходить, то убежал бы от нашего рева. И тут являлась вожатая, потому что от таких воплей могли бы получить инфаркт даже лешие в самых дальних болотах.

Шум стихал мгновенно, а Дуся невинно терла глаза кулаком и говорила как бы во сне:

– С хола-хойки сбежали, а холохольчик звенит, догонит.

Это она о покойнике. Умеет наврать. Темно и страшно, и все прячут головы под одеяла. Вожатая еще долго сидит, зевая вслух. Сон приходит незаметно. А утром все как рукой снимает. Солнечно, тепло. Гена с аккордеоном на зарядке. И снова в столовой ворчливое Дусино изречение:

– Опять хатлеты!

Очень Дуся любит читать. И, освоившись с нами, могла сказать, если книга была интересной:

– Уйди, а то сапогой пну...

А иногда уставится в одну точку немигающим взглядом, и как будто нет ее. О чем думала? Лучше ее не трогать. Сама подойдет, когда ее «ступор» пройдет.

Вовлечь в танцы мы Дусю так и не смогли, хотя она сама с удовольствием шла на танцплощадку, но молча наблюдала за танцующими. И еще она призналась нам, что любит слушать Гену, когда тот виртуозно играет классику в антракте, как всегда, полузакрыв глаза. Не эти ли лукавые мелодии Монти, Листа и Брамса тронули тонкую душу поэтессы Огдо? Или ветры Севера продолжили работу, и о том до сих пор поет барган?

Говорят, что узнать можно, был ли человек счастлив, только после его смерти. Стихи живут – значит, Огдо счастлива. Была бы жива – затянулась папироской, и это тоже счастье в хорошие минуты. Помня об этом, по поверью, долганы несут ей на могилу пачку «Беломора» (не сигарет! – не любила их). Вдруг да пригодятся?

Галина КОЖЕВНИКОВА

Родилась на Таймыре, жила и училась в Дудинке. Окончила Иркутский государственный университет. По профессии – журналист. Работала в окружной газете «Советский Таймыр», в редакции Таймырского радио, возглавляла телевизионное творческое объединение «Таймырские новости» ГТРК «Таймыр». Сегодня она занимается выпуском общественно-политического журнала «Дудинка», а также информационным обеспечением деятельности администрации города Дудинка. Член Союза журналистов России.

ОГДО АКСЕНОВА: ОНА САМА И О НЕЙ

Рецензия

Буквально накануне Нового, 2003 года, на Таймыр поступило уникальное издание – наиболее полное на сегодняшний день собрание произведений долганской поэтессы Огдо Аксеновой. Кафедра общей лингвистики Токийского университета издала ее стихи на долганском, русском и японском языках, тем самым расширив горизонты долганской младолитературы до страны Восходящего Солнца и далее не только на восток, но и по всему ученому миру.

Сама по себе история этого издания заслуживает отдельного разговора, однако, за недостатком места, придется ограничиться кратким изложением сути. Переводчик и давний друг Евдокии Егоровны (Огдо) Аксеновой, норильский журналист и поэт Валерий Кравец передал все оригиналы ее стихов в своих переводах одной из духовных наследниц Огдо – Анне Барболиной – в надежде, что когда-нибудь все это обязательно пригодится. Звезды на небе сошлись так, что в Токийском университете в рамках проекта «Исследования тюркских народов в Северной и Центральной Евразии» тамошнего министерства просвещения появилась возможность превратить рукописи в научный труд. Они же свели вместе трех увлеченных людей: Валерия Кравца – переводчика стихов Огдо Аксеновой на русский язык, Анну Барболину – составителя, оформителя книги и большого патриота своей культуры, и Сэцу Фудзисиро – переводчицу и составительницу сборника с японской стороны. Благодаря их трудам и самоотверженной настойчивости, на свет появилось это издание, которое сделало бы честь любому университету мира.

В том числе и отечественным. Но мы, к стыду нашему, превратили храмы науки в торжища и озабочены не столько научными и творческими поисками и проектами, сколько стремлением выжить любой ценой, а еще хуже – что-то выжать из обескровленной науки и культуры. И когда недругнувшей чиновничьей рукой из проекта бюджета стра-

ны вычеркивается статья расходов на издание художественной и учебной литературы на языках малочисленных народов Российского Севера, становится страшно за будущее, в котором чиновники отказывают в существовании культуры нескольких народов.

В Петербурге осталось единственное на всю огромную страну издательство, имеющее наработанный опыт, соответствующие шрифты, технологии, специалистов для работы над национальными изданиями. Оно содержится государством на полуголодном пайке, и тот приходится с боем отстаивать депутатам-северянам при защите бюджета в Государственной Думе. Нет никаких гарантий, что и это единственное издательство не скончается однажды от скудной финансовой диеты. Сделать же издания на языках малочисленных народов рентабельными невозможно, даже если каждому представителю этих народов, включая грудных детей, продать по книге.

Приходится искать спонсоров, обивать пороги акционерных обществ и фирм, принимать помощь из-за рубежа. Искреннее спасибо всем меценатам, но почему-то ощущение такое, будто вышел с протянутой рукой на большой, залитый огнями проспект...

Государству нашему, столь озабоченному внедрением рыночной экономики, давно пора понять, что не все меряется рублем и доходом, что публикация художественных произведений народов Севера – не прихоть, не каприз, а одно из условий сохранения и развития языков самобытных народов, значит, и самих народов. Это, если хотите, тест на цивилизованность. Выдержим ли мы его?

В новом сборнике «Е.Е. Аксенова. Собрание сочинений на трех языках», который купить нельзя, зато можно взять в библиотеке, – все отдельно издававшиеся стихи и поэмы Евдокии Аксеновой, а также те, что были частью коллективных сборников и поэтических подборок в различного рода изданиях. Кроме того, в книгу вошли сказки, рассказы, песни, пословицы, поговорки. Все это богатство

сгруппировано по девяти тематическим разделам, снабжено пояснениями и комментариями специалистов, а также приложениями, в которых дается биография поэтессы и библиография ее произведений. Книга иллюстрирована тонкими рисунками Анны Барболиной, фотографическими портретами Огдо, репродукциями с рукописных вариантов некоторых стихотворений автора, картами Таймырского полуострова. В целом издание производит впечатление хорошо сделанной работы. Встречаются правда, и досадные опечатки, но они вполне извинительны, если вспомнить, где и кем издавался сборник.

Это честная книга, в ней есть все, что когда-то волновало и воодушевляло маленькую женщину, обладательницу редкого дара *визать, словно бисер, слова в образы*. И если лирика мало подвластна политической конъюнктуре, то этого не скажешь о стихах на «злобу дня». Составители сборника поступили мудро, не отказавшись от произведений поэтессы, навеянных политическими событиями и ее представлениями о них. Они поместили «политические» стихи в раздел «История» и снабдили их справочным материалом, что по нынешним временам совсем не лишнее даже для российских читателей, забывших (или уже не знающих) такие советизмы, как «красночумовец», «комсомолец», «большевик», «партбилет» и другие. Из песни, как известно, слова не выкинешь, хотя попытки подобного рода предпринимались в подобных случаях не раз современными издателями. Трудно сказать, чего здесь больше – желания «причесать» поэта по-современному или нежелания возиться с объяснениями его позиции, взглядов, исторических условий, в которых он жил и писал свои стихи.

Как спичка одна
Разжигает костер,
Как солнце одно
Озаряет простор,
Так Ленина слово
Всем дарит свой свет.

Слава Богу, составители избежали этого соблазна, как отметил в своем интервью Валерий Кравец, «желая нарисовать правдивый портрет Огдо».

Много лет назад каким-то чутьем угадав в первых ростках творчества Огдо подлинность и хрупкость таланта («...мы с тобой одной крови – ты и я»), Валерий Кравец помог ему созреть и окрепнуть. Начинающие поэты знают, что такое поддержка профессионала в самом начале творческого пути, как трудны первые шаги, как важно сохранить веру в себя и не упасть духом после первой же неудачи.

В. Кравец взрастил в Огдо эту веру, помог обрести терпение и радость творчества. Не сомневаюсь, сам он при этом тоже укреплял и свое терпение, и свою веру, и свою надежду; учился понимать незнакомый горный

язык людей, обладающих, несмотря на сдержанность характера и скупость жестов, поэтическим видением мира. Своего мира, самобытного и притягательного, далекого от привычных европейских стереотипов и построенного на вековой мудрости людей, живущих в гармонии с яростной природой.

Пусть запомнит мальчишка
Обычай мужчин:
Все от первой добычи
Гостю дай – на почин.
А вторую добычу
Старикам – по обычаю.
И тогда – так судачат –
Будешь вечно удачлив.
Если щедрым ты будешь,
То добычу добудешь.
Мы приходим веками
Не с пустыми руками.

Казалось, этих двух людей разделяет все: взгляды, привычки, традиции, культуры, расстояния, наконец, – Огдо жила в Дудинке, Валерий в Норильске. Она часто возвращалась в родную тундру, он – летал в командировки в Москву, будучи собственным корреспондентом Центрального телевидения Советского Союза.

Их духовная связь не прерывалась, несмотря на расстояния и занятость, и не только потому, что Кравец занимался переводами с подстрочника и нуждался в объяснениях и пояснениях какого-то выражения или сравнения, а она волновалась за подлинность передачи найденного образа, в целом стихотворения. Поэзия стала как бы поводом к настоящей дружбе, которая с годами становилась крепче. Постепенно Валерия Кравца уже хорошо знали и встречали как своего не только родственники и земляки Огдо, но и многие тундровики. А это – дорогого стоит.

Ты за сто аргишей
Руку мне протянул.
Ты пришел – и печаль
Отогнал мою вдаль.
Добр ко мне был и строг,
Встать на ноги помог.

Ты за сто аргишей
Приезжаешь ко мне,
Где бы я ни была,
И твой добрый совет
Мне как солнечный свет,
Что горой не закрыт.

Будут таять снега,
Оживут берега,
Сбросит стадо рога –
Вот и вся недолга.
Все изменит черты,

**Литературно-художественный альманах
«Полярное сияние-2003»**

**Управление по делам культуры и туризма
Администрации Таймырского (Долгано-Ненецкого)
автономного округа
Таймырская окружная библиотека
Таймырская региональная писательская организация**

*Издание альманаха ставит своей целью
популяризацию творчества
прозаиков и поэтов,
драматургов и литературных критиков,
проживающих на полуострове Таймыр
или пишущих о нем.*

В оформлении альманаха использованы репродукции
работ таймырских художников
Мотюмяку Турдагина и Бориса Молчанова.

Заказ № 721. Тираж 300 экземпляров.
Отпечатано в ОАО «И типография «НОВОСТИ»,
105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

